ДЖЕЙМИ ВАРДИ

Из ниоткуда

– АВТОБИОГРАФИЯ –

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Из ниоткуда» – невероятная история футболиста, который в 30 лет стал суперзвездой. Его команда, «Лестер Сити», обыграла на пути к золотым медалям лучшего чемпионата планеты таких грандов, как «Манчестер Юнайтед», «Ливерпуль», «Челси», «Манчестер Сити» и «Арсенал». Джейми Варди не хватило лишь одного мяча, чтобы возглавить таблицу бомбардиров английской Премьер-лиги. И все это – в сезоне АПЛ 2015/16, который благодаря драматичному развитию событий навсегда войдет в историю мирового футбола.

- Джейми Варди
  -
  -
  -
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - Эпилог
  - Благодарность
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Джейми Варди
Из ниоткуда: автобиография

Jamie Vardy
FROM NOWHERE, MY STORY
© Jamie Vardy 2016 First published in 2016 by Ebury Press. Ebury Press is part of the Penguin Random House group of companies.
© Якупов Б.Р., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Еще несколько лет назад Джейми Варди играл в восьмой английской лиге – на дне британского футбола. Он был обычным парнем из Шеффилда, который подрабатывал на местном заводе и не мечтал стать звездой мирового масштаба.

На заре карьеры Варди исключили из академии местного клуба из-за низкого роста. А в один из вечеров после потасовке в пабе он даже умудрился попасть за решетку. Тогда сборная Англии чуть не потеряла одного из важнейших игроков в нынешней команде.

***

«Варди – лучший бомбардир лиги. Многие футболисты зарабатывают больше его, а забивают меньше. Он, безусловно, стоит своих денег».

Арсен Венгер, тренер лондонского «Арсенала»

«Сезон, который провел Варди, войдет в историю».

Тьерри Анри, экс-нападающий сборной Франции

«Джейми очень умен. Он как король в «Лестер-Сити», его все обожают. Без него у нас ничего бы не получилось».

Клаудио Раньери, бывший тренер «Лестер-Сити»

Пролог
«Вечеринка у Джейми Варди»

Я достал банку «Стеллы» из синего пакета, открыл и тут же выпил. На часах – одиннадцать утра. Это был понедельник банковских каникул[1], поэтому центр Лестера был необычайно тихим. Следующие семь часов в мое тело вонзалась татуировочная игла, боль от которой отдавала в ребра, живот, спину и бедра. Я принял четвертую порцию обезболивающих.

На дверях тату-салона «Blue Ink» на улице Белгрейв-Гейт висела табличка «закрыто». Однако меня впустили, потому что мне было назначено персональное посещение, организацией которого я был озабочен несколько последних недель. Владелец салона Уэс Морган отсутствовал. У него выдался свободный денек после игры накануне, когда он сравнял счет в матче с «Манчестер Юнайтед». Но персонал тату-салона Уэса принял меня гостеприимно, и я начал потягивать пиво, которое они принесли из магазинчика за углом.

Некоторые прохожие бросали взгляд в окно и видели меня, сидящего в кресле в приемной. А я поглядывал на эскиз татуировки с рисунком карманных часов, который должен был подчеркнуть важное событие в моей жизни – рождение дочери Софии. Я не мог отделаться от мысли, что набросок выглядел более профессионально, нежели мое первое тату, сделанное в чьей-то квартире в Шеффилде за 25 фунтов.

Я снял футболку, вошел в процедурный кабинет. Там я поставил на журнальный столик iPad и, чтобы отвлечься от иглы, стал смотреть матчи «Уолсолла» против «Флитвуда», «Брайтона» против «Дерби», «Бернли» против «КПР»[2] – один за другим, хмурясь от боли.

В этот вечер должна была состояться еще одна игра. Но к ее началу мне нужно было покинуть кресло тату-мастера и вернуться домой. Это была игра «Челси» – «Тоттенхэм» на «Стэмфорд Бридж». После шести вечера Кристиан Фукс и Роберт Хут забрали меня в Мелтон-Мобрей[3]. Тут Интернет разразился новостью: «Вечеринка у Джейми Варди». И это несмотря на то, что на «Олд Траффорд» мы договорились хранить эту информацию в секрете.

Уэс звонил мне днем, интересуясь более планами на будущее, нежели разговорами об обновлении моей татуировки. Капитан хотел удостовериться, что все виновники торжества (игроки «Лестера», тренеры и т. д.), а также съемочные группы

СМИ смогут комфортно разместиться, чтобы запечатлеть празднование нашего чемпионства, если «Тоттенхэм» не сможет одолеть «Челси». Мы ведь согласились позволить нескольким репортерам посетить вечеринку. Даже намекнули им: она должна занять все колонки в газетах, поскольку множество людей толпятся около моего дома, вытягивают шеи, пытаясь увидеть, что происходит за стеной.

Внутри дома полдюжины парней слонялись у экрана телевизора на кухне, в то время как остальные устроились в маленькой комнате. Вокруг них были расставлены бутылки пива вперемежку со стаканами виски, чтобы успокоить нервишки. Я лежал на полу, поедая снеки к пиву. Старался лечь так, чтобы новое тату не причиняло много боли. Все были расслаблены, по крайней мере до того, как начался матч. Мы надели футболки «Челси» – и будто сидели в пабе в центре города и кричали судье «прогони его» после каждого фола «Тоттенхэма». Скоро наша расслабленность растворилась в горячем воздухе без следа. Чуть ли не хором мы выругались, когда Гарри Кейн обошел Асмира Беговича и открыл счет. Потом «Шпоры»[4] удвоили свое преимущество к концу первого тайма. Атмосфера в моем доме стала поистине удручающей.

Для парней банковские выходные были испорчены. Мы представляли себе завтрашние заголовки в газетах: «“Тоттенхэм” испортил вечеринку у Варди», мы уже видели газетные колонки, наполненные фотографиями каменных лиц ребят, покидающих мой дом. «Челси» был растоптан и похоронен, наши мысли стали уже поворачивать в сторону субботней домашней игры с «Эвертоном». «Мы просто должны закончить дело», – сказали несколько ребят, чтобы поднять боевой дух.

Но через час все изменилось: Виллиан подал угловой, и Гари Кэхилл забил гол в ворота Уго Льориса. Это приободрило нас: «Возвращайтесь в игру!» Неожиданно игра вновь стала боевой. Мы не просто поддерживали «Челси», мы практически играли вместе с командой Гуса Хиддинка. И тут это случилось! Азар повел мяч с левого фланга, обвел несколько игроков, отдал пас Диего Косте, получил мяч обратно и потом… Оххх, черт! Фантастический удар, и – десятый номер «Челси» заколотил мяч в девятку. Весь Мелтон-Мобрей сошел с ума.

Все, кто был в эту минуту в моем доме, бросились врассыпную. Рияд Махрез и Мэтти Джеймс перепрыгнули через лестничную дверку, чтобы присоединиться к остальным – обниматься. Я от радости сделал кувырок от кухни до дивана в комнатке. Этот трюк я не делал с тех пор, как забил гол на открытии чемпионата в игре с «Сандерлендом». Василевский

схватил Уэса за лодыжки и таскал его по кухне. Это была настоящая преисподняя!

Лишь спустя минут семь-восемь все собрались в кухне, где съемочная команда наконец-то установила свою аппаратуру. Но и здесь мы стояли неподалеку от телевизора плечом к плечу и, не отрываясь, смотрели на экран, считая секунды до конца матча. Это было похоже на отсчет секунд до Нового года у башни Биг-Бена. «Лестер» выигрывал титул чемпиона впервые за 132 года существования клуба!

Шла шестая минута дополнительного времени, время близилось к 97-й минуте, когда Виллиан отдал на Азара, который лишь коснулся мяча перед финальным свистком. Рефери Марк Клаттенбург просвистел трижды, но мы услышали его только один раз. Комната будто взорвалась, все обезумели. Мы не чувствовали времени, все сошли с ума и начали танцевать в кухне, обнимая друг друга. Телевизионщики подошли ближе, и вспышки фотокамер заполнили комнату. Мы начали петь «Чемпионы! Чемпионы! Оле! Оле! Оле!».

Я просто не мог осознать реальность происходящего, как и все вокруг. Один из парней был в слезах, в то время как второй от радости крутил головой. Некоторые игроки выскочили в сад, чтобы прийти в себя. Но и там лужайка напоминала тюремную площадку, набитую людьми, которые бестолково ходили туда-сюда. Некоторые ребята звонили своим женам и друзьям, остальные твердили себе: «Да, да, это случилось».

Но я не мог поверить в это – как после финального свистка, так и часы спустя, укладываясь спать. Мой «Лестер», считавшийся одним из претендентов на вылет и аутсайдером, стал чемпионом Премьер-лиги.

1
Бело-голубые
Футбол, футбол и еще раз футбол – такова была моя жизнь

Дэвид Херст. Вот имя. Я не хотел бы быть кем-то еще. Когда я играл в футбол, я мечтал стать легендой, а этот игрок выступал за мой любимый клуб. Дэвид был моим идолом, потому что он делал ровно то, что и хотел делать, – забивал голы за «Шеффилд Уэнсдей». Только он делал это лучше, чем любой из тех, кого я видел. Левая нога, правая нога, скидка головой, удар. Ты только подумаешь, и Херст забивает. Когда-то я хотел повторить все эти голы полностью, с комментариями, у себя на заднем дворе в Малин-Бридже[5] или на автостоянке, что была возле паба через дорогу. Там же находилась и наша «лазалка» – полусферическая конструкция, балки которой образовывали треугольники, по ним лазили дети.

Дэвид мог не знать этого. Он мог бы быть таким же результативным даже на этой маленькой площадке – моем «Хиллсборо»[6].

Мои родители жили через дорогу от паба, в доме с тремя комнатами на Локсли-роуд, куда мы переехали до того, как я закончил учиться в начальной школе Малин-Бриджа. Я часто играл с мячом на стоянке. Играл до наступления темноты в игру «Уэмбли». Она заключалась в том, что я должен был забить гол в любой треугольник лазалки. Гол удваивался, если мяч пролетал через два треугольника, которые располагались в верхней части лазалки.

Эшли Кросс, который жил через пару улиц от этого места и ходил со мной в школу, обычно присоединялся к этой игре с Тимом Стантоном и его братом Беном. Бен был гитаристом в инди-группе «Харрисоны», названной в честь улицы Харрисона, находившейся в двух шагах от паба.

Я почти всегда ношу мою бело-голубую спортивную форму «Уэнсдей», воспроизводя в памяти игры, которые я смотрел на «Хиллсборо». В том самом месте, которое было особенно важным для меня в детстве.

Мой отец начал водить меня на матчи, когда мне было около 5 лет. Матчи проходили на стадионе, у которого была одна из самых больших в Европе одиночных трибун. На ней могло разместиться около 20 тысяч человек. И я никогда даже не думал,

что все болельщики Шеффилда сидели на такой огромной трибуне, похожей на террасу, устремляющуюся в небеса.

Я был настолько мал, что меня поднимали и усаживали на голубые перила. Ничто не сравнится для меня с этим видом. Это было для меня полем чудес. Я смотрел за игрой Джона Шеридана, Джона Харкеса и Найджела Пирсона, которые играли в «Шеффилде» и финишировали на третьем месте в 1992 году в бывшем первом дивизионе.

Я любил эту атмосферу – песни и возгласы, когда «Шеффилд» забивал. Но больше всего мне нравился Херст. У девятого номера «Шеффилда» был сильнейший удар левой ногой. От его удара мяч, летевший со скоростью 144 мили в час, сломал перекладину в Хайбери в 1996 году. Этот удар был самым сильным в истории Премьер-лиги. Всегда, когда мяч был у него, ты ощущал удовольствие от игры. Я, как и все вокруг, ожидал чего-то особенного в этот момент.

Сэр Алекс Фергюсон пытался переманить его в «Манчестер Юнайтед», но Херст провел более десяти лет в Хиллсборо. «Шеффилд» был для него его клубом (каким он был и для меня), и когда он надевал эту знаменитую форму, он играл так самоотверженно, будто от этого зависела его жизнь. Я помню, как однажды он сломал лодыжку в матче против «Арсенала», но продолжил играть и забил потрясающий гол левой ногой. Лежа на поле после окончания матча, он не мог даже двигаться, не говоря уже о праздновании.

Моя одержимость Дэвидом Херстом, «Шеффилдом» и футболом определенно не очень хорошо сказывалась на моих успехах в школе, а также вызывала некоторые проблемы с нашими соседями. На самом деле, спустя 20 лет, я прошу ту несчастную женщину, что жила по соседству с нами, меня простить.

По стрелке улицы стояли четыре дома с общей лужайкой, и я знал, что соседка не любила, когда я там играл в мяч. Мягко говоря, я приуменьшаю. Она ненавидела это и не прекращала кричать на меня. Она прокалывала все мои мячи. Каким же она была ужасным человеком, чтобы делать такое маленькому ребенку!

Однажды она решила поменять окна в доме. Я пробрался на ее участок. Это был настоящий шанс, чтобы расплатиться за все. Окно было разбито до того, как стекольщики начали установку. До сегодня никто не знал об этом – это я кинул кирпич в стекло.

Я понимаю, что это был нехороший поступок, и я беспокоился, что родители узнают о моей проделке. Но для меня гораздо большим преступлением были попытки этой женщины

запретить мне играть в футбол, потому что лишь этого я желал с тех пор, как сделал первый шаг.

* * *

Я родился 11 января 1987 года. Первые годы моей жизни я провел на Овертон-роуд, где рос в тени стадиона «Хиллсборо». Этот дом принадлежал моим бабушке и дедушке, Мейвис и Геральду Клевес. Прямая тропинка, ведущая на задний двор, будто была создана для того, чтобы пинать мяч. Она утыкалась в ворота, поэтому я мог спокойно пинать в них мяч, а мяч отскакивал от ворот обратно ко мне.

Позже я начал учебу в Марлиффской начальной школе. Туда я проходил недолго, пока мы не переехали на Холм-лейн и я не перешел в школу Малин-Бриджа. Еще через несколько лет мы переехали на Локсли-роуд, что было в пяти минутах ходьбы от прежнего места проживания.

Я жил с родителями и маленькой сестренкой Лаурой. Моя мама – Лиза – работала в суде, а у папы – Фила – было множество разных мест работы. Он был плотником, после стал инструктором по вождению, потом – оператором строительного крана. Я всегда был близок с моими дедушкой и бабушкой, которые иногда забирали меня на каникулы в Грейт-Ярмут[7] или Скегнесс[8], где мы играли в гольф и веселились. Меня вырастили в семье рабочего класса. У нас не было много денег, но родители не отказывали мне в некоторых вещах, которые были действительно важны для меня, например футболка «Шеффилда» или новая пара бутс.

Я был счастлив, когда мы поселились в Малин-Бридже. Это был пригород в двух с половиной милях от центра Шеффилда. Его жители были сплоченными, а кругом, куда ни глянь, индустриальный пейзаж – от старой мельницы и банков на реке Локсли до завода Ла-Плата на улице Холм-лейн, работающего с конца XIX века. Когда-то он был домом Бергана и Болла – знаменитых шеффилдских сталеваров.

> Я понимаю, что это был нехороший поступок, ия беспокоился, что родители узнают о моей проделке.

Иногда я ходил рыбачить на речку с отцом или дедом. Но больше всего времени я проводил на улице, гоняя мяч. Недалеко находился гараж с красными воротами (на Котсуолд-роуд), мы часто вколачивали в него мяч. Когда один из хозяев гаража выходил к нам, мы перемещались в уголок на пересечении

Чилтерн-роуд и Лесли-роуд.

Футбол, футбол и еще раз футбол – такова была моя жизнь.

В школе Малин-Бриджа я сидел за партой у окна и глазел туда, попутно кидая взгляд на стрелки часов – в ожидании перемены, на которой можно было выскочить на площадку и попинать мяч с моими друзьями-одноклассниками.

Единственная вещь, которая меня интересовала в школе (кроме, понятно, футбола на переменках), были уроки математики с мистером Пембертоном. На все же остальные уроки я ходил через силу, думая о следующей игре «Шеффилда» или о голах, которые я забью, играя на школьной площадке. Но когда мистер Пембертон стоял в классе, мое внимание он захватывал целиком. Он был прекрасным педагогом и хорошим человеком, у него даже были конфеты из местного ларька. Вот и была математика моим любимым предметом.

Так что в начальной школе у меня (кроме футбола) были успехи на тестах мистера Пембертона. Он рисовал на доске часы с числами от одного до двенадцати. Когда кто-то выходил к доске, то попадал под ограничение во времени. Пембертон говорил: «Хорошо, у тебя 30 секунд, начинай». Он показывал число на циферблате своей указкой, и ты должен был умножить его на половину от этого числа. Я обожал эти занятия. В этом я был хорош, чего нельзя сказать о большинстве учебных курсов в школе.

Не знаю, откуда у меня склонность к числам. Может быть, потому, что в детстве я проводил много времени в пабе с отцом и его друзьями и подсчитывал их очки, когда они играли в снукер или дартс. А может быть, потому, что я много времени отдавал изучению турнирной таблицы, прикидывая, на каком месте может оказаться «Уэнсдей».

* * *

В начале девяностых фанаты «Шеффилда» проживали золотую эру – наша команда занимала место среди лучших клубов лиги. В 1991 году «Шеффилд» обыграл «Манчестер Юнайтед» и выиграл Кубок лиги. В следующем сезоне они заняли третье место, как и в 1993-м.

Когда мне было шесть, они играли на «Уэмбли» четыре раза на протяжении семи недель. Первой из этих игр был полуфинал Кубка Англии с «Шеффилд Юнайтед», нашими принципиальными соперниками. «Уэнсдей» победил 2:1 в дополнительное время. Лучшим игроком матча, без сомнения, был Крис Уэддл, который

на второй минуте забил гол со штрафного мощным ударом с 30 ярдов. «Алан Келли с ходу забивает мяч», – комментировал Барри Дэвис (в свои ворота, что ли?!). Я так много раз смотрел видео этого гола, что запомнил комментарий наизусть, когда Уэддл ударом левой ноги закрутил мяч в домик вратарю «Юнайтед». Вот это был гол!

К сожалению, это была единственная победа «Уэнсдей» из всех четырех матчей. Мы проиграли 1:2 «Арсеналу» в финале Кубка Лиги. Тогда Стив Морроу сломал руку в послематчевом праздновании титула – Тони Адамс пытался его поднять, но в итоге уронил.

Также «Арсенал» был лучше нас в финале Кубка Футбольной ассоциации. Результат матча был таким же. Я прогулял школу в этот день. Матч проходил ночью, в четверг. В школе (чтобы меня освободить) мама сказала, что мне – на прием к дантисту, поэтому мы смогли добраться из Шеффилда в Лондон вовремя. Я уснул в машине и проснулся уже на «Уэмбли».

Вечер выдался по-настоящему длинным. Начало игры задержали на полчаса из-за проблем на дорогах, более того, игра перешла в дополнительное время. Крис Уэддл сравнял счет после гола Иана Райта. Казалось, что это будет первый финал Кубка ФА, судьба которого должна решиться в серии пенальти. Но на 119-й минуте Энди Линиган разбил мое сердце, когда с углового он головой вколотил мяч в ворота. Вратарь не смог остановить такой удар. Я был жутко расстроен. К тому же к концу матча мы насквозь промокли, так как сидели в первом ряду. Добро пожаловать в мир болельщика «Уэнсдей»!

Но все равно я рвался посетить все игры своей команды, а уж тем более на «Хиллсборо». Я терпеливо стоял в очереди за автографами – особенно к Херсту – и всегда с нетерпением ждал заключительную домашнюю игру сезона: это был шанс выбежать на поле и попытаться получить футболку или пару бутс от одного из игроков.

Став чуть постарше, я пришел к любопытному выводу. Находясь в детстве внутри футбольного стадиона, я получал вот какое преимущество: мне вполне сходило с рук такое поведение, которое ни в коем случае не допускалось в других местах. Допустим, выдать несколько нецензурных слов. Если я не повторял их дома, то на стадионе – пожалуйста, я – в безопасном месте.

* * *

Подражание своим героям футбольного поля вскоре начало окупаться. Я стал ходить в Досуговый центр Хиллсборо, чтобы получить некоторые уроки игры в футбол, которые там давали детям, а затем вошел в детскую команду, которая называлась «Йорк Каунти». Маленький, легкий и быстрый, я играл впереди и забивал по четыре-пять голов в большинстве игр. А еще я завязал там дружбу (продолжающуюся всю мою жизнь) с мальчуганом по имени Ян Коллинз, игравшим правого защитника.

Первый крупный трансфер в моей карьере случился где-то в возрасте десяти лет, когда я сменил «Йорк Каунти» на «Шеффилд Рейнджерс». Мой отец знал Дэвида Мейса, менеджера «Шеффилд Рейнджерс», потому что был также инструктором по вождению. Ну а я прежде не раз пересекался на шеффилдских путях-дорожках с его сыном Дэниелом. Этот паренек стоял в моих глазах высоко, потому что он уже числился в списках «Уэнсдей».

«Шеффилд Рейнджерс» был уже шагом в профессиональный футбол. Клуб имел хорошую репутацию в округе, а некоторые из его участников были довольно тесно связаны с «Уэнсдей», в том числе Дэвид. Для них он, в сущности, и тренировал мальчишек, отыскивая среди подопечных наиболее подходящих. Будучи пареньком жизнерадостным, я быстро освоился и, получив приглашение, почувствовал себя так, словно сбываются все мои пожелания в ночь под Рождество.

«Уэнсдей» считал, что я должен пройти испытания в Мидлвуде, на тренировочном полигоне «Хиллсборо». В то время директором молодежной академии «Уэнсдей» был Клайв Бейкер (история его взаимоотношений с клубом уходила аж в 1984 год), и я должен был произвести на своих тренировках хорошее впечатление именно на него. Мне показалось, что их порадовала возможность дать мне место. А передо мною открывалась жизнь, лучше которой и вообразить нельзя. Ко всему прочему я еще получил два бесплатных билета на Южную трибуну, близко к воротам, и мог теперь следить за ними каждую неделю.

Обучение в Мидлвуде проходило каждые понедельник, вторник и четверг – по два вечерних часа. Я всегда приходил пораньше – прямо-таки не мог дождаться назначенного часа. По субботам, если «Уэнсдей» играли дома, я с отцом ходил смотреть матч, а по воскресеньям играл в школьных командах клуба против других таких же, как правило, на севере и даже в более отдаленных городах, таких, скажем, как Ньюкасл. Короче говоря, «Шеффилд Уэнсдей» захватил мою жизнь полностью.

Единственным минусом во всем этом было то, что я не мог теперь играть за каких-либо конкурентов «Уэнсдей», потому что стал приверженцем клуба. Приходилось довольствоваться в

свободное время уличным футболом. А уж он-то продолжался – хоть в Малин-Бридже, хоть в Хиллсборо, где жил мой двоюродный брат. Бывало, некоторые из нас добирались на своих великах до стадиона, где на углу за Леппингс-лейн мы играли, используя вместо ворот большие синие двери выхода с трибуны. В один из таких дней мимо проходил Клайв как раз в тот момент, когда мне удалось сделать дубль – дважды вмазать в эти двери. «А! – сказал он с улыбкой. – Вот из-за кого нам приходится все время перекрашивать эти ворота».

Я сказал Клайву, что у нас с мальчишками не нашлось другого места для игры, но на самом деле нам просто хотелось быть как можно ближе к «Уэнсдей». Мы все мечтали, следуя по стопам наших героев, играть на стадионе «Хиллсборо», вот и воображали, что настал тот прекрасный день, когда мечта наша сбылась.

Во время этих наших перебрасываний мяча друг другу частенько случалось, что мяч застревал где-то в верхнем периметре стены. Приходилось перелезать через ограду, чтобы его отыскать. Тогда мы чувствовали себя озорными ребятами и спускались не на улицу, а в поле, да еще и с прибамбасами – повиснув на стене вниз головой. Тут уж мы проводили время поистине прекрасно: делали передачи на фоне 40 000 пустых зрительских мест и принимали мяч – ну просто как Дэвид Херст и Паоло Ди Канио. Пока охранник громким криком нас не разгонял.

Ди Канио взяли в «Уэнсдей» в 1997 году, через год после того, как в клубе появился Бенито Карбоне, и у меня уже в детстве появился прекрасный опыт общения с инакомыслящей итальянской парой. Бывало (в течение обучения в Мидлвуде), что в субботу утром у первой команды не было матча, и игроки слегка упражнялись на тренировочном (нашем!) полигоне. Мы, пацаны, конечно, такой случай не упускали, я перестукивался мячом с другим пареньком из моей возрастной группы.

И вдруг профессионалы – Карбоне и Ди Канио – бросили нам вызов: поиграть головой в теннис футбольным мячом! В то время они были, вероятно, лучшими игроками в «Уэнсдей» – клуб рекордно потратился на их трансфер, – так что это была мечта заоблачная – поиграть с ними.

Но это был и кошмар: как только теннис головами стартовал – они разделали нас под орех. С одной стороны сетки были двое детей, пытающихся головой (любым возможным способом, пусть без всякого изящества) перебросить мяч обратно, с другой – Карбоне и Ди Канио, которые будто стряхивали его, просто и точно в намеченное место, превращая игру в выставку

футбольного искусства. Единственное, что я мог сделать, это вскрикивать: «Вау!»

Я любил Ди Канио. Вот это игрок! Как много страсти, как наполнен талантами! Но, говоря «Ди Канио и “Шеффилд Уэнсдей”», чуть ли не все вспоминают лишь один инцидент: когда он, толкнув рефери Пола Алкока, был в игре против «Арсенала» в сентябре 1998 года удален с поля. Две вещи заставляют меня улыбнуться. Во-первых, театральность сцены падения рефери – ему понадобилось полминуты, чтобы приземлиться. Во-вторых, комедийный момент: когда Найджел Уинтерберн подошел к игроку, которому показали красную карточку, то тут же и наложил себе в штаны, когда Ди Канио жестом показал, что и ему может достаться нечто особенное.

Я только начал учиться в средней школе Вайсвуда[9], когда Ди Канио отстранили на 11 игр. Я не мог найти себе места из-за того, что был сильно расстроен.

В первый день учебы в средней школе я сидел перед тьютором[10] нашего класса. Так вот, не успел я вынуть свою ручку, как учитель сказал: «Джейми Варди, к директору». Выяснилось, что кто-то кидал камни в окна моей старой начальной школы в Малин-Бридже, и почему-то главным подозреваемым был я.

Я объяснил мистеру Барру – завучу, что это вовсе никак со мной не связано, и это было правдой. И я знал, что это станет черным пятном на моей репутации.

Говоря откровенно, с этого момента учеба в средней школе стала для меня не важна. Я интересовался только футболом, потому что решил, что хочу стать профессиональным футболистом и играть в родном клубе.

Каждое утро я шел в школу с мыслью остановиться в кафе «Бетта» на Дюкес-лейн. Там я тратил двадцать пенсов на сэндвич, который был очень вредным. А впереди был еще один день скуки.

Среди такой скуки в школе я ободрялся лишь тогда, когда наступала перемена. Я бежал на площадку. А уж прямо-таки счастьем было присоединиться к футбольным играм старших ребят во время уроков физкультуры.

Вообще-то я любил принимать участие в любом виде спорта. Особенно хорош я был на поле и треке. Когда в школе проходили соревнования по бегу на 1,5 километра или на 100–200 метров, я был быстрым и выносливым. Хорошие результаты показывал и в прыжках в высоту, несмотря на свой маленький рост. Я всегда представлял школу на соревнованиях по этой дисциплине.

В возрасте 11–14 лет нам запрещали метание копья, так как считалось, что это было слишком опасно, поэтому мы бросали

мяч для крикета вместо копья. Принцип был такой же – разбегаешься и бросаешь, как можно дальше. Один учитель следил, чтобы ты не сделал заступ, а второй смотрел, куда приземлится мяч, чтобы отметить результат.

На первом таком занятии я подумал, что кину мяч гораздо дальше, чем предполагал преподаватель. Сказал учителю у бровки:

– Попросите другого отойти подальше.

– Нет, все в порядке, – ответил он мне.

– Да нет же, я кину дальше, чем он стоит, – сказал я.

– Уверен, что нет, – ответил мне учитель.

Я разбежался и со всей силы запустил мяч. Никогда не забуду этот взгляд учителя, который стоял на поле, наблюдая, как мяч пролетает над ним. Потом он неистово рванул, надеясь зафиксировать, где же приземлится снаряд.

Этот рекорд продержался долго, я швырнул мяч на 77 метров. Возможно, он до сих пор не побит.

Школа для меня больше ничего не значила, она отошла на второй план еще пару лет назад – за занятиями в спортивном комплексе. Мои способности к бегу были обусловлены природой. Мы ходили на курсы военной подготовки, где стояли в бараках и внимали, что такое военная служба. Нас будили ранним утром по боевой тревоге, тренировали в стрельбе из лука и проводили занятия челночного бега. Ребята вокруг потихоньку выдыхались, а я все бежал. Но на меня так же кричали.

Однажды проходили тест в спортзале, в котором было душно, как в духовке. Мы проходили подъемы в высоту. Когда я добежал до 12-го этажа, у меня еще были силы, но мне было очень жарко, поэтому я снял верхнюю одежду с торса и понес ее, прижав к груди. «Надень на себя форму!» – заорал сержант.

Мне было запрещено останавливаться, поэтому я попытался надеть одежду на ходу. Каждый знает, что не получается делать хорошо два дела одновременно. Вся форма перепуталась и превратилась в клубок. Я пытался распутать его, но не мог, так как нужно было смотреть вперед, на дорогу. «Забудь», – огрызнулся сержант. Я продолжил бежать без формы и поднялся еще на 1,5 этажа.

* * *

Я хотел развиваться физически, даже походил на несколько занятий по боксу – не потому, что хотел драться, а просто чтобы попробовать какой-нибудь новый вид спорта. Фрау Дрю желала,

чтобы я проявлял такую же прыть в изучении немецкого языка. Но, к сожалению, это было не так. Я ничего не знал, кроме «Ich heiße Jamie Vardy»[11]. Наверное, потому, что я редко приходил на занятия. Она часто выгоняла меня из класса, так как я обычно болтал, вместо того чтобы слушать. Так я и сидел один в коридоре со своей тетрадкой по немецкому.

> Я всегда приходил пораньше – прямо-таки не мог дождаться назначенного часа.

Сейчас думаю, что я доставлял много хлопот учителям школы, особенно в последние пару лет. У меня просто не было мотивации заставлять себя заниматься в классе, потому что мысленно я был с «Уэнсдей» и не мог представить свое будущее вне футбола.

Я получал обратную связь от клуба. Ты должен был прогрессировать, если хотел остаться в клубе. Некоторые парни вылетали, но я всегда был одним из тех, у кого были хорошие результаты.

Бен, сын Говарда Уилкинсона – бывшего тренера «Уэнсдей» и «Лидс Юнайтед», был в одной возрастной группе со мной. Также был Дэнни Кэр[12], который играл на той же позиции, что и я, – на фланге или на острие атак, – и был столь же невысок для своего возраста, как и я.

Все развиваются по-разному, но я просто не рос. Некоторые ребята были гигантами по сравнению со мной. В команде «Дерби Каунти», в группе 15-летних, был Том Хаддлстоун. Всего на две недели старше меня, но выглядел он как сформировавшийся мужчина. Формально Том был запасным в группе 15-летних, но играл на ведущих ролях с шестнадцатилетками. Это было непостижимо для меня.

В январе 2002 года, когда мне исполнилось 15, дела у «Уэнсдей» стали совсем плохи. Славная эра начала 90-х, когда забивал Дэвид Херст и клуб боролся за «серебро» под руководством Рона Аткинсона, прошла давным-давно.

«Уэнсдей» вылетел из Премьер-лиги в 2000 году, уволив тренера клуба Дэнни Уилсона. Следующий, Пол Джуэлл, пробыл на этом посту лишь восемь месяцев и был заменен Питером Шривесом, который, в свою очередь, был заменен спустя такой же промежуток времени. В довершение всех бед клуб был в огромных долгах. Джимми Шоулдер, тренер команды Уэльса, младше 21 года, принял этот пост и привел с собой часть бывшей команды. Но это меня не беспокоило. Я продолжал делать то, чем занимался день ото дня, – доказывать, что я хорош в игре.

В школе мне предлагали другие пути развития. Велась

расширенная программа для обеспечения университетским образованием детей, семьи которых не могли себе этого позволить. Я был одним из выбранных на эту программу и целую неделю ходил в университет Шеффилда с некоторыми другими учениками из Вайсвуда. Мы жили в общежитии, занимались разными делами, а по вечерам ходили на дискотеку. Но я все это не очень-то любил, за это время мой взгляд на будущее не поменялся, меня интересовала только карьера футболиста «Шеффилд Уэнсдей».

Я чувствовал, что у меня есть все подходящие качества. Я играл правой ногой, но так же хорошо играл и левой, потому что в детстве тренировал обе. У меня было видение поля, что помогало забивать голы. Были у меня и хорошая скорость, и упорство. Такими я видел свои качества. Понимал, конечно, что ростом пока не вышел, ну так что, разве это – помеха?

Но в «Уэнсдей» пришли к другому заключению. Я старался стереть из памяти этот день спустя недели, месяцы и годы. Мне сказали, что я мелковат для хорошего игрока. Не знаю, кто принимал это решение – Джимми Шоулдер, или Джим Хинч, или кто-то еще, – для меня было не важно. Я был совершенно опустошен, когда вышел из комплекса «Уэнсдей». Всю свою жизнь я сопереживал клубу, а сейчас мне заявляют, что я им больше не нужен. Они не понимали, что для меня значило – носить эту форму.

Если память мне не изменяет, на каком-то собрании говорили, что команду 17—18-летних игроков расформируют, поэтому мне бы пришлось перепрыгнуть на несколько этапов выше. Тренеры думали, что я физически не справлюсь с такими нагрузками. Но я никого не слушал, я просто знал, что они хотят от меня избавиться.

Я был растерян. Гнев и смятение смешались внутри меня. Все, к чему я стремился, у меня отняли. Ничто не имело смысла. Я прокручивал в голове эти события и задавался вопросом: «Почему они не могли мне дать время, чтобы я подрос?» Возможно, все было бы по-другому, если бы Клайв оставался директором футбольной академии.

Но размышления о том, что было б, если бы да кабы, двигаться вперед не помогали. Я больше всего беспокоился о будущем. Реальность осенила меня, и я подумал: «Черт, я не занимался в школе последние два года. Что же будет дальше?»

Летом я сдавал итоговые экзамены после окончания средней школы. Лишь по одному предмету я получил оценку С+. Неудивительно, что это была математика. Остальные же предметы я провалил. Три вечера в неделю я ходил на игры

«Уэнсдей» и каждое воскресенье путешествовал на север Англии.

Разочарованный и подавленный, я вернулся к тому, с чего начинал. Сыграл несколько игр за «Йорк Каунти», который базировался недалеко от места моего жительства, но был так далек от того, о чем я мечтал! Мой товарищ Ян Коллинз до сих пор оставался в «Уэнсдей», и я начал ходить с ним на рыбалку на выходных. Он присоединился к клубу рыбаков «Меркьюри Таксис»[13] и путешествовал по всему Йоркширу, чтобы соревноваться в лиге. Я был не так хорош в ловле рыбы, но это было без разницы. Больше для меня уже ничто не имело смысла. Мои бутсы запылились, а все мечты стать новым Дэвидом Херстом испарились.

2
«В бутсах он смотрелся бы лучше»
Я был быстрым, мог закончить атаку и никогда не боялся идти в отбор

«А выиграл… Джейми Варди».

Мое имя появилось на доске объявлений прямо тогда, когда я нуждался в деньгах. Вообще-то немножко денег у меня было. Чтобы играть в этом клубе в футбол, все игроки должны были платить 3,5 фунта в неделю. Так что узнать, что я выиграл сто фунтов в лотерее «Клуб 500», было для меня очень радостной новостью.

Каждый игрок должен был платить эти 3,5 фунта, даже если он получал зарплату, выступая за основную команду клуба. Однако участие в данной лотерее время от времени приносило льготы. Клуб собирал более десяти тысяч фунтов в свой фонд и иногда давал немного денег игрокам. Я был должен клубу несколько фунтов, и, когда выиграл, это вызвало ко мне подозрения. Но я не жаловался.

Я ничего не знал о «Стоксбридж Парк Стилс» до того, как подписал контракт. Думаю, первым впечатлением большинства футболистов при соглашении с этим клубом было осознание, что это не то место, где можно занять нишу в футболе.

Для тех, кто никогда не был в этом регионе, Стоксбридж – это город металлургов на окраине Пик-Дистрикта, в южном Йоркшире. Это место было в паре миль от Малин-Бриджа.

Когда ты едешь по Стоксбриджу и сворачиваешь с главной дороги на Нэнни-хилл, мимо старой башни с часами, а потом налево, на Бокинг-хилл, склон по этой улице настолько крутой, что нужно ехать минимум на второй передаче. Наконец ты доезжаешь до Брейкин-Мур-лейн. Дорога продолжает идти в гору до того момента, пока ты не увидишь футбольное поле за каменной стеной слева. Там расположен стадион. Сегодня его вместимость – 450 человек. Такая же была и в то время, когда я играл там, единственное различие: сейчас его назвали в честь меня.

Первый раз, когда я шел по Брейкин-Мур в четверг ночью с отцом в конце 2003 года, я даже не был уверен, что поступаю правильно. Я играл тогда за молодежный ФК «Уикерсли» для

младших в Ротереме, бок о бок с Мэттью Бертоном, который также был исключен из «Уэнсдей», только чуть пораньше, чем я. Мы вместе ходили в физкультурный колледж, и Мэтт говорил мне: «Надо бы вернуться назад в футбол». Мы играли в команде спортшколы Уикерсли, тренировались по четвергам в спортивном центре в Ротереме, который был далековато от Шеффилда. Так что частенько после тренировки я оставался на ночь в доме родителей Мэтта, а наутро в пятницу мы ходили в колледж.

Однажды мы играли против «Стоксбридж». Я сыграл хорошо, и Стив Адамс, тренер их команды, узнал, что я живу недалеко и знаком с одним из его игроков. Стив позвонил мне несколько дней спустя и спросил, не хочу ли я присоединиться к «Стоксбриджу». Он был уверен, что я сразу же соглашусь на это предложение, но я сомневался. Я не хотел огорчать Мэтта, он был мой друг. К тому же я играл за «Уикерсли» не так долго, поэтому не хотел уходить. Но Стив был настойчив, и я, наконец, согласился встретиться с ним, чтобы обговорить нюансы, оценить условия и посмотреть тренировку.

Первая команда «Стоксбриджа» играла в первом дивизионе Северной Премьер-лиги, что было восьмым по значимости уровнем английского футбола. В клубе, кроме основного состава, были вторая и молодежная команды, так что едва ли не все критерии профессионального футбола здесь имелись. Был шанс двигаться вверх шаг за шагом, это привлекало. Стало быть, если принять приглашение, то не нужно будет, когда я перерасту свои 18 лет, искать другой клуб и начинать все сначала.

Поле на стадионе для этого уровня было хорошего качества, но был и недостаток: оно располагалось на возвышенности и совсем не было защищено от ветра, поэтому там было чертовски холодно зимой. Если на стадионе «Хиллсборо» снега было совсем чуть-чуть, то на поле «Стоксбриджа» его было по колено. Поэтому множество матчей переносились, и к концу сезона был настоящий завал.

> Я был должен клубу несколько фунтов, и, когда выиграл, это вызвало ко мне подозрения. Но я не жаловался.

Если начинал дуть ветер, то на улице Брейкин-Мур он превращался в настоящую бурю, и это было кошмаром. В некоторых матчах голкипер мог пнуть мяч, а ветер относил его обратно к воротам. Когда случался туман, то он полностью покрывал поле. Однажды в матче против «Кидсгроува» я стоял в середине поля и даже не увидел забитого гола. Когда мы его забили, половина игроков команды уверяли, что именно они

последними коснулись мяча.

После того как я согласился подписать контракт со «Стоксбриджем», я вступил в команду для восемнадцатилетних игроков, которые играли по воскресеньям на поле через дорогу от основной базы клуба. Я просто хотел гонять мяч и радоваться. Мечта стать профессиональным футболистом исчезла. Мою уверенность уничтожило исключение из «Уэнсдей». Я просто хотел играть за «Стоксбридж».

Впрочем, я забивал множество голов и закончил свой первый сезон на втором месте среди бомбардиров. А на следующий год стал первым. Это меня удивляло, а вскоре и я стал *парнем Джеком*[14], который был всегда рад снискать славы.

Однажды я играл в полуфинале против шеффилдского «Хандсуорт Парраморе», наших принципиальных соперников. Матч перешел в дополнительное время, а потом началась серия пенальти. Имена исполнителей одиннадцатиметровых определял Стив, и я попросил его дать мне пробить последний, пятый, пенальти. У меня крутилось в голове, как я забью решающий пенальти и после этого прокачусь коленями в сторону болельщиков соперников.

И вот наступил момент, когда пятый наш удар должен был обязательно стать результативным, чтобы наша команда не проиграла, но – я не забил. Стив сказал, что это был один из самых худших одиннадцатиметровых, которые он только видел. Я пробил так сильно мимо ворот, что улетевший за пределы площадки мяч пришлось искать всей командой (мы, наконец, его нашли на улице Нэнни-хилл). Это была хорошая встряска для моей неуместной самоуверенности.

В другом полуфинале, 12 месяцев спустя, я также бил одиннадцатиметровый в серии пенальти против «Атерсли Рекриэйшн». Я помню этот момент четко, потому что, как говорили люди, Джофф Хорсфилд, бывший игрок «Фулхэма», «Бирнингема» и «Вест Бромвича», игравший ранее за «Атерсли», сделал пожертвование своему клубу, чтобы улучшить его инфраструктуру. Надо сказать, что и здесь я не забил, но на этот раз не промазал, просто голкипер смог парировать мой удар. Но (на мое счастье) рефери сказал, что вратарь вышел за линию ворот, поэтому мне представился шанс сделать второй удар. Когда я вновь устанавливал мяч на точку, голкипер сказал мне: «У тебя не получится попасть снова». «Вот же нахальный заср… ц», – подумал я и пробил в ту же точку. На этот раз он до мяча не дотянулся, и я побежал праздновать.

* * *

К концу моего второго сезона в «Стоксбридже» я уже был достаточно хорош, чтобы играть в дубле (с тренером Стивом Шаттом) по субботам, а по воскресеньям – в команде игроков младше восемнадцати. Я буквально не мог насытиться футболом.

Чего определенно нельзя сказать о моих академических успехах. После года в колледже Ротерема я должен был перейти в колледж Барнсли на следующие 12 месяцев, на какой-то другой курс, связанный со спортом. Но я перестал посещать занятия. Это было не потому, что я не мог заниматься, – я просто не хотел, поэтому мои оценки были ужасными. И все же я каким-то образом получил диплом, но до сих пор не понимаю как.

Я продержался там так долго только потому, что мне предоставлялась возможность играть против других колледжей. В одной игре за колледж Барнсли я играл на позиции правого защитника. Я не должен был играть, поскольку мои оценки были совершенно ужасными. Но наш тренер поставил меня против «РАФ XI». Впоследствии Марк пожалел об этом решении, когда я ввязался в равную борьбу с защитником. Я все-таки выцарапал мяч, но снес одного из игроков «РАФа» и получил красную карточку.

Скажу прямо: это был типичный я, всегда старавшийся компенсировать свой низкий рост цепкостью. Хотя я и подрос, после того как покинул «Уэнсдей», но по закону подлости до сих пор не выглядел на свой возраст. С виду был настолько юн, что даже в 18 я не мог купить себе выпивки или попить в пабе, у меня всегда спрашивали мой ID[15].

Тем не менее как только я стал достаточно взрослым, сразу начал ходить в местный паб с товарищами. Одним из них был Коллинз, мой старый друг с тех пор, когда я поиграл за «Йорк Каунти», с ним я ходил на рыбалку. Еще были Джек Риджи и Джош Рэнсон, которые были на пару лет младше меня (но выглядели вполне презентабельно). Коллинз был похож на Верна Тройера – актера, игравшего роль Мини-Мы в фильмах об Остине Пауэрсе. Он работал слесарем. Рэнс по прозвищу *Фродо*, данному ему в честь героя «Властелина колец», работал электриком. Риджи трудился в сфере здравоохранения. Все они были страстными поклонниками «Уэнсдей».

Мы зачастую собирались все вместе в «Олд-Блю-Болл» – баре в центре Хиллсборо. Все говорили, что у этого места плохая репутация, но я любил этот паб, там у меня не было неприятностей никогда. Здесь собирались самые стойкие фанаты «Уэнсдей». Здесь все время показывали матчи на большом экране, был дартс, игровые автоматы и частный стол для игры в бильярд. Однако посетителям было запрещено на нем играть, потому что

играли на нем только на матчах лиги.

Я играл в бильярд за команду паба по ночам, в понедельник. Это была добротная лига. Ты должен был играть и дома, и в других пабах на гостевых играх, прямо как в футболе! Выпивал несколько пинт пива (оно стоило всего £1.25 за пинту), играл и шел домой. Я продолжал играть в бильярд за этот паб, даже переехав в Галифакс в 2010-м. Более того, мои бильярдные выступления за паб продолжались и тогда, когда я вернулся в Шеффилд (тогда я был игроком «Флитвуда») на дополнительную игру.

Игра за запасную команду «Стоксбриджа» не была прибыльной, поэтому я начал работать барменом в Малин-Бридже, который был в нескольких сотнях ярдов от моего дома на Локсли-роуд. Там было два бара и большая тихая гостевая комната с бильярдным столом и дартсом.

Между прочим, некоторые постоянные посетители предлагали купить для меня пинту, пока я работал. Но по правилам во время обслуживания было запрещено пить. Ты мог выписать заметку, распечатать чек, выделить из него, какой напиток купили тебе, написать свои инициалы на верхушке банки, а потом, на выходных, придя в бар в качестве посетителя, попросить свой бесплатный напиток.

Парень по имени Дэнни Херст тоже работал в Малине. Он был на несколько лет старше меня, но мы хорошо ладили (и ладим до сих пор, я – крестный его сына Деклана). Однажды в субботу ночью он спросил меня, хочу ли я сыграть завтра за «Анвил» – местный паб. В бильярд? Да нет, в футбол. За «Анвил» он играл с Кросси, который также в детстве гонял мяч неподалеку отсюда, и с Крисом Спайером, оба были завсегдатаями Малина. До этого я не встречал Криса, но он, как и все вокруг, был фанатом «Уэнсдей», поэтому мы сошлись.

Когда ты начинаешь играть постоянно за первую команду «Стоксбриджа», ты подписываешь контракт и не можешь играть по воскресеньям. Но в 2006-м я все еще был во втором составе, поэтому мог играть где хотел. Ограничивать себя в игре я не собирался, да и играл бы даже семь раз в неделю.

«Анвил» выступал в шеффилдской высшей воскресной лиге, тренером команды был Джон – отец Дэнни. И здесь-то все было гораздо проще – вошел в список и играешь. Правда, все делалось в последний момент. И в связи с этим в Кубке мы встретились с большой проблемой. Были определенные правила, касающиеся регистрации на игру – за день до начала игры в Кубке. Пришлось искать обходные пути, чтобы решить эту проблему. Решение было одно – я должен был играть под чьим-то другим именем.

Гленн Мэрис показал свое лучшее выступление в то утро воскресенья! На самом деле не будет преувеличением сказать, что это было лучшее шоу от Гленна за всю историю. Я (под этим именем) начал игру «на скамейке», стоя у кромки поля, и вышел на поле лишь во втором тайме с сильным желанием играть. Через 30 секунд, как я вышел на площадку, я сделал забег и сильно ударил. Голкипер почти достал мяч, но не смог удержать его. Несколько человек развернулись, и на их лицах читалось выражение: «Какого черта, что сейчас произошло?!» До конца матча я отличился дважды, и Лес Джепсон, помощник тренера, сказал Дэнни: «Где ты, черт возьми, его нашел?» Это была первая и последняя игра, когда я не вышел в стартовом составе за «Анвил».

История моего неофициального дебюта в первенстве пабов набирала обороты. В Шеффилде, в субботней спортивной газете, которую называли *«Грин Ун»*, публиковались репортажи с матчей, прошедших на выходных. Заголовок сверху гласил: «Мэрис украл победу и зажег за “Анвил”». Я думал, что Гленн будет счастлив, если я всю неделю буду играть под его именем.

Я зарегистрировался на следующий матч, и к концу сезона мы стали чемпионами лиги. Я забил 50 голов, несмотря на то что присоединился к клубу недавно. Турнир проходил довольно забавно, и мы часто играли против команд, игроки которой еще не успели отрезветь с прошлой ночи. Некоторые из них, человек десять, потягивали пиво прямо у кромки поля.

Мы встречались в «Анвиле», на Станнингтон-роуд, потом набивались в машины и ехали 20 минут до Колли-Парка, на Парсон-Кросс, где на одном из футбольных полей начинались матчи в 11.00. Тот, кто не пил всю ночь, обычно становился водителем, поэтому я никогда им не был. Я проводил время на «Хиллсборо» или в городе, однако высыпался перед матчем, чтобы играть лучше.

Раздевалка в Колли-Парке представляла собой секцию ангара на парковке, поэтому лучше было оставлять одежду в машине. Площадка зачастую была загажена собачьим дерьмом. Не было ни душа, ни туалета, поэтому, если ты ел вчера курицу карри, у тебя были бы проблемы.

Как только матч начинался, я подшучивал над кем-то из команды соперника, бегал вокруг защитников и издевался. Я называл их придурками, убегал и через пару секунд возвращался. Они старались пнуть меня или догнать, но я был быстрее. Я обожал делать это, думал, что могу делать все что хочу. В этих играх не было никакой нагрузки, мы всегда выигрывали, и я забивал в каждом матче. Дэнни до сих пор рассказывает о матче,

в котором мы проигрывали 1:4. Тогда мы расстроились, я даже ругался неприлично, но потом мы все же победили со счетом 5:4.

После каждой игры мы возвращались в «Анвил». Наша форма была в грязи и дурно пахла. У нас был свой уголок в пабе, справа от дартса, поэтому, когда было немного посетителей, мы собирались в воскресенье на обед. Мы пропускали по паре пинт пива, играли в дартс, а потом заправлялись сосисками, жареной картошкой и кровяной колбасой. Я никогда ее не пробовал до того, как начал играть за «Анвил». И я понял, что многое упустил – это была лучшая кровяная колбаса из всех, что я когда-либо пробовал, хорошей обжарки, не сухая, такая, как надо.

Думаю, это было тем, чего я хотел. Я обожал футбол вне зависимости от того, на каком уровне играл. И, когда я возвращался в паб после матча и ел этот обед, – это было прекрасно.

Зачастую у нас не было даже тарелок, только салфетки, чтобы расстелить их на столе, накидать гору еды и поставить рядом пинту пива. Разве еще что-то нужно? Вот так вот с удовольствием я проводил время с друзьями в воскресенье, с наслаждением потягивая пиво и уплетая жаркое, сидя в грязной форме. Меня в такие моменты ничего не волновало.

Иногда, после обеда в пабе, я заходил домой, мылся и потом встречался с Дэнни. Начинали мы с пары пинт в нашем баре, а потом шли в «Трактир Тисовое дерево». Если было настроение, то мы заходили в клуб «Ракетница». Это заведение было открыто допоздна. Оно было грязным и дешевым. Пиво там стоило около 1 фунта за пинту, что было идеально для нас.

У «Анвила» были матчи с множеством местных соперников. Так вот, однажды в воскресное утро мы играли в финале со «Станнингтон Ворриорс». Матч проходил на стадионе футбольного клуба «Паркгейт», родной арены многих полупрофессиональных клубов Ротерема, что находился в 45 минутах езды от «Анвила». Мы отнеслись к этому матчу очень серьезно, наняли тренера и надели форму «Шеффилд Уэнсдей». Ее нам дал Джон Мюррей, заведовавший гардеробом «Уэнсдей». Он частенько выпивал в «Анвиле», поэтому дал нам ее поносить.

В финале я надел бирюзовые адидасовские бутсы, которые выделяли меня на фоне остальных. Перед началом игры наши ребята выразили одобрение, а Кросси даже сказал, что мне идут эти бутсы.

Думаю, что я его не разочаровал. Мы выиграли 7:2, и я забил четыре мяча. Но самым моим любимым моментом в этом матче был тот, когда я прошел защитника, обогнав его за кромкой поля (почти как Гарет Бейл в финале испанского Кубка Короля в 2014

году, только это было лет на десять раньше – в финале шеффилдского воскресного кубка), и отдал пас в центр – на Кросси. В итоге он забил гол. После этого момента один из форвардов противника наорал на защитника Джона Вригглсуорта: «Какого черта ты не остановил его?!» Но, в конце-то концов, он же пытался это сделать.

* * *

Что касается работы, то… Я перестал быть барменом и устроился на работу столяром. Парень, который выпивал в моем баре, был менеджером в строительной компании и однажды спросил, не хочу ли я работать на него. Почему бы и нет? Я все еще не знал, чего хочу от жизни – надежд на футбольную карьеру я не питал. Единственное, о чем я думал, пока учился в школе, была игра в футбол. А взгляд мой на работу заключался в том, чтобы я мог позволить себе несколько напитков в баре, тогда я был счастлив.

Мне не нужно было много времени, чтобы осознать, что столярское дело не было тем, чем я хотел заниматься до конца своей жизни. Дни тянулись долго, потому что на работу мне приходилось вставать в пять утра, чтобы добраться туда вовремя. Когда же я возвращался домой, то был настолько усталым, что сразу ложился спать. Я отработал там четыре или пять месяцев и ушел.

Дэнни рассказал мне, что, возможно, он сможет подкинуть мне работку на фабрике «Трулайф» в Шеффилде, где он трудился с Кросси и Крисом. На этой фабрике менеджером по продукту был его отец, поэтому я сразу же согласился. Я начал там работать 1 февраля 2007 года, через три недели после моего двадцатого дня рождения, и проработал там около четырех с половиной лет. С понедельника по пятницу нам нужно было приходить к половине восьмого, а уходили мы в пятнадцать минут пятого. Пятница была коротким днем.

Цех фабрики был открытым помещением, укрыться негде, поэтому меня часто заставали за печатанием в телефон, вместо выполнения своей работы. Там трудилось около ста человек, и мне понадобилось некоторое время, чтобы оценить ситуацию. Но когда я сидел за столом, я снова был собой – шумным пронырой.

«Трулайф» выпускал медикаменты, а моей задачей было изготавливать шины из углеродного волокна для людей с ограниченными возможностями, которые страдали от свисания стопы и не могли ходить без помощи дополнительных средств.

Это была благородная работа, но конструкция импланта была трудной. Часть его производства включала укладывание углеродного волокна на форму. Потом это требовалось поставить в печь на 2,5 часа. Совать заготовку нужно было на самую верхнюю полку печи, которая была расположена слишком высоко для меня. Поэтому когда я закончил работу там, у меня возникли проблемы со спиной.

Стопа занимала 12 дюймов. Большая часть импланта шла вдоль голени и потом обвивала ногу к лодыжке. Эту шину привязывали к ноге, и она выглядела как щитки на голени. Основу стопы можно было регулировать с помощью механизма, чтобы подогнать под нужный размер.

При работе можно было носить что тебе угодно, но на часть процесса нужно было надевать специальный костюм, потому что частицы углеродного волокна разлетались, и если они попадали на кожу, это было ужасно – они были вредными и вызывали зуд. Поэтому было необходимо носить специальную маску с защитными очками, так как помимо всего этого воздух тоже был ядовитым. Когда я заканчивал шлифовку, я был совсем мокрым от пота.

Вскоре я понял всю суть рабочего процесса. Даже обязанности менеджера по производству, Мика Брауна, я знал как свои. Поэтому я мог его заменять, когда ему нужен был выходной, и он доверял мне. Мы вместе заканчивали работу, полируя изделия, чтобы не было острых концов. Потом укомплектовывали их, фиксировали заготовки так, чтобы подставка для голени могла растягиваться для комфортного размера. После всех этих процедур изделие было готово к отправке.

Я думаю, что тот факт, что я мог работать за Мика, был единственной причиной того, что меня не уволили за… пропуски понедельников. Я пропускал по 36 понедельников в год. Это было неудивительно, и меня прозвали «больничная справка». За это часто винили Дэнни, так как именно с ним я напивался в воскресную ночь.

В целом я был счастлив, работая в «Трулайф». Я получал полноценную зарплату за полный рабочий день – чуть больше 1000 фунтов в месяц после вычета налогов. Этого было вполне достаточно для вождения машины и нескольких тусовок. Кроме того, эта работа не мешала мне играть в футбол, который по-прежнему был наиболее важен для меня.

Мы много смеялись на фабрике. Я и Дэнни часто веселили людей вокруг. Мы могли взять самый большой молоток из всех, что сумели найти, и ударить со всей дури за спиной у человека, который занимался изготовлением форм. Он пугался и в страхе

отпрыгивал в сторону на милю. В других случаях я разбегался на кого-то, кем часто был бедный пацан, которого называли «Кокни Джефф», и валил его на землю, прямо как в регби, а потом все набрасывались в кучу сверху. Для некоторых мы были как заноза в заднице. Но все выходки, которые мы устраивали, были безобидными, исключительно ради веселья, и помогали поднять настроение.

Дни на фабрике были долгими и утомляющими. «Трулайф» принимал множество заказов из больниц. У нас был план – 400 шин за неделю. Это была монотонная работа, так что дух товарищества был необходим, с ним время пролетало быстрее.

Иногда у нас выдавалась возможность поиграть в футбол на работе, в перерыве. Особенно летом, когда никто не хотел томиться внутри. Мы пинали мяч друг другу, пытаясь попасть в борт мусорной урны, но частенько попадали в чьи-то машины.

* * *

Вскоре после того как я начал работать в «Трулайфе», у меня появился шанс играть за основной состав «Стоксбриджа». Я рано узнал, насколько яркими могут быть такие вещи, когда сидел на скамейке около судостроительной компании «Кэммелл Лэйрд», недалеко от доков Биркенхеда[16]. После игры мы сели в автобус и обнаружили, что в нем отсутствуют стекла. Нам предстоял холодный путь обратно в Шеффилд.

Чувак по имени Питер Ринкэведж был тренером «Стоксбриджа». Он был честным, но не по отношению ко мне. Мы просто не ладили. Он никогда не давал мне шанса. Я помню, как однажды я несколько часов ехал на игру, но опять лишь протирал скамью запасных. Ринкэведж выпустил меня за тридцать секунд до конца матча, это ничего не значило.

Все встало на свои места к концу сезона, когда Ринкэведжа, ушедшего в «Уорксоп Таун», сменил Гэри Мароу. Он был бухгалтером по профессии и работал в компании «Роллс-Ройс». Ему было около сорока лет, и он хорошо разбирался в специфике нелиговых клубов[17]. Он занимал место тренера в клубах «Фрикли Атлетик», «Белпер Таун» и «Грантэм Таун», пока не переехал в Стоксбридж. Вскоре я осознал, что он был подходящим для меня тренером. У него было хорошее чувство юмора, он не терпел эгоцентризма и выступал за командный дух в клубе.

Аллен Бетел, председатель, возможно, сделал одолжение для меня, обозначив Гэри мой потенциал. Аллен, которому было под 60, видел, как я выступал за команду «Стоксбриджа» младше 18

лет, и приметил это, думая, что я способен что-то показать. Ранее Аллен был менеджером по кредитам на местном сталелитейном заводе, и он не упустил возможности переехать в Стоксбридж, потому что футбол был его жизнью. Все, что он не знал о «Стоксбридже», не заслуживало внимания. Он начал карьеру в юношеской команде в 1982 году и заседал в комитете четыре года, когда ФК «Стоксбридж Воркс» слился с «Оксли Парк» и образовал «Стоксбридж Парк Стилс». Аллен стал председателем спустя 12 месяцев после этого события и оставался им до сих пор.

Я думаю, что Аллен был разочарован тем, что Ринкэведж не давал мне возможности играть в основном составе, и опасался, что я могу уйти, если ничего не поменяется. Однажды он остановил меня в сторонке и сообщил: «Я сказал Гэри о том, что ты заслужил шанс поиграть за основную команду».

Гэри был готов дать мне такую возможность, но я не очень хорошо начал сезон, так как пропустил первый день предсезона. Я ничего не мог с этим поделать, я был на каникулах в Греции. Впрочем, Гэри скоро понял, что неподготовленность – не проблема для меня. На своей первой тренировке, спустя пару часов после приземления самолета, мы провели 12-минутный забег, и я хорошо с ним справился. Центральный полузащитник, Ян Ричардс, который был в очень хорошей форме, являлся образцом для всех остальных. Но в этом забеге я и его уделал. Думаю, это помогло мне обозначить себя. Я был хорош в любом занятии, связанном с бегом, независимо от того, тренировался я или нет. У меня всегда были скорость и выносливость, я это показывал на военных сборах в школе. Так что предсезонная подготовка совсем меня не волновала, в отличие от некоторых игроков. В этом плане я очень везучий.

Я точно знал, что могу внести большой вклад в игру на поле. Убедил Гэри в том, что могу играть. В одной из четырех предсезонных товарищеских игр против «Шеффилд Юнайтед» Гэри отсутствовал, поэтому Марк Огли, которого назначили ассистентом тренера, взял на себя тренерские обязанности. Марк помнил ту игру «Барнсли Колледж» против «РАФ», где я играл на позиции защитника. Поэтому он хотел поставить меня в защиту. Но Гэри сказал ему: «Не смей!», когда они разговаривали по телефону.

Я хотел играть центральным форвардом, но играл на этой позиции далеко не все матчи. Меня нередко ставили глубоко в тыл на левом фланге, что мне не очень нравилось. Ох, как не хотелось мне бежать обратно в защиту – я просто хотел забивать голы. Определенно, игра в защите не была моей сильной стороной, даже когда я напрягался. Я ничего не имею против

прессинга. Я мог выиграть борьбу за мяч на чужой половине поля и потом развить атаку, но, когда возвращался на свою половину поля, я уже бил по мячу без цели, просто вперед. Это было невесело для меня.

Спасибо Гэри за то, что он взял меня в основной состав. Также он взял на себя ответственность за мое новое прозвище. Мы играли на домашнем стадионе, и комментатор назвал меня Варни, а не Варди, что вызвало у Гэри смех и напомнило ему Рега Варни из телевизионных комедий «На автобусах». С этого дня он называл меня Рег. Ребята из «Стоксбриджа» по-прежнему называют меня так.

Играя в основной команде, я наконец-то стал получать зарплату – около 30 фунтов в неделю с августа по апрель, пока шел чемпионат. Большинство полупрофессиональных команд не платят игрокам в течение лета. У нас зарплата выдавалась в маленьких конвертах, что звучит странно, но могу заверить, что налоги вычитались из исходной суммы. Аллен сохранил платежки и может это подтвердить. Кстати, у него осталось и мое письменное заявление о переходе в другой клуб, которое я подал 26 января 2010 года.

Когда я играл за дубль «Стоксбриджа», у меня никогда не было проблем с основной работой, потому что мы играли в лиге «Шеффилд&Халламшир», все игры проходили недалеко. Но когда я перешел в основную команду, все пошло по-другому. Мы могли играть с середины недели на стадионах, находившихся в двух-трех часах езды от дома. К тому же к концу сезона накапливалось много перенесенных матчей. Поэтому мне приходилось вставать на работу очень рано, чтобы получить возможность уходить на пару часов раньше конца рабочего дня. Хорошо, что в «Трулайфе» у меня был понимающий начальник, Джон. На играх я всегда был вовремя.

Тренировка проходила на стадионе «Стоксбриджа» каждый вечер во вторник и субботу, если мы играли посреди недели. Я всегда выходил на поле первым и не хотел заканчивать, что вызывало проблемы для Аллена, так как по соглашению с местными жителями мы должны были отключать прожектора к определенному часу. Этого от нас требовал Аллен, а наш капитан, Бретт Ловелл, думал, что председатель просто экономил деньги на электричестве.

В раздевалке всегда была гонка, кто первым переоденется и пойдет в душ, поскольку душ с горячей водой был только один. Эта ситуация мне совсем не нравилась. Я хватал в руки шланг, соединенный с холодной водой, и устраивал дождь для всех.

У нас было много шутников в команде, они были хорошими

игроками. Бретт работал менеджером по поставкам в NHS, и во многом он был *мистером Стоксбриджем*. Успешный центральный полузащитник, он за восемь лет сыграл более 300 матчей за клуб и в конце концов женился на психотерапевте клуба. Бретт жил в Стоксбридже, поэтому, когда мы играли дома, я часто вертелся у него, подбирал его по дороге на стадион. После игры мы нередко пропускали пару пинт, а потом возвращались домой. Он говорил, что сначала слышит, как я подъезжаю, а потом уже видит мою машину. Все потому, что в моем «Рено Клио» играла танцевальная музыка.

Одним из самых главных членов нашей команды был Бен Скотт, наш голкипер. Он работал медбратом, присматривал за пациентами. В этой профессии ему часто приходилось встречаться со сложными ситуациями, и я думаю, что, когда он приходил играть в футбол, для него это была отдушина. Ну, по крайней мере, это мое объяснение тому, что он превращался в истинного психа на два часа игры.

Бен мог издавать звериные звуки. Когда он подражал лошади, это было потрясно. Иногда, на обратном пути с игры в гостях, он изображал животных по заказу. У него даже была команда поддержки – группа фанатов, вторящих ему. Они часто путешествовали с футболистами. Больше всего я смеялся, когда Бен делал это прямо на футбольном поле. Когда форвард противника выбегал с ним один на один, он мог начать лаять, как собака, или пищать, как цыпленок, стараясь сконфузить нападающего.

> Чувак по имени Питер Ринкэведж был тренером Стоксбриджа». Он был честным по отношению ко мне. Мы просто не ладили.

Бен появился в национальных новостях спустя пару лет после того, как я покинул клуб. Он играл за «Стоксбридж» в матче против «Кингс Линн» в 2013 году и спас жизнь одному болельщику. Когда он ходил по полю, то заметил, что маленькая девочка бежит к нему. Бен спросил у нее, что происходит. Она сказала, что кто-то умирает, и он немедленно побежал вслед за ней к толпе. Там он увидел человека семидесяти лет, лежащего на полу. Так как Бен работал в «Скорой помощи», он смог вернуть ему сердцебиение.

Нелиговый футбол полон таких парней, как Бен, неординарных личностей, которые играли на полупрофессиональном уровне. Это удивительно. Ведь это – большая загруженность, так как помимо рабочей недели, ты тратишь от 15 до 20 часов на футбол, принимая в расчет

переезды, тренировки и матчи. Поэтому социальная сторона становилась такой же важной, как и сама игра.

После тренировки мы все шли в бар. Это поощрял и Гэри, потому что это создавало чувство общности. Мы также пили пиво в автобусе после матчей на выезде. Его покупали фанаты, путешествовавшие с нами. Они приобретали пиво в магазинах Asda или Tesco, а потом приносили жестяные банки в автобус и продавали их, пока не отбивали потраченные деньги.

* * *

Однажды, в конце сезона, у нас была поездка в Блэкпул. Матч не состоялся, и у всех появился шанс хорошенько напиться, включая тех, кто обычно не мог себе этого позволить в субботу вечером. Это было частицей радости по случаю окончания долгого и тяжелого сезона.

Мы приехали в Блэкпул утром в пятницу, набившись по четыре человека в машину. Мы ели и спали, когда делали остановки. По приезде мы бросили свои сумки и направились прямиком в бар. Там мы обычно ели на пару фунтов на каждого, а потом пили весь день. Далее мы возвращались в отель, чтобы переодеться, а потом снова шли в бар. Мы спали по три-четыре часа, даже если у нас была тренировка на следующий день.

У тренера и его помощника были отдельные комнаты. Остальные же делили помещения. Мы определялись кто с кем будет жить путем жеребьевки. Это была наша версия жеребьевки плей-офф Кубка Футбольной ассоциации. Элвин Райли, который был тихим парнем, вытащил короткую соломинку и ему пришлось делить комнату со мной.

Когда в Блэкпуле ночью мы вышли кутить, я купил световой меч. Элвин пришел домой раньше и забрал ключ с собой. Я тарабанил в дверь, пока, наконец, он не открыл ее. Я дал ему по голове своим световым мечом. Не думаю, что после этого случая ему нравились «Звездные войны», как не нравились бы они и мне, если бы я получил световым мечом по физиономии.

Остальные три парня вернулись в отель насквозь мокрые, так как решили прыгнуть в море в пять утра. Вообще, я сначала тоже подумал, что это неплохая идея, но изменил свое мнение, когда услышал от хозяйки, что один постоялец недавно умер после того, как сделал то же самое.

К концу моего первого сезона в «Стоксбридже» я почувствовал, что закрепился в клубе. У меня появились хорошие друзья, и я сделал себе имя на поле. Думаю, люди

видели, что у меня есть талант. Я был быстрым, мог закончить атаку и никогда не боялся идти в отбор. Этих качеств не ожидали центральные защитники нелиговых команд, когда видели щупленького мальчика, который играл против них. Тем не менее я старался не получать повреждений в моих играх.

Я был простым парнем из рабочего класса родом из Шеффилда, который работал на фабрике, жил с родителями и забивал голы в нелиговом клубе. И который был у подножия пирамиды успеха.

3
«Бей его по щиколотке, у него браслет!»
Все упиралось в желание стать профессиональным футболистом

Наручники плотно сжимали мои запястья. Я сидел на заднем сиденье в полицейской машине, смотря в окно на улицы Шеффилда. Было утро пятницы, я знал, что уже не посплю в своей кровати. Также я знал, что не буду на рабочем месте в 7.30 в «Трулайфе», и это беспокоило меня больше всего.

Мои руки были сведены за спиной, но путем разных телодвижений я смог достать свой мобильный телефон из кармана джинсов так, что полицейский, сидящий впереди, ничего не заметил. Крис Спайер, мой друг с работы и игрок команды «Анвила», также сидел в наручниках сбоку от меня и думал, какого черта я хочу сделать.

Я пролистал мои контакты, пока не нашел имя менеджера «Трулайфа». Написал ему короткое сообщение, что проблематично было сделать в наручниках. Я нажимал на кнопки своей «Нокии», набирая по памяти. Отправить. «Я и Крис Спайер не будем сегодня на работе», – гласил текст. Я даже умудрился правильно написать фамилию Криса, над чем потом смеялись парни даже пару лет спустя.

Однако не было ничего забавного. Мы были задержаны за потасовку два против двух в ночном клубе, и нас везли в полицейский участок Шеффилда Вест-Бар. Он стал нашим убежищем на эту ночь. Вест-Бар был местом, где работал судья финала чемпионата мира по футболу 2010 года – Говард Уэбб, тогда он был сержантом полиции. Этот участок закрылся в 2011-м, и сейчас на этом месте расположен отель. Не знаю, как выглядят там апартаменты сейчас, но тогда они были абсолютно аскетичными. После оформления документов я хорошенько выспался. Алкоголь в теле помог, как помогли бы одеяло и матрас, которые я просил до того, как дверь камеры захлопнули. В лучшем случае нам могли быть выдвинуты обвинения за драку, а в худшем – за нападение. В итоге нас обвинили по обеим статьям. Первым человеком, кто узнал, что случилось, была моя мама, когда я позвонил ей из участка и попросил найти мне адвоката. Я отказывался проходить допрос без него.

Конечно, как вы понимаете, она была недовольна этим. Но я никогда не был из тех детей, что всегда поступали хорошо. У меня были проблемы и ранее. Что называется, белая ворона в семье – ведь я был первым из ее членов, кого к порогу привела полиция. Ну не любил я делать все как полагается. Любил жить, гуляя на острие ножа.

Инцидент не был сразу освещен в новостях, однако потом появилось множество публикаций. Я хотел бы, чтобы драки не было. Но я не могу сказать, что из-за этого не спал бы по ночам, в отличие от случая в казино, произошедшего годы спустя. Я сделал бы все, чтобы этого ужасного вечера не случилось. Однако хоть мне и приписали нападение, я никогда не жалел о своем поступке. Случись подобная ситуация снова, я поступлю точно так же, потому что тогда я защищал моего друга, с которым играл в футбол и работал и над которым издевались из-за его инвалидности.

Крис был на пять лет старше меня и родился глухим. Его родители не знали этого, пока ему не исполнилось три года. У него были тесные отношения с няней, он бросался к ней в объятия, когда она входила в комнату. Но однажды, когда она вошла в дом и позвала его по имени, он сидел спиной к двери и не отвечал. Она позвала снова – никакого ответа. Тогда Криса начали водить по диагностикам. Ему поставили глубокую глухоту. Поэтому ему всегда нужно было носить слуховое устройство – от младенчества вплоть до сегодняшнего времени.

Хотя Крис и жил недалеко от меня, я встретил его в первый раз, когда работал барменом, а он пришел пропустить пару пинт пива. Мы познакомились ближе, узнали друг друга, играли в футбол за «Анвил» по воскресеньям, потом работали в «Трулайфе». Потом мы ночами гуляли по Шеффилду, особенно по четвергам и субботам, и бар «Лэдмилл» был последним местом, где мы проводили время.

Это было высокое здание из красного кирпича, недалеко от кампуса университета Холлэм, в центре Шеффилда. «Лэдмилл» был музыкальным местечком, там раньше играли крутые группы: *Oasis, Coldplay и The Stone Roses*. Это был ночной клуб, популярный среди студентов и людей невысокого достатка, таких как Крис и я, заказывавших дешевый алкоголь.

Мы не собирались идти в «Лэдмилл» в ту ночь. И, если бы можно было отмотать время назад, я ни за что бы не вышел из бара «Малин», где мы выпивали и играли в снукер после рабочего дня на фабрике. Но пинты делали свое дело, и мы решили пройтись по городу и найти место поживее. Мы добрались до «Лэдмилла» к часу или двум, смеясь и бросая руками тени между

несколькими девчонками и группой двадцатилетних парней, общавшихся между собой. Тогда один из парней вступил в перепалку с Крисом. Он перегнул палку, когда начал оскорблять Криса за его слуховой аппарат.

Двое из них столкнулись с нами нос к носу, но охранники быстро ввязались и, узнав, что произошло, сразу же вышвырнули того чувака и его друга из клуба. На этом все должно было закончиться.

Я сказал Крису, что мы должны немного расслабиться, пока все не устаканится, а потом пойти домой. Так мы и сделали, по крайней мере, мы планировали так поступить. Мы вышли из клуба спустя час или даже больше и пошли вдоль Лэдмилл-роуд, чтобы поймать такси, как вдруг из ниоткуда появились эти два парня. Один из них решил расквитаться с Крисом и начал спорить с ним, становясь все более агрессивным. Все началось, когда парень наклонился и попытался укусить нос Криса. У Криса в кармане была бутылка пива «Карлсберг», которую он запрятал, чтобы попить дома. Мы часто так делали. Крис в ответ ударил бутылкой этого парня по голове. Его друган замахнулся, чтобы ударить Криса, пока тот не смотрел в его сторону, но я вмешался, как вмешался бы любой другой человек в подобной ситуации – я вступился за своего друга. Началась драка и посыпались удары. Один из охранников «Лэдмилла» подскочил, схватил меня и прижал к машине. А вскоре и Крис, и те два парня стояли в такой же позиции, дожидаясь полицейской машины.

После предъявления обвинения мы были освобождены под залог, но судебное разбирательство длилось еще долго. Мы предстали перед судом магистратов, однако дело из-за характера обвинений было передано на рассмотрение королевскому суду Шеффилда. На этом этапе я признал себя виновным. У здания клуба была камера наблюдения, поэтому у меня не было другой возможности. Я даже чувствовал себя в безвыходном положении, поскольку первым напал Крис.

Я надел на суд рубашку, брюки, страхом полнилась душа моя. О перспективе угодить за решетку я старался не думать.

Настроение сменилось в зале ожидания, когда проходила короткая встреча с адвокатом перед началом суда. Мы узнали, что судьей будет Роджер Кинн. Он имел репутацию судьи строгого, который мог принять решение более суровое, нежели другие судьи. Так что мы стали готовиться к худшему сценарию. Отец Криса дал сыну 30 фунтов, чтобы он взял их с собой в тюрьму, когда его выведут отсюда. Это было показателем того, насколько серьезной становилась ситуация.

Суд был настоящим кошмаром, поскольку я и Крис сидели на

скамье подсудимых плечом к плечу с теми ребятами, с которыми мы подрались. Вы можете себе представить, насколько нам было некомфортно. Я помню, как мой адвокат встал и сказал: «Я представляю интересы Джейми Варди», а судья Кинн ему ответил: «Да, к концу заседания вы покинете его». Я был уверен, что меня посадят. Моя мама думала так же, она ходила в слезах и ждала снаружи.

Я уставился налево, на входные двери суда, и подумал: «Черт! Я уже не выйду из этих дверей». А вот за моей спиной была еще одна дверь, у которой стояли охранники, она вела вниз, в камеру, в тюрьму. «Там я проведу следующие несколько месяцев», – думал я.

Они воспроизвели запись камеры видеонаблюдения, все было плохо. Лицо судьи также не выдавало надежд на хороший конец. Я продолжал утверждать, что защищал друга, но судья так не считал. Даже после того, как я сказал, что те два парня поджидали нас у выхода, судья сказал, что я должен был уйти. Но если бы я бросил Криса, как я смог бы жить с этим дальше?! Таким был бы мой аргумент, но мне не хватило времени.

Судья Кинн вынес Крису и тем двум парням приговоры, каждому на разные сроки и на количество общественных работ. Потом он снова вернулся ко мне. Я стоял и чувствовал себя слабым. Мой желудок сокращался, когда я представлял себя в тюрьме и думал, что это заключение будет значить для моей семьи. Судья сказал: «Ты счастливчик, я тебя не посажу только потому, что не посажу всех остальных».

Я вздохнул с облегчением. Он начал зачитывать мне список, который, казалось, никогда не закончится. Меня приговорили к годичному сроку условно, двухлетнему пребыванию на учете, к штрафу, к 280 часам общественных работ и к посещению курсов по управлению гневом. Я стоял там, слушал и думал. *Моя жизнь окончена*. Я забыл о футболе, о походах с друзьями в бар – все это растворилось у меня на глазах. Я пытался осознать все это. Но, когда все это промелькнуло в моей голове, я подумал, что, пожалуй, в тюрьме было бы лучше.

* * *

С этого момента я был в полной изоляции. Мне на ногу прицепили браслет, похожий на резинку. Это было ужасно, поскольку я не должен был покидать дом. Сотрудники охранной компании G4S пришли ко мне в дом, чтобы установить аппаратуру. Я должен был пройти все процедуры, гулял около

дома, чтобы они обозначили территорию частной собственности. Они настроили свои датчики и блок для отправки сигнала мониторинга движения, когда я находился внутри дома. В шесть вечера у меня наступал комендантский час, часы на телефоне никогда не ошибались.

Первый телефон был установлен в моей комнате и звонил ежедневно в час и два ночи, когда я пытался поспать. Это выводило меня из себя. Я брал трубку и меня спрашивали: «Кто это?» Я называл им свое имя, а они мне отвечали: «Аппаратура показывает, что тебя нет дома».

> «Лэдмилл» был музыкальным местечком, там раньше играли крутые группы: Oasis, Coldplay и The Stone Roses,

Так продолжалось некоторое время. Поэтому я много звонил им, пытаясь сообщить о неполадках в работе браслета. Наконец один из старших ребят из G4S пришел и осмотрел аппаратуру. Он был порядочным парнем и остался очень недоволен тем, что все работало плохо. Его самого доставали эти звонки. После его визита у меня больше не было проблем с телефонными звонками в неудобное время. Возможно, это помогло: он перенес всю аппаратуру в подвал, так что я не слышал телефон, даже если он звонил в неудобное время.

Браслет и комендантский час никак не повлияли на мою работу в «Трулайфе». Но я не мог перерабатывать. Босс считал, что я должен был рассказать об этом сразу. Он все узнал лишь после моего заявления, что я не могу работать допоздна. Но мой менеджер знал, что случилось, так что потерять работу я не боялся.

И футбол не пострадал от моего условного заключения, т. к. судья выдал специальное разрешение, которое позволяло мне тренироваться и играть матчи на домашнем стадионе. На выездной тур я не мог поехать из-за комендантского часа. Первые три месяца судья не давал мне предписания на допуск к играм, так как они часто откладывались и переносились. Поэтому он просил высылать расписание матчей незадолго до их начала. Когда такой момент наступил, он так и не выписал мне разрешения, не знаю почему.

Я не мог играть среди недели. Поэтому я аккуратно снимал браслет в субботу, когда мы играли недалеко от дома и я мог вернуться вовремя. Если же это была игра в двух часах от Шеффилда, то я даже не ехал с командой. Когда же путь был меньше, то я играл около 60 минут. Гэри заменял меня в середине второго тайма, и я покидал стадион минута в минуту, с

военной точностью. Я брал свою сумку и уезжал с одним из друзей моих родителей. Он сажал меня в машину, чтобы я мог быстро доехать домой.

Для тех, кто не знал, что я носил браслет, это выглядело странно. Однажды мы играли в Белпере. В нужное время я был заменен и тут же рванул с площадки к машине, прямо через забор, потому что Гэри заменил меня позже обычного. Это было похоже на сцену американского футбола в фильме «Форрест Гамп». Один игрок команды соперников повернулся к Бретту, нашему капитану, и спросил: «Какого черта он творит?»

Все ребята в «Стоксбридже» были спокойными и понимающими. Они не бесились и не беспокоили меня. В один день я рассказал им о причинах своих ранних замен и пропусков выездных матчей. Я ощутил их поддержку, почувствовал, что каждый из них поступил бы так же, как и я.

Игроки соперников никогда не давали мне поблажки. Никто из них не замечал, что у меня на щиколотке висит браслет, никто не вглядывался в это место. Было похоже, что это часть щитка. Пока однажды один чувак, который знал одного из моих друзей, не заорал со скамейки: «Врежь ему по щиколотке, у него там висит браслет!»

Он посмотрел на меня, я посмотрел на него, и мы оба заржали прямо во время игры. Носить браслет было, впрочем, не так уж и плохо – он защищал мою лодыжку от ударов, которые я мог получить.

* * *

Ношение браслета не ограждало меня от игры в футбол, но зато моя социальная жизнь в первые три месяца полностью остановилась. Мне было 20 лет, и я был уверен, что 21-й день рождения отпраздную где-то далеко. Но мне пришлось отмечать его дома, что было совсем не весело. Тем более что мои друзья выпивали в трактире «Тисовое дерево», буквально в десяти ярдах от моего дома. Чтобы не скучать, я взял бутылку ликера «Южный комфорт», налил себе бокал.

Запертый в четырех стенах на протяжении полугода, я убивал время после работы, смотря фильмы на DVD, который мне продал парень с работы. Я пересмотрел сотни кинокартин – по три за ночь, стараясь убежать от скуки. «Американский пирог» был моим любимым. Я поменял статус в «Фейсбуке» на «Люблю жизнь, получать деньги и трахаться». На самом деле Финч, герой из этого фильма, поживал гораздо лучше меня.

Некоторое время, пока я ходил с датчиком, я один раз в неделю посещал курсы по управлению агрессией. Ходить туда можно было только по воскресеньям, поскольку всю рабочую неделю я был занят в «Трулайфе», а в субботу играл за «Стоксбридж». Этот курс длился десять недель и напоминал мне клуб анонимных алкоголиков, хотя я никогда там не был. Ты должен был вставать напротив других восьми-девяти людей, называть свое имя и рассказывать, почему ты попал на эти занятия. «Я Джейми Варди, и я избил кого-то», – как-то так. В группе были люди разные. Кто-то только освободился из тюрьмы, а кому-то просто нужно было исправить себя.

В одну из недель туда пришел дрожащий парень и спросил меня: «У тебя все нормально, чувак?» Раз от разу он говорил одно и то же, и это меня реально доставало. Поэтому, когда у нас был обед, я сказал психологу: «Пересадите его. Он не может сидеть спокойно со мной, у него же ломка. Только посмотрите на него». Но когда он вернулся после обеда, то каким-то чудом стал нормальным. В любом случае я прошел полностью этот курс и забрал сертификат о его посещении. Не знаю, зачем все это было нужно, но галочка для судьи была поставлена.

Шли месяц за месяцем, я продолжал ходить к сотруднику службы пробации[18], рассказывая ему то, что он хотел услышать – что я не рецидивист, что тот случай был единичным. Если говорить честно, офицер пробации, когда я рассказал ему полную историю, понял, почему я так поступил.

Когда я прошел курсы по управлению гневом, я начал отрабатывать часы общественных работ. Это проходило каждую пятницу. Мы занимались разными делами: рисовали, следили за клумбами, готовили. У нас были надзиратели по каждой работе. Они разрешали заниматься чем угодно, лишь бы ты отработал план. Я не любил садоводство, поэтому меня к нему не принуждали. Я перекрашивал стены, мыл доски в школе. Когда учился сам, ни за что бы не подумал, что мне придется заниматься этим.

Несколько недель я работал в общественном центре, окрестности которого напоминали свалку. Мы ходили туда каждое воскресенье и старались привести в порядок клумбы, сажали цветы и просто вычищали округу. К счастью, нам разрешалось носить что хочется, а не этот нелепый пиджак, в котором люди воспринимали тебя как уголовника.

В другой раз я готовил еду пенсионерам. Я шел в спортивный центр, где они собирались на воскресный ужин, и помогал повару готовить. Также разносил еду и мыл посуду. Это было одним из немногих случаев, когда общественные работы были

действительно полезными.

Разумеется, никто не хочет ставить себя на место человека, принужденного к общественным работам за преступление. Я жалел, что теряю воскресенья, но и хорошие события происходили в это время – я встретил там одного из моих лучших друзей.

* * *

Грант Уиллхаус стал последним, кто вступил в «клуб переростков» – так в шутку называла компанию близких мне друзей Бэкки, моя жена. Впервые наши пути с Грантом пересеклись в столярной, в общественном центре. Я делал там доску для шахмат с клетками белыми и голубыми – в стиле «Шеффилд Уэнсдей». Такую доску можно было продать в Хиллсборо, так как подобной атрибутики не было. Грант купил у меня эту доску, поскольку был большим фанатом «Шэффилда».

Рэнс и Риджи, мои друзья по бару «Олд-Блю-Болл», были оставшимися двумя членами «клуба переростков». Все они были из Шеффилда, и все мы познакомились, когда я еще был никем. Они приходили на все матчи, на которые только могли. Люди, с которыми я играл на любом уровне, всегда прекрасно ладили с этой компанией, когда мы зависали у меня.

Когда мне сняли браслет, я смог наконец проводить время с «переростками» и другими моими друзьями. Снова став свободным, я поехал со «Стоксбриджем» в традиционный, знаменующий окончание сезона тур в Блэкпул. Там у меня опять была стычка с полицией, но на этот раз все обернулось забавно. Было утро субботы, мы только приехали и пошли в бар. По дороге я купил страшную маску. Я надел ее, и первыми двумя людьми, которых я решил напугать, были копы. Я выпрыгнул на них из-за двери магазина. К счастью, у них было чувство юмора, но я не думаю, что Гэри был доволен моей выходкой.

Но вот прошло некоторое время, и у меня снова появились проблемы с законом – в баре Малин-Бриджа. До сих пор не могу сказать, что привело к этому событию и кто в этом виноват, потому что случилось оно, как говорится, на ровном месте. В общем, ад может успокоиться: мне повезло, что я тогда не потерял глаз.

Вечеринка была в самом разгаре. Там были деревянные доски, прикрывающие сукно стола для снукера, чтобы ткань не стиралась. К сожалению, на моем лице такой вот защиты не было. Около минуты я болтал с Дэнни Херстом, моим товарищем с

фабрики и по команде паба «Анвил». И от него я узнал – и тут же понял, – что меня ударили. Я рванул в туалет и посмотрел в зеркало на свое лицо, покрытое кровью. Когда я вышел, это было похоже на сцену из фильмов про Дикий Запад – люди разбегались от меня.

Жена Дэнни и их няня были с нами, и даже няня пришла в ужас от моего вида. Куда ни посмотри – везде дрались, я никогда такого не видел в Малине. Меня снова выволокли из клуба и посадили в полицейскую машину. Но на этот раз я ничего не сделал, так что спокойно сидел и ждал, пока полицейский начнет говорить.

– Ну, как ты, нормально? Что там случилось? – спрашивал он.

– Нет, не нормально, я расстроен, – отвечал я. – Мне безразлично, что происходило там. Я знаю, что произойдет дальше: ваш сержант пойдет в тот паб, осмотрится, вернется, и меня снова осудят за драку.

– Не-е-е, не осудят, все будет хорошо, – сказал коп. – Я же вижу, что тебе врезали.

Когда сержант вернулся, он вызвал из машины того полицейского, чтобы поговорить с ним. После разговора коп подошел ко мне и уверил, что все будет хорошо.

Я сказал, что мне нужно в больницу, чтобы там взглянули на мое лицо. Вот так: я снова сидел на заднем сиденье полицейской машины, правда, на этот раз – без наручников. Мы поехали, потом остановились, они высадили меня на обочине, посветили фонариком в лицо и решили, что везти меня нужно в полицейский участок для оказания первой помощи, а уж потом – в больницу.

Когда мы доехали до участка, сержант окинул взглядом мою физиономию и спросил у копов, почему они как можно скорее не отвезли меня туда, где оказывают медицинскую помощь. Меня снова посадили в машину и повезли в больницу, где я, конечно, должен был оказаться первым делом. Медсестра взглянула на мой глаз и сказала, что мне очень сильно повезло, так как стекло прошло мимо него. В конце концов область вокруг глаза мне залепили лейкопластырем.

Потом меня снова повезли в полицейский участок в Эклсфилд, недалеко от Колли-Парка, где играла в футбол команда «Анвила». Наконец полицейские решили, что не будут предъявлять мне никаких обвинений, и отпустили домой.

* * *

Сейчас-то, анализируя тот период моей жизни, вижу, что я потерял путь, не знал, чем себя занять. Тогда же я чувствовал, что все хорошо: зарабатываю, играю в любимый футбол, занимаюсь другими видами спорта. Да и, наконец, я тогда просто смеялся. Смеялся, не заботясь о том, что будет. Сейчас же замечаю, что был необузданным, мне не хватало цели в жизни.

Все упиралось в желание стать профессиональным футболистом. Но ведь осуществление такого желания занимает уйму времени, да к тому же у меня не было четкого плана. Ничто не могло заполнить во мне ту бездну, которая образовалась после решения «Уэнсдей» исключить меня. Я был потерян, я догадывался об этом, но не осознавал полностью.

На этом этапе я пытался пойти в армию. Думал не только о военной службе, но и о том, что смогу там заниматься спортом. Я знал, что Гай Уиттингем, игрок «Уэнсдей», сначала тоже был военным.

Так вот, пошел я в призывной участок в Шеффилде и начал заполнять форму. И тут увидел вопрос про судимости. Очевидно, что нужно было говорить правду, все равно бы это проверили. Поэтому обвел «Да» в кружочек. Я честно рассказал, что случилось, но мне все равно отказали в призыве. Сейчас было бы нелепо представлять себя на передовой, но, возможно, армия научила бы меня дисциплине.

Когда был помоложе, особенно в период после исключения из «Уэнсдей», когда мои мечты были растоптаны, я попадал в драки, да и учеба была не для меня. Думаю, что тогда я просто не понимал, куда иду, кто я такой.

Даже посещение матчей «Уэнсдей» не проходило без происшествий. Я начал ходить на некоторые игры, когда не играл по субботам, даже несмотря на то что меня выгнали. «Уэнсдей» оставался моим клубом. Если ехать на выездные игры на поезде, то полиция будет сопровождать тебя до паба или до стадиона. С такими обстоятельствами было меньше шансов попасть в передряги.

Также было оговорено специальное место, где после матча тебя встречала полиция и провожала до станции. На станции Дерби, после игры с «Прайд Парком», у нас были проблемы с полицией, которая останавливала людей, садящихся в поезд. Я не выглядел агрессивно, но коп меня остановил и сказал, что я не сяду в поезд.

«Нет, сяду», – отвечал я. Мы еще некоторое время спорили, пока я не решил пройти мимо него. Тогда он зарядил мне дубинкой по голове – у меня до сих пор остался шрам на лбу.

На этом этапе я пытался пойти в армию. Думал не только о военной службе, но и том, что смогу там заниматься спортом.

В тот день я подумал: ведь это не я ищу беды на свою голову, а наоборот. Я не был болтливым, но в спорах всегда стоял на своем. Меня никак не причислишь к людям, кто сдается. Однако это не значит, что я не могу справиться с собой. Это – образ мышления. Что же самое худшее могло случиться? Да получишь в глаз, так что искры полетят!

Или, иначе говоря: Chat shit, get banged[19].

4
«Ты будешь играть за Англию»
Я всегда играл со своими друзьями, и вдруг вокруг меня оказываются люди, которых я не знаю

«Это твой год, Джейми. Нам нужно, чтобы ты был в Лиге. Ты получишь все, что пожелаешь. Там все – для тебя. Если ты будешь выступать так, как выступил против “Моссли”[20], то можешь в игре делать буквально все, что хочешь. Можешь пойти дальше и играть за Англию. Ты так хорош!..»

Еще до окончания речи Джона Морриса я начал смеяться. Мы были в гостиной нашего дома в Малин-Бридже. Моя мама, которая стояла в дверях и слушала, развернулась и пошла на кухню, качая головой. Это было лето 2011 года. Я играл тогда за ФК «Галифакс», выступавший в дивизионе Национальной лиги Север[21], то есть на два уровня ниже Футбольной лиги, и продолжал работать на фабрике. А стоявший передо мной футбольный агент говорит, что однажды я буду играть за национальную сборную. «Ну, ты же несерьезно», – ответил я.

Но он имел в виду именно это. Все сказанное он повторил слово в слово. Он просто увидел мой дубль и две голевые передачи в предсезонной товарищеской игре против «Моссли» на стадионе «Сил Парк». Был жаркий июльский день, покрытие было сухим, а трава на газоне высокой. Тем не менее я неистово играл в тот день, не сбиваясь с темпа, который я набрал в прошлом сезоне. Хотя я играл в лигах ниже той, где выступал «Галифакс», для Джона это было неважным. «Мне нравится твое стремление и агрессия. Ты можешь играть на пределе своих возможностей».

Джон работал в компании «Кей Спортс», которая присматривала за Тео Уолкоттом и за несколькими другими звездами Премьер-лиги, Чемпионшипа и низших профессиональных лиг. В списках этого агентства не числились футболисты из нелиговых клубов, что и неудивительно, как и то, что Джону не рекомендуется связываться с любым ему понравившимся. Не надо много денег, чтобы быть в шестом эшелоне английского футбола, и очень немногие игроки способны подняться с этого уровня к вершине.

Я узнал, что Джон услышал обо мне от Фила Сеньора. Фил был голкипером в «Галифакс Тауне» и учился в академии

Хаддерсфилда, когда Джон был там тренером – задолго до того, как стал агентом. «Ты должен прийти и посмотреть на этого парня. Он сумасшедший, но он в одиночку привел нас к победе в лиге», – сказал Фил Джону.

Джон несколько раз приходил на игры «Галифакса», но со мной не знакомился. Он стал доставать меня по мобильнику, на что потребовалось некоторое время, поскольку я всегда сомневаюсь, стоит ли принимать звонки от незнакомых номеров. В итоге мы назначили встречу. Для своих 30 лет он был довольно поношен, хотя в моем доме выглядел вполне презентабельно. Я открыл ему дверь, будучи одетым как обычно, в шортах, и размышляя, почему этот человек вообще тратит на меня время. Руководители с работы Джона наверняка думали так же.

Он работал в «Кей Спортс» недавно, но уже совершил несколько сделок в Греции, смог осуществить трансфер Шарля Итанжа, неудачливого вратаря Ливерпуля. Сейчас же он хотел подписать кого-то нового. Джон говорил уверенно и увлеченно. Я растерялся и даже не знал что думать. У игроков нашей нелиговой Лиги Севера, понятно, не было агентов.

В конце концов, я не смог вникнуть в его слова, когда подписывал с ним соглашение, особенно когда он объяснял финансовую часть. Обычно агенты получали процент от зарплаты своих клиентов, чтобы представлять их интересы, но Джон сказал, что не возьмет с меня ни пенни, пока я не попаду в Лигу. Так что это было взаимовыгодное соглашение. Я даже не думал, что когда-нибудь буду стоить денег. И надеяться не мог, что стану профессиональным футболистом в 24 года.

Джон, однако, был более оптимистичным. Он притащил несколько глянцевых брошюр с Уолкоттом на обложке. Потом ко мне пришел советник по финансам. Он рассказывал мне о страховке на случай завершения карьеры и о банковских операциях. Еще ко мне пришла секретарша по имени Сара. Она в два счета доставала мне билеты на концерты. Более практичным в моем случае было то, что она отвечала на мои звонки в 11 вечера и записывала меня и моих друзей в список приглашенных гостей, когда мы не могли попасть в ночной клуб в Шеффилде. Было ощущение, что со мной обходились как с игроком Премьер-лиги, хотя я зарабатывал 350 фунтов в неделю, водил дешевенький «Сааб» и готовился к первой игре в сезоне против «Корби Тауна».

Если говорить о Джоне, то текущее положение дел не могло продолжаться долго. Он сказал мне, что у него есть контакты в профессиональном футболе, и обещал, что найдет людей, которые приедут и посмотрят, как я играю.

До этого момента я не сталкивался с подобным. Последние два сезона в «Стоксбридже» я встречал десятки скаутов. То же самое было и после того, как я подписал контракт с «Галифаксом» в 2010 году. Однако убедить тренеров и скаутов купить меня было большой проблемой.

Менеджеры ФК «Кру Александра» изучали меня, и в январе 2009 года я пробно поиграл там неделю. «Кру» был клубом Первой лиги[22], когда я там «стажировался». Я даже тренировался на искусственном покрытии, которое было неидеальным. Думаю, на нем не получается показать свои возможности так, как на естественном покрытии. От обычного газона оно сильно отличается. Я не мог разогнаться на полную скорость на искусственном покрытии – а ведь скорость была основным моим преимуществом в игре.

Гэри Морроу, тренер «Стоксбриджа», пришел посмотреть, как я играл на тренировке «Кру», и сказал, что я был неплох. Меня использовали на разных позициях, а не только нападающим, так было часто и в «Стоксбридже». Тем не менее тренер «Кру» не был уверен во мне. Гудьон Тордарсон, бывший тренер сборной Исландии, подошел ко мне после матча и сказал, что хочет игрока с большим опытом. «В этом году он точно не сможет помочь нам», – гласила местная газета, приписывая цитату Нилу Бейкеру, ассистенту тренера. Меня устраивал такой итог, потому что мне не терпелось вернуться в «Стоксбридж».

Тогда я понял, что это пробное подписание командой «Кру» меня никак не интересовало. Я всегда играл со своими друзьями, и вдруг вокруг меня оказываются люди, которых я не знаю. Мне было некомфортно так играть. Мне пришлось пропустить неделю работы на фабрике, чтобы поиграть там. А потом мне пришло в голову, что из этой поездки я не извлек никакой пользы. Там были еще два молодых парня, стажировавшихся со мной. Как-то я спросил: «Что мы будем на ужин?» Они сказали, что пойдут в супермаркет и приготовят пасту. Я не очень ее любил, поэтому пошел в «Макдоналдс» за углом. Нет смысла испытывать что-то не свое.

Позже в этом сезоне я так же пробно играл за «Ротерем Юнайтед», который выступал в Лиге-2. Тренером этой команды был Марк Робинс, бывший нападающий «Манчестер Юнайтед». Управленцы «Ротерема» созвонились с администрацией «Стоксбриджа» и сказали, что хотели бы подписать меня на короткий срок до конца сезона. Они предложили 2000 фунтов. В «Стоксбридже» были недовольны этим предложением, но сочли необходимым оповестить меня. «Ни в коем случае», – таков был

мой ответ на предложение «Ротерема». Я не хотел бросать работу ради игры за «Ротерем», чтобы через пару месяцев, в конце сезона, услышать: «Спасибо, но нет».

Также игры «Стоксбриджа» приходили смотреть скауты «Шеффилд Юнайтед». Один из них имел абонемент на все матчи, так что видел меня в деле. Он заинтересовался мной и повторно приходил на игры, но так и не смог убедить руководство клуба предложить мне контракт. Возможно, это было вызвано тем, что за последний сезон я получил четыре красные карточки. Скаут «Шеффилд Юнайтед» терял свое время напрасно.

Впрочем, все это не имело значения, даже если бы он думал, что я – следующий Месси или Криштиану Роналду. На самом деле шансов быть подписанным «Шеффилдом» у меня не было. Мне было бы без разницы, сколько они платили бы мне, без разницы, в какой лиге с ними играть, каковы были бы мои возможности. Я просто никогда не стал бы играть за «Шеффилд Юнайтед». Я был фанатом «Уэнсдей» и всегда им оставался. Эта привязанность была у меня в крови, бело-голубой[23].

Да и много других клубов грызлись за меня, но я не мог понять, насколько истинным был их интерес ко мне. И, если быть честным, я никогда не хотел узнавать это. Мне, между прочим, говорили, что Аллен Бетел, председатель «Стоксбриджа», после того как я покинул клуб, сказал примерно так: «У него (у меня), мол, не было амбиций, пока он играл в «Стоксбридже», он просто играл – в удовольствие, провел в клубе прекрасные годы и был счастлив». Думаю, он был прав. Амбиции были у меня, когда я играл за «Уэнсдей», но они испарились после моего исключения. Невозможно представлять себя следующим Дэвидом Херстом, будучи рабочим на фабрике, которому уже далеко за двадцать.

Эти семь лет в «Стоксбридже» принесли мне множество хороших впечатлений, поэтому мне и в голову не приходило уехать. Я играл в «Стоксбридже» не за деньги, там мне платили 120 фунтов в месяц. Я играл там, потому что любил футбол и людей, окружавших меня. Я хотел тренироваться и играть с ними, потому что у нас был командный дух. У всех нас были чертовски хорошие взаимоотношения.

В 2009 году мы выиграли матч на переход повыше – в Юнибонд Премьер-дивизион, что уже лишь на три ступеньки ниже Футбольной лиги. Мы первый раз в истории клуба играли на таком уровне. Я был одним из четырех игроков, кто забил больше 20 мячей, наряду с Марком Уордом, Энди Рингом и Карлом Фотергиллом. Уорд был профессиональным игроком «Шеффилд Юнайтед» и являлся лучшим в клубе. Он был мойщиком стекол. Бретт Ловелл, наш капитан, работал с ним

некоторое время. Карл же был пожарным. Ринги, которого из-за его рыжих волос называли *Ральф Мальф* из ситкома «Счастливые дни», сыграл более 300 матчей за «Стоксбридж».

Личным достижением для меня было то, что в этом сезоне мы удовлетворили амбиции в игре на «Хиллсборо». На этот раз там не было никакой охраны, которая бы сопровождала меня после ухода с поля, после победы 3:0 над «Бродсуорт Велфайр» в финале Кубка лиги «Шеффилд&Халламшир». Фотографии того, как мы праздновали, висят в конференц-зале Брейкин-Мур. На одной из них я стою с оголенным торсом, среди товарищей, с широкой улыбкой и держу в руке бутылку шампанского, а флаг «Стоксбриджа» висит у меня на плечах. Фото прямо-таки лучится счастьем.

Чтобы выиграть матч за переход в лигу выше, нам нужно было победить «Белпер» в игре дома и сыграть вничью на их стадионе. Бретт был убежден, что я напьюсь накануне матча, поэтому заставил меня остаться ночевать у него дома.

Возможно, Бретт боялся этого из-за одного инцидента в прошлом. Накануне Нового года я танцевал на столе в Мален-Бридже и, шатаясь, шел до дома пару часов. На следующий день мы играли на выезде против «Гула». Я даже не могу сказать, что слишком переусердствовал в тот вечер. Это была одна из тех ночей, когда ты планируешь тихонько посидеть один, и вдруг, каким-то образом, все обращается в безумство. Когда я вышел из дома в ту ночь, я просто хотел встретить новый, 2009 год пьяненьким.

Я проснулся и почувствовал себя совсем отвратно. Выглянул в окно, там все замерзло, и я подумал, что игру могут перенести из-за погоды. Разумеется, в тот день были отменены многие спортивные мероприятия. Но – парадокс! – нашу игру не отменили, так что поездка в Гул, Восточный Йоркшир, была неизбежна. Мне нужно было собраться.

Я приехал вплотную к началу игры, что вообще-то мне несвойственно. Обычно если у меня было сильное похмелье, то я отпрашивался с работы. Но, когда речь шла о футболе, я всегда приходил. Я пытался оправдаться, что не мог найти стадион, но Гэри был не дурак. Он все отлично знал о вчерашнем и понял это, как только я вошел в раздевалку. Я выглядел хреново, переоделся и с понурой головой вышел, стараясь не встречаться глазами с Гэри.

На улице было холодно и «Виктория Плежер Граундс», стадион Гула, была пуста, что меня не вдохновляло. По окружности поля вилась беговая дорожка, две высокие водонапорные башни упирались в небо, а позади шумели поезда.

Хотелось запрыгнуть в один из них и вернуться домой.

Я не думаю, что кто-то ожидал от меня хорошей игры в тот день, но к середине матча я понял, что у меня не будут допытываться, что я творил прошлой ночью. Я забил два гола, и мы победили 3:0. Мой второй гол был чертовски красивым – я ударил левой ногой с 25 ярдов и попал в девятку. Бретт посмотрел на Даррена Шофилда, нашего левого защитника, и просто начал ржать. Если бы я не сыграл хорошо, то, наверное, Гэри устроил бы мне взбучку.

* * *

В то время я не слишком заботился о том, что съесть и выпить. Фастфуд был привычной частью моего рациона. Я перед играми частенько довольствовался сандвичем из «КейЭфСи»[24] или бургером из «Макдоналдса». В некотором смысле это было вынужденной мерой. Я торопился с работы и мне просто нужно было забежать куда-нибудь поесть перед началом матча.

Мне повезло, что все, чем бы я ни занимался перед началом игры, не влияло на мою эффективность. Я всегда быстро бегал, играл агрессивно и готов был столкнуться с защитником – без разницы, какого роста он был. Я всегда мог противостоять.

Гэри морщился, когда я вступал в противостояние. Но я никогда не отступал, вне зависимости от того, какие у меня шансы на победу – 50 на 50 или 10 против 90. Иногда я буквально выцарапывал мяч, например в игре против «Эштон Юнайтед» в марте 2010 года. Я отнял мяч и получил красную карточку. Благо, что матч проходил на домашнем стадионе, и я сразу пошел в раздевалку Брейкин-Мур-центра.

Я закончил свой последний сезон в «Стоксбридже», пропустив 20 игр из-за травм и дисквалификаций. Однако я все равно забил 19 голов. Люди говорили, что моя недисциплинированность отталкивала от меня хорошие клубы, интересовавшиеся мной. Но я всегда чувствовал, что нужно играть с пламенем в груди, возможно – из-за моего роста. Я был невысоким, а почти все, против кого я играл, были высоченными. Центральные защитники могли выбить из меня дух, но я просто справлялся с этим и стоял на своем.

Время от времени случались игры, в которых ты не мог понять, достаешь ли ты мяч. Когда ты играешь, у тебя нет камеры, показывающей все участки поля. Ты не можешь оценить, смогут ли тебя перехватить другие три человека. Иногда на часть поля опускается красная дымка от файеров с трибун, а с места, где

стоит судья, все видно хорошо. Однажды, на матче с «Кендал Тауном», в сентябре 2009-го, я столкнулся на поле с игроком команды противников. Я не думаю, что мы оба так уж сильно хотели достать мяч, но оба рванули за ним и столкнулись. Судья удалил нас обоих.

Это был мой первый матч после дисквалификации, и председателя клуба начало бесить, что я получаю деньги и пропускаю игры. Я понимал его точку зрения, но не собирался менять свой стиль игры.

Мои преимущества, как мне кажется, перевешивали недостатки – я часто забивал в одиночку. Гол в ворота «ФК Юнайтед» был хорошим примером, что я способен на такое. Я на большой скорости рванул с мячом со своей половины поля к чужой, обвел пару игроков и забил гол в нижний угол левой ногой. У «ФК Юнайтед» осталась видеозапись этого гола с подробными комментариями. Она выложена на YouTube и набрала 1888 просмотров. На тот момент это было самым большим количеством людей, которые смотрели за моей игрой.

К сожалению, Гэри был смещен с поста тренера из-за ссоры с председателем клуба после этого матча. Это было большим разочарованием для меня и некоторых других парней. Команда начала рушиться, поэтому я попросил обмена в январе. В контракте было предусмотрено, что я мог покинуть «Стоксбридж», если кто-то заплатит за меня. К моему счастью, «Галифакс» сделал это, но мне нужно было доиграть еще четыре месяца. В этот момент появился новый человек в моей жизни.

* * *

Элла Варди родилась 25 апреля 2010 года. Я встретил ее маму на два года раньше. Мы сталкивались друг с другом пару раз за неделю, но у каждого из нас была своя компания. Мы никогда не были по-настоящему близки, поэтому, когда Эмма забеременела, мы не были готовы к тому, чтобы стать родителями. Тем не менее мы решили оставить ребенка. Но через четыре месяца мы пришли к выводу, что не обязательно должны быть вместе лишь потому, что Эмма беременна. Если бы мы пытались сделать то, чего не могли, это могло бы испортить жизнь Элле.

Я был рядом, когда родилась Элла, потому что хотел быть там и, как отец, имел на это право. Но первыми моими эмоциями, когда родилась Элла, был ужас, потому что она сначала не дышала. В моей голове все поплыло, я не мог понять, что вокруг

происходит, но медсестры сразу же забрали ребенка, и вот – до меня донесся плач новорожденной, он вернул меня к жизни.

Через день Эмма забрала Эллу в дом своих родителей. Это было нелегким временем, впрочем, как и весь следующий год. Я спрашивал у Эммы, что нужно купить ребенку, я не хотел их бросать и оставлять ребенка без поддержки. Я хотел платить алименты и всегда быть частью жизни Эллы. Однако в первые полгода я проводил не много времени с Эллой. Потом неожиданно я получил звонок от службы по опеке детей.

Рождение Эллы стало для меня мотивацией при играх в футбол. Я выкладывался на полную, мне нужны были дополнительные деньги. Переход в «Галифакс» в мае 2010 года дал мне такой шанс. Но он также показал, что мне нужно было поработать над моими навыками ведения переговоров. Я всегда был хорош в математике благодаря мистеру Пембертону, но не смог загнать в угол «Галифакс» своими требованиями по зарплате.

Тогда со мной еще не было Джона, поэтому я поехал без агента с Гэри Морроу, который вернулся в «Стоксбридж», так как урегулировал свои разногласия с председателем. Мы говорили о том, сколько я должен просить, беря в расчет, что «Галифакс» заплатил за меня 15 000 фунтов, что в сущности было грошами для клуба такого уровня. Мы решили, что он оставит меня одного, когда дело дойдет до разговора с Дэвидом Босомуортом, председателем «Галифакса».

Я думал, что смогу выбить 250 фунтов в неделю, вдвое больше, чем я получал в «Стоксбридже». Председатель сразу же сказал, что он доволен, и схватился за ручку подписывать контракт. Только потом я понял, что он ожидал, что я потребую больше.

«Галифакс» только что выиграл отбор в более высокую лигу, переименованную в Первый дивизион Эво-Стик. Я по-прежнему не хотел переезжать, это было бы нечестно по отношению к «Стоксбриджу». «Галифакс» в прошлом был клубом Футбольной лиги, который разорился, поэтому он пытался вернуться на прежние уровни как можно скорее.

Оборудование и арена остались прежними со времен расцвета, стадион в среднем собирал 1500 человек на игру, тогда как на домашнем поле «Стоксбриджа», Брейкин-Мур, едва ли набиралась сотня человек.

Нил Аспин, сыгравший более ста игр за «Лидс Юнайтед» и «Порт Вейл» в 80-е и 90-е годы, был главным тренером «Галифакса». Будучи игроком, Нил был жестким импозантным защитником, но как тренер он был спокойным. Мы хорошо

поладили. При первой встрече Нил сказал мне, что следил за мной уже долгое время, с момента своей работы с полупрофессиональным клубом «Харрогейт». Выяснилось, что он пару раз приезжал на игры «Стоксбриджа», чтобы посмотреть, как я играю, но я не играл. Разумеется, это было из-за браслета и условного срока.

После того как я присоединился к «Галифаксу», Нил получал звонки от других тренеров, уверявших его, что я чересчур агрессивен. Но в будущем я его не разочаровал в этом плане. На самом деле я думаю, что Нилу нравилось, что во мне есть что-то дьявольское, когда я играю.

Он сильно уговаривал руководство клуба заплатить за меня 15 000 фунтов, но они сомневались в размере выкупа. Сомнения развеялись после моей игры за «Стоксбридж» против «Дарем Сити» в феврале 2010-го. Дэвид Босомуорт был одним из 87 человек, пришедших в холодную ночь вторника на матч, чтобы посмотреть, как мы выиграли 5:1. Я отличился дважды и отдал голевую передачу. К концу вечера мне позвонил Нил. Он пошутил, что потратил уйму времени, пока туда добирался, и сказал, что сделает все возможное, чтобы взять меня к себе.

После стольких лет игры за «Стоксбридж» мне было странно переходить в другой клуб в первый день предсезона. Еще более странным было то, что на тренировке в «Галифаксе» мы бегали на беговой дорожке. Мы никогда так не занимались в «Стоксбридже», поэтому у меня не было соответствующей обуви. У меня не оставалось выхода, кроме как надеть кроссовки, которые я обычно носил с джинсами. Но это не играло большой роли.

От Шеффилда до Галифакса нужно было ехать на 40 минут дольше, чем до Стоксбриджа. Я ездил туда вместе с несколькими другими ребятами из клуба. Мы водили по очереди, вместе скидывались на бензин. Такого рода вещи часто происходят, когда ты играешь в нелиговых клубах, где ты еще и выступаешь почти за бесплатно. Я ездил с Дэнни Холландом, который тоже был нападающим, с Ли Грегори, недавно перешедшим из «Мансфилда», и Джонатаном Хеджем, голкипером. Мы вчетвером набивались в мой «Сааб» и брали курс на Галифакс. Мы никогда не опаздывали.

> Я закончил последний сезон в «Стоксбридж», пропустив 20 игр из-за травм и дисквалификаций. Однако я все равно забил 19 голов.

Нил собрал очень сильную команду в «Галифаксе», и вскоре

стало ясно, что мы были слишком хороши для лиги. Мы выигрывали почти каждую неделю, и я набрал очень хорошую форму к концу сезона, забив 17 голов за три месяца, включая игру против «Стоксбриджа». Я был этим расстроен. Несколько игроков, с которыми я год назад стоял бок о бок, до сих пор играли там, и я чувствовал, что у меня не было права праздновать свои голы. Я знал там многих ребят и по-прежнему ездил с ними в Блэкпул, даже когда присоединился к «Галифаксу». Поэтому я не хотел их расстраивать. Весь матч я ходил с понурой головой на середине поля.

Из-за травмы я не играл в «Стоксбридже» на выезде в начале сезона, но я все равно пришел посмотреть. Больше всего меня поразили новые ложи для тренеров и запасных, которые были установлены у кромки поля. Когда я встретил Аллена Бетела, председателя «Стоксбриджа», он мне сказал: «Мы использовали деньги, которые получили за тебя, чтобы установить их». У меня было смешанное чувство. Я чувствовал себя ценнее пары скамеек и нескольких мешков цемента. Но, возможно, это был комплимент с его стороны.

Руководству «Галифакса» не понадобилось много времени, чтобы осознать, что они получат большую прибыль от такого вложения. Председатель говорил обо мне в преувеличенных тонах, да и я определенно считал так. Однажды он мне даже сказал, что я играю лучше, чем Андрей Аршавин, игрок сборной России, выступавший за «Арсенал» на тот момент. Также он отметил, что Лео Месси был бы доволен моим вторым голом против «Норт Ферриби», который я снова забил на скорости, обойдя защитников. Но я стал счастливее, когда на последней минуте забил победный гол в ворота «Чейзтауна» в марте и оформил хет-трик. Если вы посмотрите этот гол на YouTube, вы заметите, как один из парней на секунду остановился и схватился за голову в шоке от того, что увидел.

У «Галифакса» была собственная команда по взаимодействию с прессой, которая осталась со времен их выступлений в Футбольной лиге. Из всех клубов такого уровня только «Галифакс» широко освещался в СМИ (если не считать «ФК Юнайтед»). Записи интервью после матчей были в новинку для меня и, если быть честным, казались мне великолепным шансом пошутить в своей привычной манере. Дэнни Холланд, мой друг, стоял рядом со мной после матча с «Чейзтауном». Меня попросили рассказать про голы. Я описал им последний с невозмутимым выражением лица: «Ну, он – третий, это и так говорит за себя».

Жизнь была веселой. Мои «переростки» и некоторые другие ребята из Шеффилда часто приезжали на маленьком автобусе, чтобы посмотреть, как я играю, но я не воспринимал это всерьез. Может быть, они помогали мне забивать. Четыре дня спустя после хет-трика «Чейзтауну» я забил еще три в игре против «Кендал Тауна» и отпраздновал последний гол прямо на поле.

Я наклонился, приспустил трусы и показал свои красные плавки «Плейбой», на которых было написано «счастливые трусы» и изображена пара игральных костей. Я разогнался и почти оформил еще один хет-трик в матче против «Нантвич Тауна». Но – не вышло, я забил лишь два мяча. Если бы у меня получилось забить третий, это был бы хет-трик хет-триков.

К сожалению, в этот период взлета произошла страшная трагедия – на 62-м году жизни после долгой борьбы с раком скончался Тревор Стортон, ассистент тренера. Мы были опустошены этой новостью. Я забрал мяч с игры с «Чейзтауном», попросил всех ребят подписать его и передал мяч семье Тревора. Больше мы в этом сезоне не проигрывали, даже несмотря на потерю Тревора. Мы автоматически продвинулись в Высшую лигу, завоевав титул чемпионов.

* * *

Скауты продолжали приходить к нам на стадион, особенно в марте, когда я забивал много голов, но дальше этого дело не шло. «Донкастер Роверс» попросил меня пробно поиграть. Я думаю, что Нил не был воодушевлен идеей отдать на короткий срок лучшего игрока команды в клуб посильнее. Сам он рекомендовал меня даже нескольким клубам, игравшим в Чемпионшипе. Но они не хотели интересоваться мною. Дела у «Галифакса» шли хорошо, и через пару недель после окончания сезона 2010/11 они предложили мне новый контракт на 350 фунтов в неделю. Я начал листать страницы договора. В интервью журналистам я поставил под сомнение перспективы своего выступления за «Галифакс». Меня попросили прояснить, остаюсь ли я в клубе. Я ответил: «Нет, я подписываю контракт с “Ибица таун”. Поеду в отпуск на Ибицу и никогда не вернусь!»

К этому моменту дубль-акт «Джейми Варди и Дэнни Холланд» принял широкий размах. На ужине по случаю награждения по итогам сезона нас попросили сделать что-нибудь на камеру, прямо как Ant&Dec[25] – за исключением того, что эти двое, очевидно, знают, что делают. «Давайте, финт какой-нибудь!» – попросил оператор, когда мы освободились от вещей,

чтобы сказать что-то на камеру. Ну что ж, финт так финт. Я начал делать кувырки вперед прямо по полу отеля «Сидэр Коурт» в Брэдфорде. Думаю, эта запись появилась в конце сезона на DVD.

Эти вакханалии продолжались до того момента, пока не пришел Джон Моррис и не передал, что руководство «Галифакса» не оценило, что у меня есть агент. Джон вернулся ко мне после встречи с Дэвидом Босомуортом, посмотрел на часы и сказал: «У тебя есть пять минут».

Начались переговоры, в которых я не принимал участия. Джон хотел узнать, сколько за меня хочет получить «Галифакс». Они назвали свою цену – 150 000 фунтов. Было нелепо просить столько за игрока, который играл в наивысшем дивизионе нелигового футбола, но председатель и ухом не повел.

Несгибаемый Джон приглашал нескольких тренеров посмотреть на мою игру. Пол Пескисолидо из «Бертон Альбиона» посетил несколько матчей. Он описал меня как быстрого, энергичного, цепкого и агрессивного игрока. Но он все же не был доволен моими зарплатными требованиями, которые были чересчур высоки для уровня нелиговых клубов.

Через несколько дней после предсезонного матча с «Моссли» Джон убедил Ли Кларка, тренера «Хаддерсфилд Тауна», и Терри Макдермотта, его ассистента, посмотреть на меня в деле в товарищеской игре против «Стоксбриджа». Я забил дважды и отдал голевой пас в этом матче, который завершился со счетом 4:1. Но, позвонив Джону на следующий день, Кларк сказал, что не готов выложить больше 30 000 фунтов за меня. «Галифакс» никогда не пошел бы на такую сделку. Я чувствовал себя в ловушке, все это казалось мне нечестным. Особенно плохо было то, что я уже продлил контракт до того, как Джон начал активно заниматься мной.

Джон придавал особое значение тому, что «Галифакс» препятствовал мне, не давая мне шансов попасть в Футбольную лигу и стать профессиональным игроком. Я понимаю эту ситуацию с позиций руководства клуба: они выиграли переход в более высокую лигу и не хотели терять меня. Но мне уже исполнилось 24 года, я уже не был юнцом, а время шло. Джон продолжал давить на клубы и бороться за меня. Если судить по его словам в мой адрес, казалось, что он верит в мой потенциал больше меня самого.

Противостояние с «Галифаксом» было тяжелым, поэтому я решил предпринять большую авантюру. Я пришел в «Трулайф» и сказал Джону Херсту, моему боссу, что я увольняюсь. Четыре с половиной года тяжелой работы на фабрике сказались на моем здоровье, особенно на моей спине. Поэтому я решил уйти и жить

исключительно на свою зарплату с футбола. Это был прощальный поцелуй моей тамошней зарплате в 20 000 фунтов в год и различным страховкам. Но все же я смог пожертвовать этим, дабы получить передышку от работы.

Мой агент ничего не знал об этом решении, пока я ему не позвонил. По голосу было слышно, что он удивлен этим решением и чувствует, что должен прилагать больше усилий, чтобы найти для меня новый клуб. Я сказал ему, что теперь мне ничего не будет мешать, и я буду тренироваться по вторникам и четвергам, а также играть по субботам. Я не хотел накручивать наши отношения, я знал, что он делает все возможное для того, чтобы найти мне новый клуб.

Не было никаких признаков, что какой-то клуб мог удовлетворить требования «Галифакса». Играя первый матч в сезоне против «Корби», я был в неведении, какое будущее ожидает меня.

5
Усыновленный ливерпулец
Я тренировался каждый день, впервые за 24 года моей жизни, и это имело большое значение

– Что ты знаешь о «Флитвуд Тауне?» – спросил меня Джон.

– Ничего, первый раз слышу.

– Пойди, погугли и узнай как можно больше об этом клубе.

– Зачем?

– Потому что сегодня ты подпишешь с ними контракт.

К вечеру мы добрались до отеля «Де Вере Уайтс», который располагался через дорогу от стадиона клуба «Болтон Уондерерс». Я уже знал, что «Флитвуд» находится недалеко от Блэкпула и играет в Конференции «Блю Сквер». Эта лига была на один уровень выше той, где я играл в «Галифаксе», и всего на уровень ниже Футбольной лиги, но речь не об этом. Энди Пилли, амбициозный председатель этого клуба, вскоре заполнил пробелы в моих знаниях. Клуб четыре раза переходил в высшие лиги за время его председательства, и он не хотел останавливаться на достигнутом.

Новый стадион стоимостью в 4,5 миллиона фунтов был еще не достроен, и Энди, который спонсировал все из своего кармана, мечтал вывести «Флитвуд» в Футбольную лигу. Он не хотел осуществить это когда-то в будущем – он хотел сделать это сейчас. В идеальном мире я бы сидел за столом переговоров с клубом из Футбольной лиги, но в реальности никто не был готов заплатить 150 000 фунтов за меня «Галифаксу». «Флитвуд» торговался и в итоге получил меня за 75 000 фунтов, оставшуюся сумму клуб должен был выплатить в ближайшие сроки. В отличие от большинства других клубов «Флитвуд» был готов заплатить сразу. Когда они передали конечную сумму, Дэвид Босомуорт, председатель «Галифакса», сказал, что ему никогда не было так грустно получать так много денег.

Мне казалось, что «Флитвуд», будучи клубом из нелиговой системы, стремился к тому, чтобы стать профессиональным. Поэтому первый раз в жизни я чувствовал себя полноценным футболистом: тренировался каждый день, а не по вечерам пару раз в неделю. Все было прекрасно, даже то, что на футболке была

написана моя фамилия.

Я забил свой последний гол за «Галифакс» в игре против «Колвин Бэя» (1:1), в это же время я закончил работать на фабрике, а через неделю, 26 августа 2011 года, я стал игроком «Флитвуда». Теперь я собирался играть в футбол всю жизнь и деньги получать за это. Раньше об этом я не мог и мечтать. Джон заключил трехлетний контракт с «Флитвудом» на 850 фунтов в неделю, что казалось мне большим успехом.

Меня даже показали по национальным новостям. Правда, это было всего пять коротких предложений, появившихся на веб-сайте BBC под заголовком «“Флитвуд Таун” подписал полузащитника “Галифакса” Джейми Варди». В заметке была ошибка, я не полузащитник, но я был готов простить эту оплошность, ведь даже мои новые одноклубники не знали, кто я такой. Несколько из них играли в Футбольной лиге, и им казалось странным, что «Флитвуд» потратил столько денег на игрока из низшего дивизиона. Энди Мангэн (или просто Мангс) был центрфорвадом, я прекрасно с ним поладил вне поля. Позже он мне признался, что, когда услышал о моем переходе, подумал: «Какого черта мы подписали игрока из “Галифакса” за 150 тысяч!»

Это было большим риском со стороны «Флитвуда», но председатель хотел меня получить, он мог позволить себе такое приобретение и в итоге купил. Энди Пилли был миллионером, который создал свой собственный бизнес в сфере коммунальных услуг в 2002 году, в это же время он получил команду из его родного города – «Флитвуд». Через десять лет его компания Business Energy Solutions достигла оборотов в 40 миллионов фунтов в год, и он начал реформировать клуб. Когда меня подписали, «Флитвуд» был клубом уровня Футбольной лиги. Арена «Хайбери Стадиум» была обновлена. Ты мог почувствовать высокий уровень ожиданий от тебя в этом месте. Все это исходило от человека, который был на вершине этой пирамиды.

Я думаю, что председатель рассматривал меня как недостающее звено в своем плане, чтобы завоевать переход в Высшую лигу. Поэтому он был полон решимости совершить сделку вовремя, чтобы я смог дебютировать через 24 часа в домашней игре против «Йорк Сити». Микки Меллон, тренер «Флитвуда», также присутствовал на встрече в отеле. Почему-то у меня было предчувствие, что я буду сидеть в запасе, а к концу матча меня выпустят. Однако когда я пришел на стадион, Микки позвал меня в свой офис и сказал, что я буду играть в стартовом составе. Я был приятно удивлен.

Когда я вошел в раздевалку, капитан команды Стив Макналти

подумал, что меня нужно приободрить. Он подошел и сказал: «Не волнуйся, просто играй как обычно». Я обернулся и сказал, что не волнуюсь.

Позже мы с ним смеялись над этим разговором. Он сказал, что подумал: «Вот же маленький пронырливый заср…» Но я просто был собой, не страшился ничего, что было связано с футболом. Когда выходил на поле, я думал только о футболе. Футбол был для меня наслаждением, так что стресса на поле у меня не бывало. У меня не получилось забить в моей дебютной игре, но я был признан лучшим игроком матча. Я покинул поле с тремя скобами на голове, так как один из центральных защитников ударился зубами об меня в случайном столкновении.

Следующая игра была на выезде против «Рексема», в понедельник (на банковских каникулах). Пока остальные ребята отдыхали, Мики дал мне пару дней, чтобы я окончательно закончил свой переезд из Шеффилда. Когда я приехал в Рексем, парни начали стебаться надо мной, говоря: «Да, ты небось недоволен как отдохнул?»

Я отшучивался, но тут подошел Джейми Макгуайр (один из уроженцев Ливерпуля в команде, вместе с другим игроком «Флитвуда» ставший впоследствии моим хорошим другом) и спросил меня: «Вардс, почему ты носил браслет?» Я взглянул на него и впервые в жизни не знал, что ответить. Откуда, черт возьми, ты это знаешь, думал я. У меня не оставалось выбора, кроме как рассказать им всю историю.

Мы проиграли 0:2 «Рексему», его игроки были в хорошей форме и отрывались от нас на восемь очков после первых шести игр в сезоне.

Ответственность давила на нас, и в дальнейшем мы начали одерживать победы. Выиграли 3:2 в Кеттеринге на следующей неделе, я отличился дважды. После этого матча парни сказали, что теперь поняли, почему председатель отдал за меня такие деньги. Как мне кажется, их впечатлили не только мои голы, но и моя скорость. Я, отставая на десять ярдов, обогнал одного защитника «Кеттеринга» и в итоге забил гол.

* * *

Вскоре я почувствовал, что мне комфортно в «Флитвуде». Я тренировался каждый день, впервые за 24 года моей жизни, и это имело большое значение. Теперь перед играми я не был измотан от пятидневной работы на фабрике. У меня всегда была скорость, но теперь я чувствовал, что становлюсь еще быстрее и свежее.

Теперь я тренировался по пять раз в неделю, а не собирал медицинские шины и не пинал мяч в мусорные баки на парковке «Трулайфа».

Впервые я обрел независимость. Путь от Шеффилда до Флитвуда занимал два часа. Я не мог ездить туда-сюда каждый раз, поэтому мне пришлось покинуть дом. Раньше я не мог позволить себе этого. «Флитвуд» сделал мою жизнь гораздо легче. Мне выдали разрешение на переезд, и председатель поселил меня в Литам-Сэнт-Аннес. Это местечко располагалось недалеко от Блэкпула, где я жил короткое время с ребятами, когда меня только подписали.

Позже я переехал в четырехместный дом на улицу Тортон, этот дом также принадлежал председателю. Моими соседями были полузащитник Роб Аткинсон, Питер Тилл – привлекательный парень, который обожал себя, и Джуниор Браун – абсолютная легенда, у которого было пристрастие к татуировкам.

Это был хороший дом, особенно когда мы наняли уборщицу спустя несколько месяцев. Председатель сравнивал нашу жизнь здесь со сценами из телесериала «Подрастающее поколение» (The Young Ones).

Так много изменилось в моей жизни в такой короткий промежуток времени. В «Флитвуде» я чувствовал себя хорошо, особенно когда играл в футбол бок о бок с ребятами.

Легче всего описать нашу раздевалку так: там было полно психов, и многие из них – из Ливерпуля. Я притерся к их чувству юмора, да так, что спустя некоторое время они начали называть меня «приемышем Ливерпуля». А капитан Стив Макналти называл меня «самопальной пушкой» (*Loose Canon*[26]). Это прозвище было уместным, потому что я всегда был готов, чтобы взорвать несколько гранат и заставить остальных собирать их кусочки.

> Я покинул поле с тремя скобами на голове, так как один из центральных защитников ударился зубами об меня в случайном столкновении.

Однажды на выезде я в отеле пробрался в комнату исполнительного директора Стива Курвуда и перевернул ее вверх дном. Через короткое время тот обнаружил эту картину, спустился и взглянул на меня, гадая, я ли сделал это. Наконец, он произнес: «Ты плохо постарался, не правда ли?» А! – плохо? Стало быть, надо постараться еще. Через несколько минут я пошел на ресепшн, получил другой ключ и вместе с Джейми Макгуайром «постарался» в комнате Стива еще раз и разбрызгал везде пену

для бритья.

Я мог позволить себе такие выходки, потому что был хорош на поле. Моя игра вышла на качественно новый уровень в этом сезоне благодаря полноценным тренировкам, мастерству игроков в нашей команде и собственной уверенности. Я забивал каждую неделю, и это были красивые годы. Председатель в шутку говорил, что наш клуб играет нечестно, имея в составе меня.

Я же никогда так не считал. В нашей команде было много хороших игроков. Например, Джейми Миллиган, который играл в «Эвертоне», когда был ребенком. У него был потрясающий удар левой ногой. Он даже играл за сборную Англии младше 18 лет и был полузащитником, как и Стивен Джеррард, Скотт Паркер и Джо Коул. Кроме того, он выступал и в Премьер-лиге. Его прозвище было «Остров», потому что на его лысой голове на темени рос клок волос, который он отказывался сбривать. Мангс, у которого был ужасный характер, забивал по двадцать с лишним голов. Гарет Седдон, которому пришлось уйти из профессионального футбола из-за травмы, частично работал моделью. Магно Виейра, который, по заверениям ребят из «Флитвуда», родился в Бразилии, на самом деле родился в футбольном клубе «Уиган Атлетик». Вообще, мог бы перечислить всех игроков, потому что все они могли бы играть в Футбольной лиге.

Наш тренер был человеком, который делал из нас команду. Для Микки «Флитвуд» являлся первой командой, которой он руководил. Когда я перешел, он был у руля уже три года. Ему тогда было около сорока лет. Его подход был таков – все в атаку, иногда он выпускал четырех нападающих. За пределами поля он поддерживал нас и хотел, чтобы мы чаще смеялись, и зачастую шутил сам. Но в то же время он умел обозначать границы дозволенного. Если мы подводили его в матчах, то знали, как он будет себя вести.

Микки использовал меня на всех позициях. Он говорил, что у меня было умение обращать агрессию в энергию. Игра со мной в составе становилась агрессивной, но контролируемой. Иногда я вступал в единоборства, которые были на грани красной карточки, но Микки никогда не ругал меня. Он знал, что без этого аспекта я не буду хорошим игроком. Я был готов выложиться полностью в каждой игре не только ради себя, но для команды.

Я перешел дозволенную черту всего один раз – в сезоне, когда получил красную карточку в игре против «Киддерминстера» за подкат обеими ногами. Для меня этот фол мог привести к более серьезным последствиям, нежели для игрока соперников.

Мяч катился плавно, и один из оппонентов начал обгонять

меня. Мы рванули на полную мощь, поэтому нужно было играть жестко, закрыв глаза на возможность травмы. Я промазал по мячу, а попал по игроку. За этим последовала трехматчевая дисквалификация.

Пока я был отстранен, я ездил смотреть матчи в Стокпорт, и там в толпе я увидел Питера Крауча. Он сидел на крошечном старомодном деревянном сиденье, так что колени его были вокруг его ушей[27]. Крауч встречался с Эбби Кленси, брат которой, Шон, играл за нашу команду. Шон, между прочим, даже участвовал в телевизионной программе «Отчаянные домохозяйки», которая была очень плоха, о чем можно догадаться по ее названию. Однажды они приехали снимать фильм на стадион «Флитвуда». Наш председатель решил, что это будет хорошая PR-акция для клуба. Я помню, как вышел с парковки с Мангсом и в кармане зазвонил телефон. Мне сказали, что игроки «Флитвуда» должны немедленно прийти, чтобы сняться в эпизоде. Мы с Мангсом переглянулись и сказали в один голос: «К черту!»

Вообще-то оказаться под прицелами камер нам было всегда приятно. Я был очень активным в социальных сетях: писал твиты, обновлял статусы в «Фейсбуке». Но я был нелиговым игроком, и никого не интересовало, что я говорю. Мне везло, если мои посты хотя бы немного комментировали.

На поле не было недостатка в развлечениях, что-то всегда происходило. У нас было несколько боксерских перчаток в тренажерном зале, которые предназначались для битья груши. Но Джейми Макгуайр однажды надел их и вышел на середину импровизированного ринга против Ричарда Броди, одного из наших нападающих. Большинство ребят стояли вокруг, а трое – Стив Макналти, я и Натан Понд, который был ветераном нашей команды, – стали судьями.

Все было проведено качественно, по углам ринга парни, воображая себя тренерами, приободряли и наставляли своих бойцов перед началом раундов, которые длились по минуте. Победитель получал пояс и потом должен был защитить титул от кого-то еще.

Мы тренировались на поле «Филд Регби-клуба» в Литам-Сэнт-Аннес, который располагался на берегу Ирландского моря, так что там было прохладно шесть месяцев в году. Ветер буквально пронизывал тебя, поэтому если ты раздевался, то было очень холодно. Таким было наказание, если ты опаздывал на тренировку или играл плохо. Мне разок пришлось бегать вокруг поля абсолютно голым, лишь надев кроссовки. К счастью, единственными, кто видел это, были мои одноклубники, которые заливались хохотом, стоя на балконе.

* * *

Прошло немного времени после того, как я подписал контракт с «Флитвудом», когда я нашел новый способ двигаться больше: в день я выпивал три жестяные банки энергетика «Монстр». Одну выпивал, когда просыпался, а оставшиеся две пил перед тренировкой. Когда я приходил на стадион, то задавался вопросом, стоит ли идти в тренажерный зал, чтобы размяться. И ответом было – не-е-е, лучше выпить «монстра»! Джейми Макгуайр делал так же. И вот несколько человек забеспокоились: а сколько кофеина содержит одна банка? Однажды на тренировке мое тело совсем не было в форме, я не мог ничего сделать и чувствовал себя ужасно. Мы с Джейми пошли на прием к врачу, а тот посоветовал: «Бросьте пить этот напиток!» Что ж, мы выполнили его совет и – перешли на «Ред Булл».

Я по-прежнему ходил выпивать в город, единственным отличием было то, что я теперь не пил перед матчами, потому что уровень требований к игре был совсем другой. Я знал, что не могу себе это позволить. Когда все же решал выпить, то руководствовался правилом: только непременно иди домой, когда бар закрывается. Иногда, если в среду у нас был выходной, я во вторник гнал в Шеффилд на ночь R&B, которую называли «шоколадным вторником». Там я застревал на всю шоколадку, а в четверг с утра возвращался в расположение клуба. Выезжал заранее, на несколько часов, чтобы не попасть в пробки и вовремя приехать на тренировку. Добравшись, ставил будильник в телефоне, откидывался на спинку сиденья и спал в своем «Саабе» около часа, пока все не приедут.

Я вошел в хорошую форму в октябре и ноябре и забил восемь мячей в девяти играх, включая пять в ворота «Алфретон Таун» и «Бат Сити». Игра против «Бата» была особенно памятной для меня, не столько из-за двух голов, забитых мною, сколько из-за забавных костюмов на трибунах стадиона. Около 20 моих товарищей приехали из Шеффилда, включая двух членов «клуба переростков», которых вечером я познакомил с командой. Их костюмы понравились всем – от игроков до председателя и фанатов. Но больше всего они понравились барменам, потому что их приезд обогатил бары. Все они надели забавные костюмы. Рэнс был Умпой-лумпой[28], Риджи – Бэтменом, четверо были разноцветными мелками «Крайола», а еще пришел Супермен.

Один из ребят переоделся женщиной, и, если я правильно помню, он задрал одну ногу на барную стойку, приподняв юбку.

Первый гол я забил в первом тайме в добавленное время, к

тому моменту *«Barmy Army»*[29] уже ушла купить выпивки, поэтому мои друзья не видели этот гол. Второй же гол я забил в конце матча, на этот раз они увидели его. Ворота, в которые я забил, были на другой от них половине поля, так что я не побежал праздновать гол к их трибуне через все поле, чтобы мне не выписали предупреждение. А вот Рэнс не заморачивался по поводу возможного штрафа и выбежал на поле, станцевав там прямо в костюме Умпы-лумпы. Вечером я вместе с друзьями и фанатами поехал в Блэкпул, чтобы тихонько посидеть.

Мы выиграли следующую игру 2:1 на «Кенилуорт Роуд»[30], где я вывел нашу команду вперед, наотмашь с левой ноги пустив мяч над голкипером. Но никто не говорил о голах на обратном пути. Ричард Броди вызвал большую перепалку вечером. У него была какая-то история с «Лутоном», его держали, как могли, игроки соперников следили персонально за ним половину всего времени. Броди был в безвыходном положении. Мы выстроились в ряд, отделив Броди от игроков «Лутона». Когда он вернулся в раздевалку, пришла полиция и сказала, что если он не прекратит себя так вести, то они упекут его за решетку. К счастью, мы увезли оттуда три очка.

* * *

Теперь за мной следило много скаутов, я был в центре внимания. Когда несколько моих одноклубников отращивали усы на Мовембер[31], я решил сделать себе ирокез. Побрил волосы с двух сторон и дал ирокезу отрасти, поэтому выглядел как заядлый панк-рокер. Дэнни Мур помог мне покраситься в красный цвет на одну игру. Джон, мой агент, не был впечатлен этим, он считал, что это производило негативное впечатление на скаутов, которые приходили посмотреть на мои игры.

Я участвовал в Кубке Футбольной ассоциации, где мы выбили два клуба из Первой лиги – «Уиком Уондерерс» и «Йовил Таун». Мы выбрались в третий раунд – впервые за всю историю «Флитвуда». Я забил в обеих этих встречах, и мы все прекрасно понимали, насколько важно было победить «Йовил» в повторном матче (первый завершился вничью). Потом мы играли против «Блэкпула». Это был великий матч для нас, особенно для Энди, нашего председателя, который вырос, будучи фанатом «Блэкпула».

«Честно говоря, лучше бы мы сыграли с “Манчестер Юнайтед”, “Сити”, “Ливерпулем” или “Тоттенхэмом” – с любыми

из них, а не против “Блэкпула”», – сказал он. Истерия по поводу этого противостояния в течение следующих пары недель была невообразимой.

Трансферное окно открывалось за неделю до нашей игры с «Блэкпулом», и везде ходили разговоры о моем будущем. Мой агент сказал, что «Лестер» и «Саутгемптон» проявляли ко мне большой интерес, а «Кардифф» и «Питерборо» даже делали предложения. Также мне сообщали, что «Вест Хэм Юнайтед», «Вест Бромвич Альбион», «Сандерленд», «Фулхэм» и *«Волки»*[32] взяли меня на заметку. Мне казалось, я слышу что-то нереальное, но я не отвлекался и сконцентрировался на предстоящей игре «Флитвуда» против «Блэкпула».

Наша подготовка к матчу была скомкана, нас ограбили ночью, пока мы спали. Я проснулся первым, спустился вниз и увидел, что телевизор исчез. Питер Тилл обычно забирал его к себе в комнату, особенно когда приходила его девушка. Я постучался к нему в дверь. Он открыл ее и сказал, что он не брал телевизор. Я поднял других своих соседей и сказал, что нас, похоже, ограбили.

В гостиной у нас стоял мини-снукер, в саду я нашел свой кий. Возможно, воры обошли дом и зашли с черного хода, на случай если мы проснемся. В итоге все утро перед ответственным матчем мы потратили на разговоры с полицейскими.

Не будет приуменьшением сказать, что нас ограбили и в матче. Финальный счет был 1:5, это была большая победа «Блэкпула». Определенно, такой счет не отражал игру, потому что мы играли неплохо. Я забил гол и стал героем нескольких заголовков, обойдя Алекса Баптисте, который впоследствии станет моим хорошим другом. Иан Холлоуэй, тренер «Блэкпула», описал меня как замечательного игрока и потом сказал, что он никогда не видел, чтобы так бегали на поле.

Спустя десять дней Микки взял нас с собой в Шотландию, на небольшой перерыв. Я решил повеселиться и подбросить несколько сплетен по поводу нашей поездки. Газеты спекулировали на тему, что «Селтик» или «Рейнджерс» хотят подписать меня. Я понятия не имел, правда это или нет. После того как мы приехали, я написал в «Твиттере»: «Просто приземлился в Глазго». Все сошли с ума. Мой телефон начал звонить без передыху, я впервые столкнулся с взаимоотношениями с национальными медиа, когда толпы журналистов смотрели, как мы играем товарищескую игру против «Мотеруэлла».

Из этих историй про «Селтик» и «Рейнджерс» ничего не вышло, но Энди Пилли, наш председатель, позвонил мне и

попросил прийти к нему офис. Он сказал, что ему поступило предложение от «Блэкпула». Но я хотел большего. Тогда Энди сказал, что если кто-то предложит за меня один миллион фунтов, то он меня отпустит.

Я снова сконцентрировался на футболе и даже не думал про возможности перехода, пока мы не сыграли матч против «Форест Грин Роверс» 28 января 2012 года. Мы заканчивали тренировку, чтобы встретиться с тренером в баре «Ветряная мельница», когда Джон сказал мне, что два клуба – «Лестер» и «Саутгемптон» – предложили за меня один миллион фунтов. Полагаю, именно этот матч был спусковым крючком для сделки, поэтому я передумал идти на встречу с тренером.

Микки в «Ветряную мельницу» не приехал, но ему пришло сообщение, что я отказываюсь ехать на игру с «Форест Грином», поэтому он позвонил мне. Я объяснил ему всю ситуацию со сделкой, из которой, на мой взгляд, следовало, что с тренером мне больше не нужно иметь дело. Позже он снова побеседовал со мной, сказал что-то вроде: все забыть, очистить голову и готовиться к игре.

Это был единственный раз в моей жизни, когда я не хотел играть футбольный матч. Мне исполнилось 25, я столько лет играл в нелиговых клубах, стараясь забыть разочарование от «Шеффилд Уэнсдей»! И вот – мне представился такой шанс. А что, если я получу серьезную травму в игре против «Форест Грина»?!

> Один из ребят переоделся женщиной, и, если я правильно помню, он задрал ногу на барную стойку, приподняв юбку.

К утру субботы еще ничего не прояснилось. И с Джоном я разговаривал, и с Энди, которому признался, что я не настроен играть. Председатель заверил меня, что не будет лишать меня возможности перейти в другой клуб. Кстати, я тогда даже не осознал, насколько это было удивительно, что клубы – впервые в истории – готовы были заплатить за игрока из нелиговой команды один миллион фунтов.

«Ты никуда не поедешь, – наконец сказал мне Энди. – Я тратил 150 000 фунтов не ради того, чтобы ты поиграл здесь пять месяцев. Эти деньги были вложены в то, чтобы выйти в более высокую лигу, чтобы натренировать всех этих ребят. Они, между прочим, также нуждаются в тебе. Ты позволишь себе сейчас бросить их? Я хочу, чтобы “Флитвуд” вышел в Футбольную лигу в следующем сезоне, а ты – наш главный ключ к этой цели. Так что давай, заканчивай начатое».

Я чувствовал, что Энди подзабыл свои обещания не препятствовать моему уходу, потому что, давая их, он попросту не верил, что кто-то готов заплатить миллион за нелигового игрока. Мой же агент хотел, чтобы я выступал в Футбольной лиге как можно скорее, да и я желал того же. Я перестал концентрироваться на игре в футбол, лишь одна мысль витала у меня в голове: готовы ли будут те же клубы взять меня по окончании сезона.

В конце концов, у меня не было другого выхода, кроме как остаться. Когда закрылось трансферное окно, я уже ничего не мог поделать. Говорил с ребятами, рассказывал, как хреново я себя чувствовал. У меня даже не было настроения праздновать свой гол в игре против «Тамуорта» в следующую субботу. Но и злость, и разочарование не влияли на качество моей игры. Я не эгоист, это не мой стиль. Я всегда играю за команду, что и доказал в течение нескольких следующих месяцев, забив 11 мячей в матчах после той игры с «Форест Грином».

Я сделал свой второй хет-трик в сезоне в игре против «Эббсфлита», которую мы выиграли 6:2. Первый гол я забил левой ногой, второй – правой, внутренней стороной стопы, а третий – прямо с центра поля: я подловил их вратаря, когда он вышел далеко за пределы вратарской зоны.

Многое, что я делал, было экспромтом. Некоторые парни, которые всегда играли в профессиональном футболе, умеют играть лишь в одном стиле, потому что системный подход выдрессировывает их. Они с детства играют в академиях против таких же ребят, которых учат играть абсолютно так же.

Надо отметить, когда я в детстве играл с «Уэнсдей», мне никогда не говорили «ты должен делать именно так». Тем более не было у меня четких установок на протяжении семи сезонов игры за «Стоксбридж». Я никогда не сталкивался со строгим регламентом игры, поэтому мог раскрыть себя. Помню, как тренер «Стоксбриджа», Гэри Морроу, часто проводил тренировки, где мы с 50 ярдов посылали мяч в ворота. Я любил их. Это было так похоже на то, как мы в детстве гоняли мяч по кругу в Малин-Бридже, когда мы делали все в свое удовольствие и вытворяли с мячом что хотели.

В «Флитвуде» я также ощущал свободу, что является заслугой Микки, который давал каждому возможность работать со своей тактикой. В начале марта мы одержали 10 побед в 11 играх, исключая матч против «Киддерминстера». В тот вечер Рой Ходжсон, тренер «Вест Бромвича», пришел посмотреть, как я играю. Покрытие было ужасным, и игра у меня не задалась. На

самом деле мой агент думал, что мне и так повезло в этот день, потому что меня не удалили за фол вблизи боковой линии.

Дальше я забил пять голов в следующих четырех играх. Благодаря Питеру Кавано, другому парню из Мерсисайда, у меня появилось новое прозвище. Когда в марте 2012 года мы в домашнем матче обыграли «Мэнсфилд» 2:0, на следующий день на первой странице «Нелиговой Газеты» появилось фото мальчишек, протянувших руки к небу, когда я забил второй гол. Знаю, звучит нелепо, но они начали звать меня «Бог», возможно, потому, что у меня была способность *создавать* голы из ничего.

Не скажу, однако, что наша команда нуждалась в святом вмешательстве. К началу апреля за последние шесть месяцев мы оставались непобежденными в 27 играх, мы почти создали историю. В ночь на вторник мы столкнулись с «Рексемом», который был на втором месте, зная, что победа гарантирует титул чемпионов и выводит нас в более высокую лигу. Но при 5000 своих фанатов «Рексем» смог сыграть с нами вничью 1:1. Второй шанс выйти в чемпионы был у нас три дня спустя в игре с «Линкольном», когда я забил свои 30-й и 31-й голы в сезоне, но опять мы взяли лишь одно очко.

Кросси, мой товарищ из «Трулайфа», пришел посмотреть эту игру с несколькими другими ребятами из Шеффилда. Я попросил председателя пустить их в ложу для VIP-гостей, они были безумно счастливы, будто выиграли 900 фунтов в лотерее. План был таков: мы должны были пойти в эту ложу после матча, выиграв переход в высшую лигу, а на следующий день отправиться со всеми игроками «Флитвуда» на Большие национальные скачки на ипподроме Эйнтри, так как суббота выдавалась свободной.

Но, когда мы вернулись в раздевалку, Микки сердился: «Вы думаете, я не знаю, куда сегодня намылились идти? Подумайте головой! – сказал он. – В гробу я вас видал после такой игры. Я не буду беспокоить вас завтра, но сегодня, после такого результата, вы никуда не пойдете праздновать, имейте в виду». Я подумал, вот черт, идти или нет… В конце концов, я был чувствительным и – остался, когда мои товарищи ушли.

Но в субботу я, конечно же, пошел, как договаривались. Это был праздник – адреналин на скачках, пиво, прекрасное на вкус, которое стало еще вкуснее, когда к концу дня мы узнали, что все же смогли завоевать путевку в Лигу-2. «Рексем» сыграл вничью в матче против «Гримсби». Менеджер лиги, в которой мы пока играли, Алан Алгер рассказал нам эту новость и дал каждому по 150 фунтов на ставки на скачках. В «Нелиговой Газете» на следующий день появилась фотография наших ребят, которые держали в руках флаги с надписями «чемпионы» на фоне Эйнтри.

Хорошо, почти все ребята… все, кроме меня. Я пошел к барной стойке, чтобы налить еще пива, а когда вернулся, то никого не было на месте. Я стоял, держа в руках напитки, и думал, куда все могли пропасть.

Потом я догадался, что они пошли фотографироваться, и чувствовал себя, как официант, который забыл, какой столик он обслуживает. Наконец они вернулись, и я дал интервью для радио вместе со Стивом Макналти. Разговаривал я неохотно, потому что был обозлен.

Потом мы все вместе встретились в Ливерпуле, чтобы отпраздновать. Я с Робом Аткинсоном остановился дома у родителей Джейми Макгуайра, но мы разминулись друг с другом. Мне еще нужно было заехать за Мангсом. Я попросил таксиста остановиться у «Макдоналдса», прежде чем поехать к родителям Джейми. Но ребята все не возвращались, я не хотел будить маму и папу Джейми, поэтому у меня оставался один вариант – забраться в свой «Сааб». Что ж, я съел 20 наггетсов и лег спать на заднем сиденье. Но проснулся от хохота и стука в стекло – ребята наконец вернулись.

* * *

Мы решили немного повеселиться в последнем матче сезона против «Лутона». Несколькими месяцами ранее мы играли в игру «50 пенсов», придуманную по пути в Лутон. Правила простые: кто-то выходил на поле с монеткой в 50 пенсов в руке, а потом передавал монету другому члену команды в ходе игры. Ты не мог отдать ее обратно тому же игроку, от кого ее получил. Тот, у кого монетка останется к финальному свистку, должен проставиться для всех после матча.

Очевидно, что делать это нужно было незаметно, но в матче против «Лутона» нам попался рефери, который забрал монетку у нас из рук и швырнул ее за пределы поля. Почти как учитель в школе, который всегда что-то отбирает. Однако после подброса монетки, который производится, чтобы определить, кто начинает игру, Дэнни, отвечавший за экипировку, незаметно передал 50 пенсов одному из игроков, и мы продолжили игру. Когда Мангс лежал на поле после столкновения, монетка была у меня. Я подумал, что нужно передать ее как можно скорее. В конце концов, когда прозвучал финальный свисток, 50 пенсов были в руке у нашего вратаря Скотти Дэвиса. Вот таким был «Флитвуд» – замечательным и ненормальным.

Работай усердно и играй жестко – таков был девиз нашей

команды, и я прекрасно вписывался в эту концепцию. Я третий раз уже выходил в высшие лиги за три сезона. Я хорошо знал, как нужно построить команду победителей. Способности, конечно, важны, но один ты не выиграешь никогда. Нужен командный дух. Во «Флитвуде» у нас были оба этих аспекта.

Я думаю, что все во «Флитвуде» осознавали, что игра с «Лутоном» будет моей последней в этом клубе, ведь Энди обещал меня отдать в конце сезона. Он бы мог выставить меня на аукцион и поднять цену за переход, но он не сделал так. Думаю, что он уважал меня за то, что я не дулся после зимних событий и завершил дело, о котором он меня просил в середине сезона. В конце концов, произошло то, к чему он стремился – «Флитвуд» вышел в Футбольную лигу, и во многом это была моя заслуга. Поэтому я не чувствовал обиды по отношению к Энди. Он был умелым председателем, и все, кто играл за «Флитвуд», понимали, сколько всего он сделал для этого клуба.

Я третий раз уже выходил в высшие лиги за три сезона. Я хорошо знал, как нужно построить команду победителей.

Одним из последних моих появлений в качестве игрока «Флитвуда» было посещение церемонии вручения наград. Там я получил множество трофеев, которые ставили на стол, а не давали в руки. Их было так много, что я оставил их в зале. Вернувшись после того, как мы сходили выпить, я обнаружил, что их нет. Я предположил, что кто-то их забрал, чтобы потом передать мне. Оказалось, Джейми Макгуайр взял их к себе домой и сказал, что передаст потом. Но я так и не забрал их и сомневаюсь, что заберу когда-нибудь. Наверное, они до сих пор стоят у него на камине, но теперь – с его именем, выгравированным на них.

Немного позже я позвонил Микки, чтобы выпить вместе. Я просто хотел сказать спасибо за все, что он сделал для меня. Мы встретились в пабе «Фэрфилд Армс», купили бутылку шампанского. Микки заставил меня пообещать, что я вернусь во Флитвуд, когда у меня будет крутая тачка, и посигналю около его офиса. Именно так я и сделал. Когда продал свой «Сааб» и купил «Лендровер».

6
Водка с конфетками Skittles
Теперь я мог приобрести себе то, чего не мог позволить до этого

Я переоделся в «Бельвуар Драйв»[33], надел мои кроссовки, вышел из раздевалки и решил прогуляться по тренировочному полю «Лестер Сити». Довольно, хватит! Не могу больше терпеть это. Я собирался решить эту проблему, как всегда, – сказать напрямую. Увидел Найджела Пирсона, тренера «Лестера», и пошел сразу к нему – до начала заседания. Не было никакого смысла околачиваться вокруг да около. Мне просто нужно было произнести: «Тренер, я хочу вернуться во “Флитвуд” на правах аренды». Я и сказал.

Делал это не ради его впечатления. Я думал так. Переход в «Лестер» не принес пользы никому из нас. В последние пять месяцев сезона я не видел смысла оставаться в клубе для проформы.

Я падал по нисходящей, много пил (в основном один, дома), а забивал мало. На этой стадии я сходил с ума, даже думал вообще бросить футбол и работать на Ибице. В сущности, моя реплика подтвердила то, о чем и так догадывался менеджмент команды, – дела идут плохо.

Я знал, что, вернувшись во «Флитвуд», вполне могу повторить результаты прошлого сезона. Ведь было же, я делал людей счастливыми, как и себя самого. А «Лестеру» я был не нужен. Кому нужен игрок в такой плохой форме? А в клубе и без меня полно нападающих, включая молодого паренька по имени Гарри Кейн, который на правах аренды пришел из «Тоттенхэма». Я упал в развитии, и мне нужен был свежий старт. Но Найджел будто пропустил мои слова мимо ушей. «Увидимся в моем офисе позже», – сказал он.

Крейг Шекспир и Стив Уолш, помощники тренера, также были рядом, когда со мной разговаривал Найджел. Они четко решили, что я не вернусь во «Флитвуд» ни сейчас, ни в будущем. «Ты никогда туда не вернешься. Ты достаточно хорош, – так они сказали. – Ты способный, мы верим в тебя. Работай усердно, и ты достигнешь больших успехов», – такова была суть.

* * *

Я не думал, что такая встреча вообще произойдет, когда стоял на поле «Кинг Пауэр Стэдиум»[34] в марте 2012 года, держа шарф «Лестера» над головой и осматривая 32-тысячный стадион, который должен был стать моим новым домом. Я дал несколько интервью, сидя на скамейке запасных. Разговаривал с сотрудниками «Скай» – местного телеканала и радио, а также с некоторыми другими журналистами. Энтони Херлихи, глава службы «Лестера» по связям со СМИ, также взял у меня интервью для сайта клуба и задавал вопросы, которые интересовали фанатов. Я сказал ему, что всегда выкладываюсь на 110 % и не останавливаюсь. Я также сказал, что чувствую себя уверенно, хотя сразу перепрыгнул через три лиги. «Конечно, шаг большой, но думаю, что смогу показать себя. Тренер наблюдал за мной и сказал, что у меня это получится».

Мало кто знал, что происходило у меня в голове. Все лето я мечтал перебраться в «Лестер», и наконец мечта сбылась. Но весь первый сезон я был в настолько плохой форме, что просто хотел уйти. Я не знал, как справиться с этим, и не мог понять, что со мной происходит. Если считать, что у меня есть жизненный путь, то следует поблагодарить Найджела и его тренерский штаб. К счастью, они верили в меня гораздо больше, чем я сам.

Оглядываясь назад, нужно признать, что это был огромный скачок. Я был первым непрофессиональным игроком, купленным за миллион. Это, конечно, сильно давило, не внутри клуба, а извне. Когда «Флитвуд» заплатил «Галифаксу» за меня 150 000 фунтов, меня это нисколько не беспокоило. Я поднялся на лигу выше, занимался только футболом, но все равно клуб был нелиговый, да и зарплата меня не особо интересовала. Но с «Лестером» было все по-другому. Отдать миллион за человека, который даже не играл в Лиге, было немыслимым. Всего-то несколькими годами ранее «Ротерем» предлагал за меня «Стоксбриджу» лишь пару тысяч фунтов. Публично я заявлял, что моя цена меня не беспокоит. Но вообще-то думал – безумные торги, забавно, что множество клубов хотят меня заполучить, не один «Лестер».

«Кардифф» и «Питерборо» также делали предложения на миллион в конце сезона 2011/12. Это значило, что я могу побывать во всех этих трех клубах из Чемпионшипа. Джон был со мной, и мы оба сразу поняли (после первой встречи), что я подпишу контракт с «Лестером».

Найджел должен был отправиться в отпуск перед тем, как я приеду в тренировочный лагерь «Лестера» и познакомлюсь с его тренерской командой. Поэтому он пригласил меня к себе домой в Шеффилд. Я никогда до этого с ним не встречался. Но, как фанат

«Шеффилд Уэнсдей», я знал о нем все и видел, как он играет, когда ходил на игры с отцом. Он был выдающимся полузащитником, капитаном и легендой «Уэнсдей». В этом плане Найджел для меня гораздо ближе других менеджеров. Я уважал его еще до того, как вступил на порог его дома.

Главная проблема заключалась в том, что я встретился с ним на следующий день после празднования чемпионства «Флитвуда» и катания на крыше автобуса. Такие события всегда проходят бурно. Мы пили в автобусе, а потом продолжили в баре «У Джима» при стадионе. Неудивительно, что на следующий день я не чувствовал себя на 100 %. А если говорить честно, был просто никакой.

Мы поговорили в кабинете Найджела в его доме. Он рассказал, что его скауты долго следили за мной, даже когда я играл в «Стоксбридже». Говорил, что хотел меня подписать, будучи еще тренером «Халл Сити» пару сезонов назад. Он рассказывал об амбициях «Лестера»: что они хотят прорваться в Премьер-лигу. Я был впечатлен, когда слушал его. Также мне нравилось то, что он знал, что мною интересуются «Питерборо» и «Кардифф», но все равно не давил на меня при переговорах.

Когда мы приехали в тренировочный лагерь «Лестера», пару дней спустя, мне снесло крышу. Я был поражен не только инфраструктурой, которая была прекрасной, но и встречей со Стивом Уолшем, отвечающим за рекрутинг. Он ввел меня в курс дела (что происходило в клубе) и рассказал, что это он заставил руководство обратить внимание на мою игру и посетить несколько матчей. Его блестящая речь убедила меня, насколько серьезно был настроен «Лестер», подписывая меня.

«Питерборо» нельзя было даже сравнить с «Лестером». В нашем с ними разговоре не было и речи о включении игроков из нелиговых клубов и развитии их способностей. Это создавало впечатление, что они делали мне одолжение. Мне даже не показали стадион и тренировочный комплекс. Вместо этого мы немножко поели у «Злой ведьмы» – в ресторане, совладельцем которого был Даррен Фергюсон, менеджер «Питерборо». Барри Фрай, директор клуба «Питерборо», разговаривал с Джоном о финансовой составляющей сделки, пока я общался с Дарреном. Мы были там недолго – максимум час. Когда мы с Джоном сели в машину, было ясно, что «Питерборо» – не вариант для меня.

Я сел на пассажирское сиденье, за рулем был Джон. А проснулся я уже в Южном Уэльсе, в городе Кардифф. Мы посетили тренировочную площадку в Вейл-оф-Граморган, посмотрели стадион «Кардифф Сити» и пошли обедать в ресторан на берегу моря с Малки Маккеем, главным тренером «Кардиффа»,

и Йэном Муди, главой рекрутинга. Но у «Кардиффа» имелся огромный недостаток для меня – он был слишком далеко от Шеффилда. Я бы не смог встречаться с Эллой, которой исполнилось два года и с которой я очень хотел сохранить отношения. Конечно, можно было бы летать на самолете от Кардиффа до Шеффилда или ехать 4,5 часа на машине – но это был бы кошмар. Когда мы закончили разговаривать, я сказал, что еще не определился, но уже четко осознавал, что, играя в «Кардиффе», я бы не мог жить нормально.

Так что «Лестер» был для меня в приоритете. Я прямо чувствовал: это – наилучшее место, чтобы продолжить мою карьеру. Я уважал Найджела, мне нравилось, что город расположен недалеко от Шеффилда, а также – что мне полагались бонусы за забитые мячи. Не оповестив меня, Джон поговорил с Найджелом по поводу моего номера, сказав, что мне нравится число девять. Найджел позвонил мне, не догадывавшемуся об их разговоре, и сказал: «Если ты хочешь девятый номер, то ты его получишь». Я был так взволнован, что все слова вылетели у меня из головы, и я просто смог выдавить: «Хорошо, босс».

В национальной прессе новость о моем переходе не вызвала большого интереса. В публикациях о футболе на первом месте стояли матч «Челси» – «Бавария» в финале Лиги чемпионов, новость о том, что «Ливерпуль» увольняет Кенни Даглиша, что Рой Ходжсон определяет состав нашей сборной на Евро-2012. Конечно, в газетах написали пару строк, что я перешел в «Лестер», но не более. А я был доволен и этим. Я дал интервью газете «Лестер Меркьюри», в котором кратко рассказал о себе и о том, что постараюсь оправдать доверие Найджела.

Все было урегулировано, когда я, наконец, получил летний отпуск. Я передал всю бумажную волокиту Джону, который настоял на пункте, позволявшем пропускать матчи «Лестера», чтобы играть за сборную Англии. На самом деле этот пункт сразу принят не был. «За национальную команду» – так он формулировался, что подразумевало, что это могла быть любая сборная, а не только Англия. Эндрю Нэвилл, директор, отвечавший за заключение контрактов, был удивлен. Он сказал, что по такой формулировке я могу играть за любую национальную сборную в мире, поэтому попросил Джона уточнить у меня. Джон остался со мной на стадионе, когда я фотографировался, и спросил, что я думаю по этому поводу. «Я на сто процентов англичанин», – ответил я ему.

Новая форма еще не была изготовлена для меня, поэтому вместо того, чтобы фотографироваться в повседневной одежде, один из лестерских репортеров схватил поло из магазина

атрибутики клуба. Я надел футболку с надписью «ФК “Лестер”». Она была великовата, но это меня не беспокоило. Я чувствовал себя прекрасно.

* * *

Я подписал трехлетний контракт на 8000 фунтов в неделю с дополнительными 2000. Теперь я мог приобрести себе то, чего не мог позволить до этого. Например, снять фешенебельную трехкомнатную квартиру через дорогу от стадиона «Кинг Пауэр», куда я вскоре переехал.

Такое количество денег изменило мою жизнь, получать столько было приятно. И все же не это было самым важным. Я просто хотел играть в профессиональный футбол.

Вначале клуб поселил меня в отеле «Мариотт», где я жил, пока не нашел квартиру. Ричи де Лат и Мэтти Джеймс присоединились к «Лестеру» в то же время, что и я. Мы быстро сошлись, несмотря на то что наши жизненные пути были совсем разными. Ричи и Мэтти пришли из «Манчестер Юнайтед», что контрастировало с моей историей. Ричи, защитнику бельгийской сборной, было 23 года, а Мэтти, полузащитнику, который играл в системе «Манчестера» с 12 лет, было 20.

После тренировки мы часто собирались вместе в гостиной отеля и смотрели реалити-шоу «Пляж», чтобы убить время. Или же играли в «Плэйстейшн» Ричи. Почему-то он не соединялся с телевизором из отеля, так Ричи решил эту проблему вот как: вышел из отеля, перешел улицу и вернулся из магазина с 50-дюймовой плазмой под мышкой. Я даже не мог представить себе, что подумал персонал отеля в этот момент.

Раньше я не волновался, когда переходил в новый клуб, например когда играл за «Галифакс» и «Флитвуд». Но когда я зашел в раздевалку «Лестера» в первой предсезонной игре, я не был уверен в себе на 100 процентов. Такие люди, как Дэвид Ньюджент, Джермейн Бекфорд, Нил Даннс и Шон Сент-Леджер, были титанами футбола для меня. Я смотрел, как они играют, и беспокоился, что меня будут сравнивать с игроками, которые занимались профессиональным футболом всю свою жизнь.

Конечно, я не растерял физической подготовки, которая была у меня до этого. Заданный мне 12-минутный забег я выполнил очень хорошо. Но одно из упражнений давалось мне тяжело: ты должен был добежать до разных точек за определенное время – это было для меня сложней, чем челночный бег. Получалось плохо. К счастью, все в клубе понимали, что мне нужно время,

чтобы приноровиться.

Что мне помогло больше всего, так это знакомство с Ньюджи[35]. Он был первым человеком, который мне представился, и с ним потом мы были всегда неразлучны. Мы стали настолько близки, что я начал считать его своим братом. Поэтому именно он был моим шафером на моей свадьбе. Ньюджи Папс – Лисенок Ньюджи, так его называли остальные члены команды[36].

В моих глазах Ньюджи этого целиком заслуживал. Он начинал в «Бери», так что знал, каково это – пройти путь из низших лиг. Играл он и в Премьер-лиге – за «Портсмут» и «Бернли». А самое впечатляющее: он поносил футболку сборной Англии. Играл против Андорры и забил гол. Неплохо было забить за свою страну.

* * *

Так много было нового в профессиональном футболе, что я чего-то никак не ухватывал. В начале сезона 2012/13 меня попросили встретиться с психологом. Уверен, с наилучшими намерениями, но я сказал: «Не вижу смысла, психолог не поймет, что у меня в голове». Некоторые вопросы психолога выглядели бессмысленными. У меня спросили:

– Каких двух футболистов ты хотел бы пригласить на ужин?

– Мэтти Джеймса и Ричи де Лата, – ответил я.

– Кто это? – спросил психолог.

Я ему объяснил, что мы вместе живем в отеле. Мне задавали такие вопросы раз за разом.

Возможно, кого-то интересует психологический аспект игры, но уж точно не меня. Я сталкивался с неудачными периодами в моей жизни и неуверенностью, но всегда справлялся с этим сам, не изливая никому душу.

В клубе был чувак, который занимался гипнозом, и все говорили, что если я схожу к нему, то начну забивать голы. Я думал: «Да вы что, с ума посходили? Я могу вам сказать, как забивать голы – идите на поле и тренируйте удары».

Я еще мало играл за «Лестер», поэтому не особо разговаривал в раздевалке. У нас была сплоченная команда из ребят, не витавших в облаках, что помогало мне притереться к коллективу. Найджел строил сильную команду: Дэнни Дринкуотер, Мэтти Джеймс, Энди Кинг, Уэс Морган, Джеффри Шлупп, Каспер Шмейхель и Ричи де Лат. Они были настоящей командой и стремились не просто попасть в Премьер-лигу, но хотели и там

хорошо выступать. Я не мог дождаться начала игр.

Моя карьера в «Лестере» началась в игре против «Торки Юнайтед» 14 августа 2012 года на стадионе «Плейнмур», где была такая же слаборазвитая инфраструктура, как во Флитвуде. Это была игра в рамках первого раунда Кубка Футбольной лиги. Я получил пас от Бена Маршалла и на 77-й минуте забил свой дебютный гол за команду. Мог забить и второй, но судья решил, что я сделал это в положении вне игры. Меня это жутко разозлило. Несмотря на то что мы выиграли 4:0 и я забил гол, я не был особо счастлив. В чемпионате я забил первый гол 11 дней спустя, в игре против «Блэкберн Роверс», где мы проиграли 1:2.

После поражения от «Блэкберна» мы победили «Блэкпул», прервав их серию побед, но этот матч мне запомнился из-за плохих событий. Иан Холлоуэй, который хвалил меня в начале года, когда я играл в Кубке Футбольной ассоциации за «Флитвуд» против «Блэкпула», обвинил меня в симулировании в попытке заработать пенальти, которое в итоге решило исход матча. Мало того, что я был шокирован его обвинением, я еще получил шквал негатива в соцсетях от фанатов «Блэкпула», которые проклинали не только меня, но и мою дочь. Не очень приятно слышать от кого-то слова: «Надеюсь, ты со своей дочерью умрешь от СПИДа».

На следующий день ассоциация болельщиков «Блэкпула» осудила людей, ответственных за эти твиты, и заставила их извиниться передо мной. «Ладно», – подумал я.

Это был очередной пример, как поменялся мой мир, теперь я уже не был игроком из нелигового клуба. У меня внезапно появилось множество подписчиков в «Твиттере», поэтому мне следовало быть поаккуратнее в ведении соцсетей. Все, что происходило на поле, раз за разом повторяли по телеканалу «Скай Спортс Ньюс». Теперь я играл на глазах у 25 000 зрителей в Чемпионшипе, а не перед парой сотен людей на стадионах нелиговых клубов. Я знал, что был под пристальным вниманием, что уровень ожиданий от меня возрастал, и это было в новинку.

В то же время я не забывал, откуда я родом. В первом же перерыве ответственных игр, в сентябре, я пошел смотреть выездную игру «Флитвуда» против «Моркама». Энди Мангэн заметил меня в толпе и, забив один из своих голов, подбежал отпраздновать это со мной, обняв меня прямо над рекламным щитом, что вполне было в духе рекламы.

На следующий месяц я позвал моих друзей, чтобы отметить мой переезд в Лестер. Я пригласил 20 человек на «Оулертон Стадиум», недалеко от Хиллсборо, где мы сняли люкс на ночь.

Все прошло даже лучше, чем я ожидал, потому что Англия играла с Сан-Марино в квалификационном матче чемпионата

мира 2014. Мы спустились посмотреть этот матч в ложе для VIP-гостей. Когда пришла официантка и спросила, что мы хотим купить, я ответил, что мы возьмем весь холодильник. Также я попросил пять бутылок водки «Серый Гусь», но в отеле было всего четыре бутылки, так что пятую мы не получили. К концу вечера Англия победила 5:0, друзья пели, а холодильник с алкоголем был пуст.

* * *

В первые месяцы в «Лестере» я не всегда выходил в стартовом составе, но все было неплохо. Мы победили «Бернли» 2:1, а я забил победный гол, который был моим первым на домашнем стадионе. В конце сентября я отличился снова в матче против «Мидлсбро» (2:1), где я сравнял счет. В итоге я забил четыре мяча в девяти матчах. Но потом все пошло на спад. Я не забивал в девяти играх подряд, и один человек из тренерского штаба догадался, что я мало думаю о футболе. Янник Боласи ударил меня в голень в проигранном (1:2) домашнем матче против «Кристал Пэласа» 27 октября. Мне диагностировали ушиб голени. Довольно распространенная травма, но мне понадобилась куча времени, чтобы восстановиться.

Дома я хранил трехлитровую бутылку водки. Я бросил в нее конфетки «Скиттлс». После того как одна партия растворилась, я забросил еще. Но только красные и фиолетовые, потому что я не люблю оранжевые, желтые и зеленые. Я проделывал так раз двадцать. После этого водка приобрела такой же вкус, как «Скиттлс». Когда вечерами мне было скучно дома, я наливал стакан и наслаждался.

Водка была отличной, но моей ноге совсем не помогала, казалось, что кровотечение так и будет до скончания веков. Дэйв Ренни, наш физиотерапевт, не понимал, почему ситуация не улучшается. Он говорил, что икроножная мышца должна заживать намного быстрее. В один момент он отвел меня в сторону и спросил:

– Что ты делаешь?

– Ничего особенного, – ответил я. И рассказал про свое изобретение – водка + «Скиттлс».

– Тогда все понятно, – шокировано произнес Дэйв. Проблема была в том, что алкоголь затягивает процесс заживления ран.

Три недели спустя я снова вернулся на поле, выйдя на замену в матче против «Ипсвича», мы выиграли 6:0. В следующую

субботу я играл в стартовом составе против «Шеффилд Уэнсдей» в Хиллсборо. Мы выиграли 2:0, но я не забил. Я не мог отличиться вплоть до 8 декабря, пока не вышел на замену в игре против «Барнсли» и не забил на 90-й минуте, сравняв счет. Это был мой последний гол в сезоне 2012/13.

Найджел поддерживал меня все это время, он был из тех менеджеров, которые относились к игрокам как к сыновьям и не критиковали их публично. Но все равно люди знали про мои проблемы, особенно это касалось выпивки. Я был в депрессии, потому что этот сезон не был похож на предыдущие, когда я забивал и был главным игроком в команде. Моим способом справиться с расстройством были пьянки с моими друзьями в Шеффилде. Так я уходил от проблем.

Если мы играли в субботу, а воскресенье выдавалось свободным, то ночью я ехал домой. А когда мы играли в среду, возвращался в Лестер во вторник ночью. Я ходил по барам в Лестере и в Шеффилде и, где бы я ни сидел, – я пил до закрытия.

> У меня внезапно появилось множество подписчиков в «Твиттере», поэтому мне следовало быть поаккуратнее в ведении соцсетей.

Мой режим сна был нарушен. Я приглашал друзей к себе домой и не ложился спать до трех или четырех утра. После тренировок возвращался домой без сил. Включал телевизор и засыпал под титры в начале фильма.

Мое тело не было готово к таким нагрузкам, слишком большой была разница между «Флитвудом» и «Лестером».

Днем я ложился отдохнуть и спал до шести или семи вечера. Поэтому я и не мог уснуть в три часа ночи.

Кроме того, на тот момент у меня не было девушки. Моя жизнь была неорганизованной и непостоянной, единственным исключением были мои встречи с Эллой несколько раз в месяц. Мои родители часто привозили ее в Лестер, когда мы играли на домашней арене. Эллу водили на мои игры, после матчей я проводил с ней время, а в воскресенье отвозил ее обратно в Шеффилд.

Долгое время я был совсем один, и это вгоняло меня в скуку. Когда мне становилось совсем хреново, то я шел в студенческий бар «Соар Пойнт» – «Точка взлета» – в кампусе лестерского университета, в паре минут ходьбы от моего дома. Я ходил туда, чтобы поесть и выпить без риска попасть в драку, в основном потому что там пили только студенты. Я посещал «Соар Пойнт» по средам, если выдавался свободный день, а иногда и в воскресенье, чтобы посмотреть футбол.

Ты мог получить там скидку, если у тебя была желтая карточка студента. Разумеется, у меня ее не было, поэтому мне продавали напитки по завышенным ценам, полтора фунта за пинту. Я хорошо проводил время там. По ночам они оформляли бар как фондовую биржу: все купленные напитки с ценами и количеством отображались на экране телевизора, будто бы шла торговля акциями. Если кто-то покупал четыре пинты пива «Карлинг», то название, цена и количество появлялись на экране. Таким образом, все могли видеть, что ты купил, и заказать то же самое при желании. Естественно, я и мои «собутыльники» выбирали что подешевле.

В январе я устроил большую вечеринку по случаю празднования моего 26-летия. Я позвал 30 человек и пошел в супермаркет Costco, чтобы заранее запастись выпивкой. Кроме того, я купил фейерверков – понятия не имею, зачем я это сделал. К концу вечера ракеты взмыли в небо, а на нас начали кидать яйца с балкона. Не думаю, что соседи оценили наше веселье, но Марио Балотелли гордился бы мной[37].

Разумеется, все это время мне было не до футбола, сезон пошел под откос. Но я и не пытался что-то исправить, хотя каждый день я не пил. Не помню подробности разговора с Айяваттом Шриваддханапрабхой (по прозвищу Топ), вице-президентом нашего клуба, которого я очень уважаю, – что-то о стиле жизни. «Да ты меня, наверное, с кем-то путаешь,» – подумал я, когда он сказал, что после этого разговора я бросил пить.

Были, конечно, дни, когда я приходил на тренировки с похмелья, но так было не постоянно. Уолши и Шеки[38], помощники Найджела, знали, что я приходил после попоек, и рассказывали это моему агенту. К тому времени Джон уже был осведомлен о том, что происходило со мной. Он сказал, что мне нужно прекратить злоупотреблять алкоголем. Но также объяснил руководству клуба, что я в плохом состоянии и мне нужна рука помощи, чтобы справиться с проблемами, разрушавшими меня. Это было правдой.

До этого я никогда не сталкивался с неудачами на поле. У меня не бывало таких денег, чтобы не заботиться о жизни. Когда я играл за «Стоксбридж», то забивал по 20 с лишним мячей в сезон, а теперь неожиданно остановился на пяти. Такое резкое падение результативности сильно сказалось на моем эмоциональном состоянии. Я пытался собрать пазл в голове и пришел к конечному заключению: этот уровень не для меня.

Это не было похоже на неуверенность, нет. Просто я убедил

себя, что не достоин играть в Чемпионшипе. За столь короткое время я не сумел адаптироваться. Если раньше мог обвести четырех защитников, уходя от них на десять ярдов, то сейчас я не был способен на это. Меня грамотно изолировали на поле, поэтому мое движение по полю должно быть более умным: защитники команд оппонентов здесь выбирали позиции гораздо лучше, чем те, с кем я сталкивался в низших лигах.

Уверен: мои одноклубники знали, что я напивался. Впрочем, некоторые из них также выпивали, но они знали, когда пить, и знали, как часто пить – это была главная разница. У меня же такого понимания не было. Я пришел из нелигового клуба, где мог всю ночь бухать, а потом прийти играть. Прямо как в том новогоднем матче в Гуле. Казалось, что с того момента прошла вечность.

Количество болельщиков также влияло – играть перед тысячами людей, конечно, великолепно, если у тебя идет игра. Но если нет, то ты встречаешь шквал критики. Найджел пару лет спустя сказал, что фанаты «Лестера» даже сомневались в моей способности ходить. Короче говоря, они были разочарованы моим приобретением. У меня тогда было точно такое же чувство. Я не был тупым. Чем больше ты пытаешься отгородиться от шума трибун, тем четче слышишь некоторые выкрики, когда на поле идет что-то не так. Так же испытываешь счастье, когда они скандируют твое имя.

Некоторые люди уже списали меня со счетов в «Лестере». В конце концов, я провел девять лет в непрофессиональном футболе и не мог справиться с уровнем Чемпионшипа. Малое количество голов только подтверждало мысли болельщиков-скептиков, которые сомневались во мне еще перед началом сезона.

То, что я пристально следил за отзывами в соцсетях, было одной из моих главных ошибок. Люди не скупятся на критику. Когда я играл во «Флитвуде», с этим у меня не было проблем. Но все поменялось, когда я перешел в «Лестер» – я смотрел на уведомления в «Твиттере», чего вообще не должны делать футболисты, и читал комментарии людей, утверждавших, что я слабый игрок и что клуб потратил миллион фунтов впустую, – все это доставляло мне боль.

Читать все это было моей огромной ошибкой, ведь я не мог доказать их неправоту. Казалось, что я попал в порочный круг и не могу выйти из него. В феврале, после трех поражений подряд, к нам пришел Гарри Кейн из «Тоттенхэм Хотспурс». Ему было всего 19 лет, но он играл хорошо в течение трех оставшихся

месяцев в сезоне. Также был подписан Крис Вуд из «Вест Бромвича», который был в хорошей форме и сразу стал забивать. Я начал смотреть матчи со скамейки запасных, чего до этого не случалось.

Я не знал, что мне делать. Был расстроен и ничего не мог поделать. Снова отпустил шутку одноклубникам, что хочу стать игроком ФК «Ибица», прямо как после сезона в «Галифаксе». Наверное, я каждый раз вбрасывал в разговоры тему Ибицы, потому что ездил туда в 2007 году с резервной командой «Стоксбриджа» и в 2008-м – со своими друзьями. Для меня Ибица означала бесконечную тусовку. Я был счастлив там и хотел почувствовать себя счастливым вновь.

* * *

Если говорить честно, я не был единственным игроком в «Лестере», у которого были проблемы во второй половине сезона 2012/13. В январе мы были на втором месте, что давало переход в Премьер-лигу. Но к середине марта, после пяти игр подряд без побед, команда скатилась в середину турнирной таблицы. Наступил перерыв на время встреч на международном уровне, поэтому Найджел решил устроить нам тренировочный лагерь в Португалии, чтобы сменить обстановку. Мы тренировались, катались на картинге, ужинали все вместе в ресторане. В один из таких вечеров у нас выдалось «развлечение», о которых не пишут в путеводителях: четверых из нас уткнули лицом в асфальт, приставив пистолет к голове.

Это случилось накануне нашего возвращения домой. Несколько парней решили сделать вылазку и погулять по окрестностям. Мы жили в апартаментах, походящих на коттедж, с двумя спальными местами в комнате. Просто выйти из коттеджа мы не могли, тренерский штаб заметил бы нашу вылазку. Поэтому мы перелезли через забор. Шли достаточно долго, пока не поймали такси, чтобы добраться до центра города и выпить там. Когда наступило время возвращаться, я поймал такси и ждал, пока мои товарищи подойдут. Неожиданно таксист сказал: «Нет. Опасность. Выходи». Я не понимал, о чем он. «Твои друзья», – сказал таксист. Я посмотрел в зеркало заднего вида и увидел их, бежавших по дороге. Я вышел из машины и услышал: *бах-бабах, бах-бабах*. Это были пистолетные выстрелы.

Я рванул навстречу к ребятам, которые попали в небольшую переделку с местными. Мы долго бежали по улице, пытаясь найти большую дорогу, чтобы добраться до нашего коттеджа. Мы

должны были спешить – уже светало и мы боялись пропустить самолет. Вдруг завыли сирены: подъехали две полицейские машины, оттуда вылезли копы и набросились на нас, приставив пистолеты к голове и приказав лечь на землю. Мы выполнили их требования, я знал, что лучше не трепать языком, когда на тебя направлено дуло пистолета.

> Читать все это было моей огромной ошибкой, ведь я не мог доказать их неправоту. Казалось, что я попал в порочный круг и не могу выйти из него.

Один из полицейских пытался поговорить с нами, но никто не понимал, что он говорит. В воздухе висело недопонимание. Мы пытались рассказать свою версию случившегося. Выяснилось, что один из местных стрелял из фальшивого пистолета, хотя звучал он как настоящий.

После всех этих выяснений обстоятельств копы разрешили нам вернуться, показав, как выйти на трассу. Мы крадучись пробрались обратно в расположение, будто бы ничего не случилось.

К сожалению, португальское солнце не помогло нам стать лучше на поле. Мы не выиграли ни одного из четырех следующих матчей, но прорвались в плей-офф Футбольной лиги, так как смогли победить «Ноттингем Форест» со счетом 3:2. В полуфинале мы должны были сыграть с «Уотфордом». В обоих матчах я не появлялся на поле. Во время второй игры я сидел на скамейке запасных вместе с Гарри Кейном и Дринки[39]. Это был ужасный день. Когда «Уотфорд» забил и счет стал 2:2 по сумме голов в двух встречах, судья назначил пенальти в ворота соперника за то, что в штрафной сбили Антони Нокара. Нокар не был постоянным пенальтистом – обычно у нас бил Ньюджи, – но сейчас он получил мяч и был уверен, что забьет. Но его удар вратарь отразил. А через 20 секунд мяч прилетел к нам в ворота.

К концу матча наступил хаос. Болельщики «Уотфорда» бегали, сходили с ума, не давали нам спуститься в подтрибунное помещение. В этот вечер мы потерпели поражение не только в этой игре, но и во всем сезоне.

Никому из нас не было оправданий, когда мы возвращались в Лестер, но самым виноватым я считал себя. В голове у меня крутились мысли о разговоре с Найджелом, Уолши и Шеки. Именно эта беседа, возможно, была главной в моей жизни, поскольку я узнал, что они все еще верят в меня. Я старался их не разочаровать.

7
Предложение
Я так и не понял, шутила она или нет

Мы были в «Ла Рокка» – ночном клубе на окраине Антверпена, в Бельгии. Я услышал хруст бутылки с пивом, которую кто-то уронил. Было десять часов утра, мы выпили слишком много алкоголя, и я с Ричи де Латом размышлял, чем заняться дальше.

В моей голове было много фантастических идей, но тут меня осенила та, что была экспромтом. Я не могу объяснить, почему у меня возникла эта мысль. Только неделю назад, перед поездкой к Мэтти Джеймсу и его невесте Лие, я сказал своей девушке Бэкки, что женитьба меня не интересует.

Ричи, который пригласил нас в гости в свой родной город, чтобы мы провели выходные в кругу его семьи (с его женой Тан), сказал Бэкки, что я хочу с нею поговорить. Трезвая и усталая, она на самом деле радости от наших посиделок не испытывала. А мы готовы были ухлопать целое состояние, покупая по завышенной цене шампанское, – лишь для того, чтобы составить блестящую конкуренцию сидевшим рядом албанцам, заказывавшим здоровенные бутылки водки. Однако не сказать, что албанцы обращали на нас хоть какое-то внимание.

Бэкки, похоже, не впечатлило сказанное Ричи, и она ответила в том духе, что я должен подойти к ней, если хочу что-то сказать. Что ж, я встал, обходя стол, споткнувшись, качнулся в другую сторону комнаты, как-то обошел рассыпавшиеся и разлившиеся на ковре осколки стекла и выпивку и – опустился на одно колено. «Я никогда не думал, что сделаю это, но – ты выйдешь за меня?» – сказал я.

У меня не было обручального кольца, и Бэкки пришла в замешательство, сомневаясь, говорю ли я искренне, так как был пьян. Но после того как я встал и вновь повторил предложение, она сказала, что согласна. Бэкки улыбалась, думая, что я даже не вспомню об этом, когда проснусь.

Это событие произошло 15 июля 2014 года, спустя сутки после того, как мы сидели в баре и смотрели, как Англия продувает Италии в первом матче Кубка мира в Бразилии. Я встретил Бэкки всего лишь за пять месяцев до этого, когда она неудачно организовала мой 27-й день рождения.

Бэкки Николсон была ивент-менеджером в «Вайпер Румс» – кафе, где я устроил вечеринку. Она написала мне сообщение, чтобы узнать наши пожелания. Много алкоголя – таков был мой короткий ответ. Потом я еще попросил шариков с веселящим газом – по просьбе «переростков».

Она согласилась, но сказала, что не хотела бы весь день сидеть в подвале и надувать 250 шариков из баллонов оксида азота. Когда она закончила, ее руки были в порезах, она написала, что очень расстроена. К вечеру мы с компанией приехали, заранее попив пивка, а ее день не стал от этого лучше.

Нас она с напитками не разочаровала, не поскупившись на наборы «Гламурный и роскошный сундук с драгоценностями: бесконечное наслаждение и разнузданность». Таким было полное название этого набора. В нем были коньяк Courvoisier VS, грушевый шнапс, Gosling's, Wray & Nephew, Havana Club 7, Bacardi Superior и Pampero Especial, а также две бутылки Moët & Chandon. На этикетке этого набора было написано, что он предназначается для восьми человек.

Я напился уже через час после начала, пил прямо из горла, не наливая в стакан.

Празднование моего дня рождения проходило на следующий день после нашей победы (4:1) над «Дерби Каунти» на стадионе «Кинг Пауэр». Мы возглавляли турнирную таблицу, опережая на семь очков ближайших преследователей.

Я забил восьмой гол в сезоне. На тот момент «Дерби» также претендовал на выход в Премьер-лигу, но мне казалось, будто мы играли против мальчишек – мы без труда победили их. На следующий день мы все еще были возбуждены победой, когда встретились на дне рождения.

Кроме ребят из Шеффилда и «переростков» приехали мои хорошие товарищи из «Лестера»: Уэс Морган, Дэнни Дринкуотер, Мэтти Джеймс. Дринки перешел к нам в клуб из «Манчестер Юнайтед» в 2012 году, примерно тогда же появился Уэс. Сразу можно было догадаться, что Дринки учился в академии «МЮ», потому что он очень хорошо играл, да еще у него были высокие требования по отношению к себе. Что касается Уэса, то его было невозможно не любить. Он был одним из капитанов, которые вдохновляли команду примером, а не гневными тирадами и ором. Он был дружелюбным непринужденным парнем. Помню, как взглянул на него в тот вечер на дне рождения: он держал бутылку шампанского и поздравлял меня с праздником и лидерством в турнирной таблице Чемпионшипа.

У меня есть предчувствие, что Бэкки было в тягость наше поведение в тот вечер. Особенно мое. После того как я допил ту

коробку с алкоголем, я уже ни к чему не годился. Один из ребят повел меня блевать в туалет. Я решил, что всем будет лучше, если меня посадят в такси и отвезут в отель, который находился в двух минутах ходьбы. В гостиничном номере я начал приходить в себя и засыпал Бэкки эсэмэсками, что она мне очень понравилась. Все их она оставила без ответа, что было странным.

Я проснулся в ужасном состоянии и решил, что мне нужно опохмелиться. Найджел дал нам выходной с субботы по понедельник в качестве поощрения за победу над «Дерби». Так как на протяжении всего сезона с понедельника по пятницу я был сконцентрирован на футболе, то каждые выходные мне хотелось оторваться. На следующей неделе я приехал к друзьям в Хиллсборо и выпивал, посылая сообщения Бэкки с извинениями за ту ночь. Я хотел встретиться с ней.

После того как я разъехался с Эммой перед рождением нашей дочери, я ни с кем не встречался. Мысли, что мне пора остепениться, меня мало беспокоили, мне нравились свобода и независимость. Однако Бэкки не выходила у меня из головы, поэтому я не сдавался. Наконец, в понедельник произошел прорыв: она согласилась встретиться со мной. Но ее согласие не выглядело вдохновляющим: «Я встречусь с тобой только потому, что ты меня достал, и я хочу прекратить эти переписки». Я так и не понял, шутила она или нет.

Я собирался провести понедельник спокойно, но Грант, один из «переростков», позвонил мне и сказал, что хочет встретиться в баре «Замок» в Хиллсборо и выпить. Я попросил его принести один коктейль «Джей-твенти», поскольку мне завтра нужно было тренироваться. Но Грант пришел от барной стойки с двойной порцией водки. К моменту встречи с Бэкки я принял еще несколько напитков, наслаждаясь бильярдом, а когда она вошла, у меня хватило наглости обвить ее талию руками. Следующее, что она тогда пережила, это зрелище моей борьбы с одним из моих товарищей на полу. Мой товарищ собирался продемонстрировать, как победить, найдя нужную точку, и, к счастью, Бэкки увидела в этом забавную сторону. От бокала вина она отказалась, но в баре решила побыть еще немного. К концу вечера мы прекрасно поладили и смеялись вместе. Каким-то образом мне удалось спасти ситуацию.

На следующий день я вернулся к тренировкам. Чувствовал я себя ужасно, так что одному моему знакомому пришлось везти меня в Лестер. Тренеру не понадобилось много времени, чтобы догадаться, что происходило на выходных. Я тренировался и бегал по полю, чтобы поскорей вывести алкоголь из организма.

Но тренеры все равно догадались, и Найджел сказал мне: «Похоже, кто-то оторвался на свой день рождения».

Я лишь глупо улыбнулся в ответ. В каком-то смысле я уже изменился с прошлого сезона: моя игра была в сто раз лучше, но я все равно жил на полную катушку.

* * *

Магалуф, куда я ездил летом 2013 года, был не лучшим местом, чтобы привести себя в форму после ужасного поражения от «Уотфорда» и всех моих неудач в моем первом сезоне в качестве профессионального футболиста. Но мне нужно было что-то поменять. Мой бывший сосед, Роб Аткинсон, позвал меня в это местечко на свою холостяцкую вечеринку. Как назло, в это же время чуть не весь «Флитвуд» был там по случаю окончания сезона.

До этого я уже был в Магалуфе пару раз, включая те памятные выходные с «переростками», которые мне вспоминались потом раз за разом. История была такой.

В один из вечеров мы пили в баре и отдыхали, пока кто-то из ребят не увидел тату-салон через дорогу. Рэнс посмотрел на меня и сказал:

– Я хочу набить твой автограф на своей заднице.

– Не говори глупостей, – ответил я.

– Я серьезно.

– Ну, иди, узнай, сколько это стоит, я заплачу.

Как идиот, он пошел туда и договорился сделать это за 30 евро. Я расписался на бумажке в качестве образца и отдал ее вместе с деньгами Рэнсу. В итоге довольный Рэнс действительно набил мой автограф на заднице, который красуется у него до сих пор.

В последний свой визит в Магалуф я не зашел в этот тату-салон, но не мог пропустить салон с аттракционами. Моим любимым игральным автоматом был «боксер»: на железной ручке подвешена груша, которую ты должен сбить, а за силу твоего удара выставлялись очки. Я мог пропадать там долгое время, зависая на этом аттракционе. Любил поколотить по груше. Но однажды автомат взял верх надо мной: я слишком вошел в раж и неудачно ударил, попав в сам автомат, а не грушу. В результате я сломал несколько костей на запястье, и именно поэтому сезон 2013/14 начал с повязкой на руке.

До начала сезона я съездил в еще одно путешествие – в Грецию, на остров Занте. Там я выполнял различные

тренировочные упражнения, в которых до этого вроде бы не нуждался. Вот насколько я хотел скорей вернуться в Лестер и начать тренироваться. Большинство туристов, отдыхавших на Занте, просто напивались. Я, конечно, тоже выпивал иногда.

Я набрал прекрасную форму после того, как познакомился с хозяином отеля, который видел меня по телевизору. Однажды утром он вышел прогуляться со мной и показал место, где можно было заниматься бегом. Я делал это каждый день – бежал изо всех сил под палящим солнцем, а по возвращении сразу же прыгал в бассейн.

Все это помогло, в новом сезоне я вернулся к своей прежней форме. Моя игра снова стала агрессивной и резкой, что разительно отличалось от последних двух месяцев. Найджел тоже заметил это, поэтому поставил меня в стартовый состав на дебютную игру сезона, первый раз с февраля. В этом матче я забил гол в ворота «Мидлсбро». Дринки также отличился, и мы победили 2:1. Мы побежали праздновать к нашим болельщикам, которые, однако, были к нам холодны из-за прошлогоднего выступления.

В начале этого сезона я сделал перестановки в занятиях, которые повторялись день за днем. Традиционно тренировка начиналась в три часа. С утра, проснувшись, я выпивал «Ред Булл» и ничего не ел до половины двенадцатого. Обычно мой завтрак состоял из омлета с ветчиной и сыром и консервированными бобами. Пока все убивали время перед тренировкой, я выпивал двойной эспрессо вместе с полузащитником Марцином Василевским, который очень усердно тренировался и хорошо играл.

Мы приходили в раздевалку за полтора часа до начала тренировок, и я выпивал третью банку. Я распивал ее в два подхода: половину – до разминки, а другую после. Подводя итог, три банки «Ред Булла», двойной эспрессо и омлет помогали мне носиться по полю как белка в колесе.

В игре против «Мидлсбро» Ньюджи вышел на замену и отдал мне голевой пас. У нас была потрясающая синергия на поле, что было следствием наших прекрасных отношений в повседневной жизни. Мы были как пара наушников. Мы знали стиль игры друг друга изнутри, дополняли друг друга, ведь у каждого из нас была своя манера играть. Вскоре мы притерлись друг к другу, и наши дела пошли в гору.

> На следующий день я вернулся к тренировкам. Чувствовал я себя ужасно, так что одному моему знакомому пришлось везти меня в Лестер.

Я всегда был в движении, стараясь забегать вперед, а Ньюджи играл на своей скорости, иногда болтая с кем-то и улыбаясь на протяжении игры. Однажды он очень сильно рассмешил нас своими действиями на стадионе «Лофтус Роуд» в декабре. Игра в тот вечер была приостановлена на четыре минуты из-за белки, выбежавшей на поле. Фанаты запели «Белка, есть лишь одна белка», лайнсмен стоял в замешательстве, не зная, что делать. Вдруг Ньюджи решил взять быка за рога, а если говорить точно, то – белку за хвост. Он начал гоняться за белкой по всему полю. Мы долго ржали над его погоней, пока, наконец, не вмешались работники стадиона и не прогнали ее.

В тот день мы выиграли матч у «КПР», Ньюджи лидировал в гонке бомбардиров. Я не мог нарадоваться за него. Эта победа стала девятой подряд. Команда неслась на всех парах, а я был полон уверенности, оставив позади все свои сомнения, терзавшие меня в прошлом сезоне. Каждый раз я не мог дождаться следующего игрового дня. Был ужасно расстроен, когда не вышел на поле в новогодней выездной встрече с «Миллуоллом», так как получил пятое предупреждение в сезоне в игре против «Болтона».

Я был раздражен, потому что это был последний матч, после которого желтые карточки обнулялись, да и, кроме того, мне показалось, что предупреждение было незаслуженным. Я столкнулся в прыжке с Зэтом Найтом, полузащитником «Болтона», рост которого был под два метра. После прыжка я приземлился на его ступню – это было случайно, а он посчитал, что я сделал это нарочно. Зот схватил меня за горло и начал спорить со мной: «Лучше бы ты отвалил», – сказал он.

Это мне напомнило перепалки в непрофессиональном футболе. «Хер тебе», – огрызнулся я. Мы оба орали друг на друга, и судья, посовещавшись с лайнсменом, выдал по карточке нам обоим.

В январе, когда трансферное окно открылось, тренер подписал несколько игроков, чтобы усилить команду ко второй половине сезона. Одним из новичков был Кевин Филлипс, который являлся легендой для меня, потому что забивал красивые и техничные голы.

Не думаю, что кто-то из нас слышал про другого новенького паренька – Рияда Махреза. Уолш, один из скаутов «Лестера», отыскал его в клубе «Гавр», игравшем в Лиге-2 чемпионата Франции. Рияд был худым и жилистым, но необычайно сильным. Мы понимали, что он обладает большим потенциалом, когда смотрели, как он тренируется. Он мог круто финтить и легко проходить защитников.

Третий новичок – Кев[40] – был уже состоявшимся игроком и

не нуждался в представлении. До этого он играл в Премьер-лиге за «Сандерленд», «Саутгемптон», «Астон Виллу», «Бирмингем» и «Кристал Пэлас», забивая там приличное количество голов. Кроме того, он играл за сборную Англии, поэтому после его перехода в наш клуб я старался учиться у него. Когда он присоединился к нам, ему было 40 лет. Помню, как он праздновал победный гол в конце встречи с «Борнмутом», пародируя себя с тростью. К концу сезона он решил закончить карьеру и присоединился к тренерскому составу «Лестера». Как игрок и как тренер он очень сильно помог мне: учил меня, как нужно грамотно перемещаться по полю, как заканчивать атаку в различных позициях.

В начале 2014 года мы были далеко впереди от преследователей в турнирной таблице, и я показывал свою лучшую игру за «Лестер». Гол, который я забил в матче с «Бирмингемом» (2:1) в конце января, был десятым в сезоне – я улучшил в два раза мою результативность по сравнению с прошлым годом. Я изменил свое отношение и чувствовал, что достоин играть на уровне профессионала.

* * *

В тот период я проводил много часов с Бэкки, но, чтобы добиться ее, мне понадобилось немало времени. Ее было нелегко очаровать – мои попытки не имели успеха.

Она была на пять лет старше меня и жила в Барнсли. У нее было двое детей – Меган восьми лет и Тейлор четырех. Так что она была в схожем положении. Ведь у меня тоже была дочка от предыдущих отношений. Это нас сближало. Через некоторое время начались наши регулярные свидания. Однако с началом отношений я не прекратил мою социальную жизнь: я по-прежнему тусил с друзьями, поэтому сутками мог не отвечать на звонки и сообщения Бэкки. Я был как самолет, пропавший с радаров, поэтому неудивительно, что это начало выводить ее из себя.

Однажды это зашло настолько далеко, что, когда мы договорились встретиться, я не поднял трубку на ее звонок. На следующий день я набрал номер ее телефона, но она уже сама приехала ко мне в квартиру в Лестере. Она начала звонить в дверь, а я стоял на кухне. Она вошла и бросила в меня книгу. Была просто в бешенстве, потому что я пропустил столько ее звонков, а она хотела мне сказать что-то важное.

– Важное? Я без понятия, что ты собираешься мне сказать.

– Я беременна, – произнесла она.

Тут уж я не знал что сказать. Мне нравилась Бэкки, до нее у

меня ни к кому не было чувств, но мы знакомы лишь пару месяцев и не обручены. Я не мог это никак принять.

Успокоившись, мы хорошенько поговорили. Наша беседа касалась не только беременности. Бэкки говорила, что мне нужно изменить свой образ жизни и себя в первую очередь. Она видела те вещи, которые я не хотел замечать: недостатки лучше видны со стороны.

Такие разговоры продолжались не одну неделю после того, как мы решили, что нам нужно быть вместе.

Бэкки признала, что у меня есть некоторые верные преданные друзья, люди, которые общались со мной искренне. Но она считала, что четверо или пятеро парней из моей большой компании поддерживали со мной контакт, чтобы извлечь какую-то выгоду. Я не замечал этого, и мы долго спорили по этому поводу. Бэкки говорила, что я каждый раз плачу за всех в баре, и спросила, оставались бы такие-то и такие-то люди моими друзьями, если бы я не делал подачки из своего кармана.

Ее слова не произвели на меня впечатления, которого она ждала. По-моему, такое поведение просто мне свойственно. Я говорил, что мне повезло, что я хорошо зарабатываю и время от времени вполне могу проявить благородную щедрость.

Я знал, что Бэкки тяжело это обсуждать, потому что она не хотела создать у меня впечатление, что она пытается мной манипулировать и вторгается в мое личное пространство. Кроме того, она переживала, что ее слова могут вызвать негативные перемены в моем восприятии друзей.

Были и некоторые другие вещи, которые она не могла понять, например мой режим питания.

Когда мне было скучно, я звал ребят поиграть на «Плэйстейшн» или посмотреть футбол, все это время мы ели всякую хрень. Я обожал пиццу, что и понятно: ведь жил я один, а готовить что-то самому мне было лень.

Я знал, что мое питание удивляет и одноклубников, я ел что хотел, и это никак не влияло на мою физическую форму. Я никогда не ходил в «качалку», потому что был стройным и худым по своей природе – я не видел смысла наращивать себе мышцы, это бы лишь замедлило меня. Что касается веса, то он всегда колебался от 72 до 74 килограммов, независимо от того, что я ел и чем занимался. Мне повезло с такой особенностью моего организма. Каспер Шмейхель был одним из людей, которые тщательно следят за питанием, поэтому он каждый раз делал мне замечания, когда видел, что я ем что-то вредное.

Делать все по правилам было не в моем стиле. Когда я присоединился к «Лестеру», я начал принимать снюс – этакий

жевательный, скорее сосательный, табак, который кладешь под губу на десять минут или больше. Однажды увидел странного типа на вечеринке во Флитвуде, который употреблял снюс.

Но в первый раз я попробовал его, когда подписал контракт с «Лестером», он помогал мне расслабиться. Клуб знал о таком увлечении, но достаточно много футболистов использовали его, а некоторые даже играли, закинувшись такой таблеткой.

Я не пропустил слова Бэкки мимо ушей, потому что знал: толика правды в них была. Я не мог быстро принять то, о чем она говорила – это случилось, лишь когда мы съехались в июне. Тогда я понял, что мне нужно контролировать эти аспекты своей жизни.

* * *

На поле все шло как надо. Я забил два гола в матче с «Барнсли», эта игра стала четвертой в ряду, где я отличался. А одиннадцать дней спустя в матче против «Блэкберна» я забил мой шестнадцатый гол в сезоне, завершив прорыв де Лата. Мы отыграли 17 матчей без поражений и отрывались на пять очков от «Бернли», который был на втором месте. В клубе не было никаких сомнений, что мы завоюем путевку в Премьер-лигу.

Мы окончательно добились этого, когда «КПР» проиграл «Бормуту», а «Дерби» не смог победить «Мидлсбро». После десяти лет игры в низших лигах «Лестер» вновь возвращался в высший эшелон английского футбола. Мы победили «Шеффилд Уэнсдей» за сутки до этих игр, так что смотрели эти встречи, собравшись вместе у Энди Кинга. А позже начали праздновать выход в Премьер-лигу.

Для всех это было большое достижение, оно сплотило нас и придало огромную мотивацию.

Я был уверен, что мы должны были достичь этого еще в прошлом сезоне, когда играли плохо и потерпели то ужасное поражение на «Викаридж Роуд» в плей-офф.

В этом сезоне нам оставалось лишь шесть матчей, но я играл только в одном, против «Рединга», который закончился со счетом 1:1. Я был на поле только до 65-й минуты, меня заменили из-за болей в пахе, которые начались несколькими неделями ранее. Я прошел рентген, но он ничего не обнаружил. Поэтому Дэйв Ренни, наш физиотерапевт, устроил мне встречу с Дэвидом Ллойдом, хирургом из Лестера, который хорошо разбирался в болях паха у спортсменов. Он нашел проблему в подвздошной мышце. Хирург сделал мне болезненную инъекцию: я смотрел на экране, как в меня входит шестидюймовая игла, когда она

достигла цели, я увидел, как выходит жидкость.

Сезон для меня был окончен, а ребята играли дальше. Мы одержали победу 1:0 в матче против «Болтона» благодаря сильному удару Лойда Дайера.

В последней игре сезона, когда нам вручили трофей, я решил выпить водки со Skittles перед встречей с публикой. Помните мою трехлитровую бутылку, которую я заготовил за полгода до этого? Только представьте, сколько драже Skittles растворил я в водке за это время.

После окончания церемонии на поле мы забрали наши медали и гуляли по полю вместе с близкими нам людьми. Потом тренер попросил нас вернуться в раздевалку, где мы начали празднование перед тем, как выйти к публике. Я перелил свою Skittle-водку в большую бутылку из-под воды, и мы распивали ее по кругу. Она была сладкой, как сироп, даже тренеру понравилась.

За несколько дней до этих событий я завоевал звание лучшего игрока сезона, которое мне присудили сами ребята из нашего клуба. Я получил эту награду на ежегодном праздничном ужине, на котором чувствовал себя гораздо лучше, чем в прошлом сезоне, потому что теперь у меня на поле все шло путем.

В «Лестере» люди могли купить место на праздничном ужине с командой. В прошлом году чувак, который заплатил за место за столом со мной и Энди Кингом, не смог прийти и передал место своему сыну. Тот был студентом и привел своих друзей из университета. Как завсегдатай студенческого бара «Соар Пойнт», я не имел никаких проблем при общении с ними, но наш сезон еще не закончился, поэтому мы пили чай, а Кинги вместе со студентами заказывал по восемь пинт пива каждый раз, когда официантка проходила мимо. Они очень сильно напились, и мне скорей хотелось уйти.

Я всегда ладил с Кингом – он хороший игрок и был одним из тех парней, которые никогда не говорят про других гадости. Энди спокойно справлялся со своей работой. В этом году мы вновь сидели вместе за праздничным столом. Но на этот раз нам составлял компанию парень по имени Элио Беза, который управлял международной компанией, проектировавшей магазины. Он оказался чудесным парнем, и вскоре мы стали близкими друзьями, настолько, что позже мы с Бэкки попросили его стать крестным отцом нашей дочери.

Когда мне было скучно, я звал ребят поиграть на «Плэйстейшн» или посмотреть футбол, все это время мы

ели всякую хрень.

У нас было еще несколько официальных встреч перед межсезонными каникулами. Первая – парад на крыше автобуса и встреча с фанатами в городской ратуше. Вторая – поездка в Таиланд к Вишаю Шриваддханапрабхе, владельцу «Лестера». В обоих случаях я попал в неприятные ситуации, связанные с головными уборами.

После церемонии в ратуше я попросил у полицейского дать поносить его шлем. Я уже бежал по лестнице с ним на голове, прежде чем полицейский ответил. А в Таиланде я расстроил Эндрю Невилла, футбольного директора «Лестера», бросив его кепку в море.

В Пхукете мы высадились на небольшом острове, где все игроки и члены тренерского штаба команды занимались водными видами спорта. Я стянул кепку с головы Эндрю и запустил ее в воду. Я хотел просто повеселиться. Это было одно из тех действий, которые я делал необдуманно. В итоге выяснилось, что в этой кепке Эндрю поднялся на гору Килиманджаро, потому она была ему дорога. Так что он не оценил мою шутку, когда кепка полетела далеко за борт. Я чувствовал себя жутко виноватым.

Мы провели в Таиланде семь замечательных дней. Вишай, который владел клубом с 2010 года, и его сын, бывший у нас вице-президентом, встретили нас очень гостеприимно в их родной стране. Мы каждый раз пробовали что-то новое: посещали храмы, отпускали черепах на волю, фотографировались с тиграми и многое другое. У нас был потрясающий ужин в «Сирокко» – ресторане на 63-м этаже бангкокского Стейт-тауэра, откуда виден весь город. Атмосфера была схожа с фильмом «Мальчишник-2: из Вегаса в Бангкок». Мы конкретно напились, так что наш видок на следующий день был просто ошеломительный.

Чем больше я наслаждался в Таиланде, тем больше Бэкки рвала волосы на голове дома, потому что ей надоело пытаться дозвониться до меня. Я никогда не был способен на долгие разговоры по телефону или написание длинных сообщений, но теперь-то она – моя девушка, беременна нашим ребенком. Близкие отношения – это что-то новое для меня, нужно было время, чтобы приспособиться. Но я также осознаю, насколько все это разочаровывало Бэкки, особенно моя очередная выходка.

Ситуация достигла своего апогея, когда мы вернулись из Таиланда. У нас еще было шесть недель летнего отдыха, и я заночевал у Бэкки дома. Утром я встал и поехал в Шеффилд, чтобы немного выпить с моими друзьями. В итоге я «ушел в самоволку» на выходные. Хоть мой телефон и лежал в кармане,

но мне было лень его доставать. К тому же у него часто кончалась зарядка, так что никто не мог выйти со мной на связь.

К этому времени Бэкки знала, что я могу находиться в трех местах: в «Чемпионах» – спортбаре, который появился на месте трактира «Тисовое дерево», в «Малин-Бридже» или в «Замке» в Хиллсборо. Бэкки нашла меня в «Чемпионах», где я напивался в компании товарищей. Она была эмоциональна и сказала перед всеми, что не может это терпеть.

«Я не рожу тебе ребенка, если ты не прекратишь себя так вести», – сказала она и захлопнула дверь.

Мы не общались несколько дней, несмотря на мои попытки заговорить. Мое же оружие обернулось против меня. У меня не оставалось выбора, кроме как ехать в Барнсли, чтобы попытаться разрешить дела. Мы разговаривали у нее на кухне, я был эмоционален, что совсем не похоже на меня, но реалии ситуации меня изменили. Я был уверен, что Бэкки готова уйти от меня, а я не хотел ее терять, поэтому слушал, что она мне говорила.

«Многие люди мечтали бы оказаться на твоем месте. У тебя целый мир под ногами, так сделай что-то особенное в своей жизни. Со мной или с кем-то другим. Но не выбрасывай это из головы», – говорила она.

Видимо, я просто хотел жить в двух мирах. Первый – с красивой девушкой, а второй – со свободой и вседозволенностью. Однако в реальности приходилось выбирать что-то одно. Я не хотел упустить Бэкки из рук. Я говорил, что она единственная, с кем я хочу быть, я обещал, что изменюсь. Вспоминая все это сейчас, понимаю, что эта встреча была определяющей в наших отношениях. Я наконец услышал ее и хотел остаться с ней. И это – лучшее решение из всех, что я принимал в своей жизни.

Скоро после этих событий мы поехали к Ричи и Тан в Антверпен, а в конце июня переехали в Маунтсоррел, деревню в Лестершире, раскинувшуюся на берегу реки Соар. Я взял Меган и Тейлор на реку и учил их рыбачить, как учил меня дед, когда я был маленьким. Все пришло в норму в моей жизни, сто миль в час остались позади. У меня скоро должен был родиться ребенок, скоро должна была начаться игра в Премьер-лиге, а также мне нужно было купить обручальное кольцо. Мое будущее не могло быть ярче.

8
Великое спасение
Чтобы там нас ни вдохновило в тот день, этот день было невозможно забыть

«Гребаный гусь!» Летом 2014 года я потерял счет, сколько раз произносил эту фразу, когда просыпался среди ночи и проклинал эту чертову птицу, которая обитала недалеко от моего дома в Маунтсорреле и издавала ужасные громкие звуки.

Было бесполезно кричать на него в окно. Этот гусь непрошеным гостем залетал к нам на участок и патрулировал территорию вокруг дома, будто охранник. Каждый раз он громко гоготал в утренний час и не останавливался.

Он был занозой в заднице для меня и главным врагом для Бэкки. На тот момент она была на поздней стадии беременности, и ей очень плохо спалось, поэтому гоготание сильно выводило ее из себя. Как местные жители, мы многократно звонили в службу защиты животных, мы перепробовали все, но птица возвращалась и возвращалась, приводя нас в отчаяние.

Потеряв надежду на нормальный сон, мы решили, что единственная наша возможность спать хорошо – поймать гуся. Я понимал, что не изловлю его руками, поэтому хотел сделать это удочкой. После полудня я тренировался, кидая блесну на спиннинге со второго этажа, или бросал маленькие камешки. Но у меня получилось только напугать его на несколько часов.

Мы достигли такой стадии, когда гусь стал объектом наших обсуждений, о чем бы мы ни говорили. Однажды на посиделках у друга мы показали им видео с телефона, как гогочет гусь в моем дворе. Они долго смеялись, пока, наконец, один парень не спросил:

– Почему ты просто не пристрелишь его?

– Что? – спросил я в замешательстве. – У меня даже нет ружья.

– Возьми у меня, – ответил он.

Мы с Бэкки переглянулись. Стоит ли идти на такой шаг? С нашими мешками под глазами и истощенными нервами ответ мог быть только положительным.

Я, конечно, стрелял из ружья раньше, но лишь когда был ребенком: у друга моего отца была винтовка, и он давал мне

пострелять в мишень на заднем дворе. Но охота на гуся на реке Соар была немного другим занятием, нежели стрельба в мишень. Я люблю животных и знаю, что, прежде чем убить гуся, мне придется побороть свою совесть.

Сопротивляясь желанию надеть балаклаву, я поднялся на второй этаж, открыл окно и, опираясь на подоконник, начал выжидать. Было темно, я не видел ни себя, ни соседей, ни гуся, когда он прилетел. Все было тихо и спокойно, но потом он появился в поле зрения. Я прицелился, поднес свой палец к курку и сделал то, что мне нужно было сделать.

Бабах! Гусь захлопал крыльями как сумасшедший, но вызывающе остался стоять на месте. Я перезарядил ружье и выстрелил вновь. Гусь отшатнулся и взлетел, он выглядел как кошка, которая уходит, чтобы умереть.

Я вернул ружье – не мог хранить его в доме – и наконец-то у нас дома установились тишина и спокойствие. На один день. Гусь вернулся и гоготал громче обычного, я не мог в это поверить. Как и Бэкки.

– Я думала, ты застрелил его, – сказала она.

– Да, я сделал это. Попал в него два раза, – ответил я.

Теперь я чувствовал, что гусь и моя жена были настроены против меня, но больше я поражался, почему я не застрелил гуся.

– Хорошо, ты, наверное, попал не туда, куда нужно, – сказала Бэкки. Все вернулось на круги своя.

Однажды мы гуляли у реки и увидели этого гуся, сидящего на берегу и таращившегося на нас. Рядом с ним была пришвартована лодка, в которой сидел какой-то мужик. Бэкки крикнула:

– Это ваш гусь?

– Да, – ответил он. – Вы хотите его купить?

Вы бы видели лицо Бэкки.

– Нет, я хочу убить его. Этот чертов гусь ходит у моего дома каждый день и не дает нам нормально спать! – заявила она. Мужик даже не знал, что сказать в ответ.

А некоторое время спустя, когда Бэкки пошла на сеанс рефлексотерапии, она рассказала про эту историю с гусем. И врач терпеливо объяснил ей, что гуси очень чувствительны. Он предположил, что, может, это происходило из-за беременности Бэкки. Возможно, он хотел присматривать за ней и ребенком.

С тех пор гогот гуся не беспокоил Бэкки, а, наоборот, успокаивал. Последний раз он раздался, когда появилась на свет наша дочь Софья. Когда они с Бэкки вернулись домой – птица исчезла и больше никогда не возвращалась.

* * *

Все это звучит очень странно, но все это вполне подходит для описания моего первого сезона в Премьер-лиге.

От охоты за гусем я переключился на поедание устриц.

В своей первой сумасшедшей игре сезона я попал в центр внимания. Да так, что не мог это представить. В своем дебютном матче против «Манчестер Юнайтед», в котором мы победили 5:3, я забил гол и отдал четыре голевых паса на стадионе «Кинг Пауэр». Ну и денек!

Я пропустил начало сезона, потому что у меня были проблемы с бедром, о которых я быстро забыл, когда в кои-то веки выбрался на ночь к другу домой. Наши обычные игры – алкоголь, и я решил станцевать брейк-данс, исполняя любимый трюк «червяк». Бэкки, которая не была впечатлена, как остальные, напомнила мне, что вообще-то я травмирован. Бэкки с обручальным кольцом на руке, которое я приобрел в «Тиффанис» в Бангкоке, не давала мне забыться.

После первой игры сезона против «Эвертона» я подписал новый контракт с «Лестером» на четыре года – до 2018-го. Моя зарплата по нему составляла 30 000 фунтов в неделю. Теперь я за семь дней зарабатывал больше, чем в «Трулайфе» за весь год. Это ошеломляло, если задумываться, но я старался меньше думать на эту тему. Урегулирование сделки я полностью доверил Джону, потому что я знал, что он выбьет самые лучшие условия для меня. Я играл в футбол, а он занимался финансами – так было всегда.

Джон вел переговоры с Терри Робинсоном, футбольным директором «Лестера», он настаивал, что пункт про выступление за национальную сборную Англии должен остаться. Терри, который всегда ладил со мной, сказал: «Я не думаю, что он из таких игроков Премьер-лиги, которые будут выступать за национальную сборную». Тогда Джон назвал это блефом и предложил увеличить статью до 250 000 фунтов. Терри не хотел, и в итоге они сошлись на 100 000. Также были назначены отступные в размере шести миллионов фунтов в случае моего перехода в другой клуб.

После поражения от «Челси» во втором матче сезона (0:2) я появился на поле на 20 минут в игре против «Арсенала». Очередной раз я вышел со скамейки запасных лишь пару недель спустя, когда мы выиграли у «Сток Сити» 1:0. На время международных матчей наступил перерыв, что позволило мне хорошо подготовиться и набрать форму перед игрой с «Юнайтед». В этот сезон они потратили 150 миллионов фунтов и начали играть под руководством Луи ван Гала.

21 сентября 2014 года выдалось солнечным. У меня из головы не выходило благословение, которое я получил перед матчем. Вишай, владелец клуба, регулярно присылал буддийского монаха, чтобы он оказал духовную поддержку перед игрой. Она мне очень помогла в этот день.

Мы все получили индивидуальные прищепки в раздевалке, монахи в желто-оранжевых одеяниях ходили по кругу от игрока к игроку и макали прищепки в святую воду и брызгали ее на тебя. Но в этот раз монах подошел ко мне снова и, положив руку мне на голову, прочел молитву и начал окроплять меня водой. К концу его процедуры мой спортивный костюм стал мокрым насквозь.

Некоторые ребята уходили на время этого обряда по религиозным причинам. Например, Рияд, мусульманин, не считал, что ему нужно благословение буддийских монахов. Однако все относились к ним с уважением. В конце концов, это было частью культуры Таиланда и вероисповедания владельца «Лестера». Такие встречи не проходили бы, если бы владельцем клуба был не Вишай.

Что бы там нас ни вдохновило в тот день, будь то монахи, или хорошая погода, или состав «Манчестера» с Робином ван Перси, Анхелем ди Марией, Уэйном Руни и Радамелем Фалькао, – этот день было невозможно забыть. Наконец-то я его дождался в свои 27 лет. А как бы вы себя чувствовали, будучи бывшим рабочим на фабрике, который с ирокезом на голове играл против «Юнайтед»? Это была главная игра моей жизни.

Дэвид Кидд написал такую заметку в «Дейли Миррор»:

> «Какой же контраст между суперкомандой ван Гала и «Лестером» с Джейми Варди, который принес победу в этой встрече. Это противостояние закончилось абсурдно, будто это сценарий из юмористической книги. Отвергнутый клубом «Шеффилд Уэнсдей», взятый из нелигового клуба «Флитвуд Таун», 27-летний Джейми Варди приковал к себе внимание в его первом матче Премьер-лиги против самых именитых нападающих в истории английского футбола. Одно время он играл в «Стоксбридж Парк Стилс» с электронным браслетом на щиколотке за драку. Варди – будто Рой Рейс[41], задержанный службой исполнения наказаний».

Сначала «Юнайтед» вел 2:0, затем – 3:1, но потом игра перевернулась. Одним из самых запоминающихся в тот день моментов был взгляд Райана Гигса, помощника ван Гала, отображавший его чувство отчаяния – он закрыл глаза ладонью.

Это был первый из 853 матчей в Премьер-лиге, проведенных «МЮ», который он проиграл, ведя в счете 2:0.

Но уж совсем смешным показался мне инцидент, случившийся перед игрой. На предматчевой пресс-конференции ван Гала спросили, знает ли он что-то про «Лестер» и его атакующие возможности. С кипой бумаг, лежавших рядом с ним, он сказал: «Конечно. Все эти листы посвящены “Лестеру”, и я прочел каждый из них». Не-е-е, ты точно этого не сделал, Луи!

Вообще-то каждый игрок в футболке «Лестера» показал в этом матче свою лучшую игру, не только я. Хотя счет был 0:2, мы не сникли и забили ответный мяч, когда Леонардо Ульоа завершил ударом головой мою передачу. Потом мы снова пропустили, так что к середине второго тайма проигрывали 1:3. Но тут Ньюджи забил пенальти, назначенный после того, как Рафаэл снес меня в штрафной «Манчестера», а потом удар Дина Хэммонда пришелся на меня. Я остановил этот мяч и отдал пас на Эстебана Камбьяссо, который сделал счет 3:3.

На этой стадии мы были заряжены и чувствовали, что можем победить «МЮ». Ричи отнял мяч у Хуана Мата и отдал мне, я вышел на рандеву с де Хеа. В предматчевой аналитике я смотрел множество роликов, как играет де Хеа в выходах один на один. Обычно он не прыгает к мячу, он стоит на месте и пытается увеличить площадь нижней части тела, стоя в пол-оборота.

Поэтому я пробил ему под левую… я увидел, как мяч был в сетке. *Что за чувство!* Мои руки и ноги дергались, как у сумасшедшего, я добежал до угла поля и прокатился на коленях. Я забил свой первый гол в матче против «Манчестер Юнайтед», мы уже побеждали 4:3. Земля дрожала, причем буквально – если смотреть запись, то видно, что камера, стоящая на поле, колыхалась вверх-вниз. Лео забил пятый гол после удаления Тайлера Блэкетта, который сфолил на мне. Казалось, что это сон.

> Например, Рияд, мусульманин, не считал, что ему нужно благословение буддийских монахов. Однако все относились к ним с уважением.

Я был настоящим разрушителем в тот вечер и играл в том же стиле, как в те давние дни в «Колли-Парке» за «Анвил». Хладнокровие и мой удар, который не смог парировать де Хеа, были результатом моих долгих тренировок.

Впрочем, агрессивное перемещение по полю, сопротивление на чужой половине поля, которое не давало отдохнуть соперникам, всегда были частью моего стиля игры.

После матча те, кого сильно занимает статистика, изучая мои игры в нелиговых клубах, установили, что я вошел в небольшую

группу игроков, которые забивали и «Манчестеру Юнайтед», и «ФК Юнайтед». Но все мое внимание было сосредоточено исключительно на настоящем. Оно конечно – ты никогда не можешь забыть корни, они сделали тебя тем, кем являешься, и я бы не хотел ничего менять в своем прошлом, но сейчас все мои мысли были сконцентрированы на игре в Премьер-лиге. И я старался себя вести в соответствии со статусом игрока Лиги.

«Барклайс» назвал меня лучшим игроком матча, у меня взяли интервью после игры. На следующий день, когда мы были на ипподроме Лестера, я снова оказался под прицелом камер. «Скай Спортс Ньюс» тоже хотели взять у меня интервью. Во мне невозможно было узнать паренька, который расстраивался и клоуничал в «Галифаксе». Я стал серьезным. Тот парень, кого вы видите по телевизору, – не настоящий я. Я не то чтобы хотел себя так вести, мне нужно было себя так вести. Моя любовь посмеяться и отпустить пару шуток была неприемлема на таком уровне. Я понимал, что представляю не только себя, но и клуб. Поэтому старался говорить правильные слова. Если бы я был «настоящим Джейми Варди» даже на пару минут, то это была бы катастрофа.

Игра с «Юнайтед» была переломной в моей карьере. К концу игры я еще не осознавал, но уже думал, что сделал очередной шаг вперед – я мог справиться с уровнем Премьер-лиги. Мы не только победили один из величайших клубов в мире, но забили ему пять мячей, когда нас уже все похоронили. Потом я сидел и думал, что же может пойти не так сейчас?

В следующих тринадцати матчах мы проиграли одиннадцать игр и две сыграли вничью. Мне понадобилось еще шесть месяцев, чтобы забить вновь. После поражения 1:2 от «Шпор»[42] в домашнем матче мы упали на дно турнирной таблицы – в шести очках от опасной зоны. Вот теперь уж все болельщики списали нас со счетов.

* * *

В середине этой неудачной серии Найджел вышел из себя, когда мы проиграли в домашней игре против «Ливерпуля». Он выпалил фанату, который хотел пробраться в раздевалку: «Отвали и умри». Мы узнали об этом после игры, когда сидели в гостиной спортивного центра. Сообщение об этом было растиражировано в социальных сетях. По-видимому, болельщик пытался раскритиковать и оскорбить нас, несмотря на то что мы выложились на сто процентов, а Найджел огрызнулся ему в ответ.

Это был первый из трех противоречивых инцидентов, в

которые был вовлечен наш тренер в этом сезоне. Второй раз это произошло в феврале после домашнего поражения 0:1 от «Кристал Пэлас», когда Джеймс Макартур вылетел с поля и задел Найджела. Мы подумали, что Найджел шутит, когда он схватил Макартура и не отпускал.

Третий инцидент всегда, когда я его просматривал, вызывал у меня улыбку. Мы проиграли в домашнем матче «Челси» (1:3), прервав нашу серию из четырех побед. На пресс-конференции после матча Найджел обозвал корреспондента страусом. Я так много раз пересматривал эту запись, что могу процитировать ее слово в слово: «Если вы не знаете ответ на этот вопрос, то вы, должно быть, страус. Ваша голова в песке. Ваша голова в песке? Насколько вы гибки, чтобы засунуть голову в песок?»

По мне – так я считал это очень смешным, знаю, что другие ребята думали так же, когда смотрели эту запись. На следующий день на тренировочном поле повар уловил шутку и приготовил бургер с мясом страуса. Найджел смеялся, когда съел один из них. Вот таков он, а вовсе не такой, каким его изображают в СМИ.

Для представителей прессы Найджел Пирсон – жалок, суров и противоречив. Но это совсем не тот человек, каким он был для игроков, которые его знали. Я думаю, что его поведение на пресс-конференциях помогало снять вину с игроков, что было особенно важно в первом сезоне в Премьер-лиге. Слово «задира» прицепилось к нему после инцидента со страусом. Может быть, люди думали, что он просто похож на других обладателей военной стрижки. Я часто подшучивал над ним: «Откуда у тебя такая прическа, тренер, от “Морских котиков”?» Он всегда смеялся в ответ.

Найджел всегда говорит напрямую, прямо как я, поэтому мы всегда с ним ладили. Я не обманываю. Он говорит как есть, и если ты имеешь с ним дело, то он всегда присмотрит за тобой. Найджел был преданным и всегда защищал игроков: он не только отводил критику, но ставил себя на амбразуру.

Не поймите меня неправильно, я видел, как Найджел теряет самообладание, несколько раз. Но делал он это не ради себя. Пока ты выкладывался, Найджел был доволен. Если ты пропускал какой-то его совет, то он снова вдалбливал его тебе в голову. Как я понял однажды вечером в этом сезоне.

Как-то раз я плохо тренировался, что было в общем-то не похоже на меня. Следующий день выдался свободным, и мы с Бэкки поехали в Ливерпуль, чтобы встретиться с Гари Тейлор-Флетчером, моим старым одноклубником по «Лестеру», и его женой. Мы уже были в пути, когда я получил сообщение, что тренер хочет видеть меня немедленно. Мы вернулись, и я приехал

на тренировочное поле, размышляя, что произошло. «Ты перестал выкладываться», – заявил мне Найджел в своем офисе.

Я сказал, что не перестал, так вышло всего раз за все тренировки. Думаю, тренер беспокоился, что это было вызвано чем-то более весомым. Я ему пообещал, что это больше не повторится. После того, сколько всего он сделал для меня, я не хотел его разочаровывать, ведь он не только вытащил меня из «Флитвуда», но и поддерживал в трудную минуту в моем первом сезоне в «Лестере». Это был хороший урок, серьезно. Считаю, что разговоры, подобные этому, дают тебе вежливый пинок под зад. Я вернулся в машину с твердым намерением доказать ему, что еще постреляю.

Найджел был позитивно настроен на протяжении всех наших плохих игр. Наверное, он знал, что, если показать нам малейшую потерю веры, это может передаться игрокам. Мы боролись, чтобы изменить результаты. Самое странное было то, что мы играли не так уж и плохо, не были мы и измучены. Поэтому такие поражения было тяжело принять. Единственная игра, где нас обыграли вчистую, была против «Саутгемптона» (0:2). Мы снова пропустили два гола – как в матче с «МЮ», – но все 90 минут гонялись за тенями.

Это была кривая обучения для нас, но с воцарением стабильности и постоянства дома я уже мог справиться с любыми разочарованиями, на что неспособен был пару лет назад. Конечно, я злился, что не могу забить, но теперь я не искал ответ на этот вопрос на дне бутылки или в теплой компании моих друзей-собутыльников. Я хотел выкладываться на тренировках, как и все другие игроки нашей команды.

Бывали случаи, когда я не мог найти себе места в команде, меня часто использовали на разных позициях. Иногда я играл справа с Ньюджи, иногда – на другом фланге с Лео, который перешел к нам из «Брайтона». Я играл правым нападающим в ответном матче с «Манчестер Юнайтед» на их стадионе «Олд Траффорд». Но в первом тайме я больше напоминал правого защитника. Обычно я играю везде, где попросят. Но эта позиция совсем не подходила, и я был заменен после первого тайма. В игре против «Арсенала» мы продули 1:2 и потерпели четвертое поражение кряду. Я даже не вышел на замену. Всем в клубе было тяжело, не только мне. Я старался сохранять позитивный настрой, и, возможно, замена подгузников дочери мне помогла.

* * *

Софья родилась 22 октября 2014 года. Учитывая мою загруженность в течение сезона, для меня это событие было непростым.

Я оставил Бэкки в роддоме и поехал домой, чтобы собрать сумку. И, пока меня не было, доктора обнаружили, что ребенок выходит недостаточно быстро, а сердцебиение Бэкки падает. Похоже, врачи уже стали подумывать о кесаревом сечении, но к тому времени, как я вернулся, пульс восстановился. Бэкки начала вести себя странно, решив, что ей обязательно нужно помыть волосы.

Ей поставили капельницу и сказали, что ей нужно отдохнуть. Чтобы занять время и дать ей немного свободы, я включил iPad и начал смотреть матч Лиги чемпионов в комнате ожидания, пока акушерка не сказала мне прийти. Я дал Бэкки свою руку, обмотанную железной спиралью после моего поражения в битве с игральным автоматом в Магалуфе, чтобы она могла, сжимая ее в своей ладони, перетерпеть боль и родить нашего первого общего ребенка. Мы были счастливы.

После родов дети Бэкки, Меган и Тейлор, были не с нами, так как мы не хотели, чтобы они пропускали школу, ведь мы еще не скоро должны были вернуться в Маунтсоррел. Да и вообще планировали переехать. Мы купили домик в Мелтон-Моубрее, тихом городке в получасе езды от Лестера, вот туда Меган и Тейлор и приехали, и мы стали жить семьей. Для меня они – мои дети, считаю, что это правильно.

В марте нам пришла в голову хорошая идея отметить новоселье и сыграть помолвку в один день. Мы поставили большой шатер в саду и решили праздновать там, что не понравилось нескольким соседям. До десяти часов вечера на нас подали около десятка жалоб. Пару дней спустя полиция сказала, что люди приходили прямо в участок, чтобы выразить свое негодование. Это было, конечно, чрезмерно, может быть, потому, что Мелтон-Мобрей больше использовался для фестивалей, посвященных пирогам с сыром. Мы провели время потрясающе. Пригласили 80 гостей, включая моих одноклубников с их женами и подругами. Я не только видел, что всем весело, но чувствовал дух единения среди ребят. Это убедило меня, что для нашей команды нет непреодолимых препятствий.

Был только один человек, не уверенный в силах нашей команды, – Эстебан Камбьяссо. Он пришел к нам летом по бесплатному трансферу из миланского «Интера» и считался в то время большой удачей для клуба. Он поиграл во многих клубах и завоевал множество трофеев. Когда он играл в мадридском «Реале», они стали чемпионами Испании и выиграли Лигу

чемпионов. Был он и чемпионом Италии и, наконец, забил более 50 мячей за сборную Аргентины. С таким послужным списком он утирал нам нос как игрокам. Многие из нас играли уже третий сезон вместе и были друзьями, а не только одноклубниками. Наша команда всегда строилась на хороших взаимоотношениях. Даже наша система бонусов была построена так, что игроки получали одинаковое количество бонусов за матч, вне зависимости от того, играл человек 90 минут или сидел на скамейке.

Эстебан был отличным игроком, я не думаю, что кто-то из нас испытывал дискомфорт в связи с тем, что человек с таким большим именем в футболе пришел к нам в клуб. Но мы не терпели, когда он пытался подмять под себя кого-то. Уэс был капитаном, и он прекрасно справлялся с этой работой, но вдруг неожиданно его авторитет пытался затмить человек, который недавно пришел в клуб. Вдруг стали устраиваться встречи, название которых звучало так: только для игроков. Интересующиеся узнавали, что их организовывал Эстебан. Невольно подумаешь: «Что происходит?»

Мы пропустили немало голов в играх в нашей проигрышной серии. Перед матчами мы становились в круг голова к голове. Однажды мы закончили обедать, когда Эстебан подошел. Он держал в руке ручку и начал что-то описывать и объяснять касательно игры. Я смотрел на него и думал: «Да ты смеешься». Мне кажется, вряд ли кто-то вообще его слушал.

Вот что делало положение вещей хуже, так это то, что парни начинали чувствовать: мы стали играть по-другому, лишь бы соответствовать его требованиям. Мы проигрывали каждую неделю, команда была подавлена – это в порядке вещей, когда результаты команды плохи.

В прессе появились слухи, что Эстебан получал на 20 тысяч фунтов больше, чем потолок зарплат в клубе. Я никогда не слышал, чтобы кто-то упоминал о его зарплате в раздевалке. У нас не было игроков, которые играли только из-за контрактов, поэтому и разговоры на эту тему не велись. А однажды Эстебан сказал: «Знаю, вы думаете, что я тут играю ради денег, но это не так». Выглядело это странно, потому что никто даже косо не смотрел на него.

Казалось, что он воспринимает события вокруг него так, будто до сих пор играет в «Реале» или «Интере». Он отдавал такие передачи, которые не могли обработать игроки нашего клуба. Нам не пришлось долго играть вместе с ним – это была не его вина. Честно говоря, он играл в пас и разочаровывался, когда

другие игроки не могли поспеть на его передачи или не были способны качественно их обработать.

У меня были столкновения с ним в конце сезона, когда я играл с болью в мышце бедра. Я был в очень плохом состоянии и единственным шансом заиграть лучше был полноценный отдых. Мы играли против «Тоттенхэма» и проиграли 3:4, мне сделали укол обезболивающего. Так я играл в каждой оставшейся игре сезона. Этот препарат был лишь локальным анестетиком, боль удваивалась спустя два часа после его применения. Когда его действие кончалось, нога вновь начинала жутко болеть. С такой проблемой я не мог полноценно играть и тренироваться. Если я играл под уколом, то вся моя неделя была омрачена болью.

Я ходил и вместе со всеми занимался тактической подготовкой на поле, но когда проходили тренировки на велотренажере, я не мог присоединиться к ребятам. Однажды Эстебан подошел ко мне и сказал: «Ты никогда не тренируешься». Я был в бешенстве и ответил: «Почему бы тебе не заткнуться и не засунуть свою “тренерскую” инициативу куда подальше?» Он ничего не сказал в ответ. Поражение от «Шпор» придало мне оптимизм: не только потому, что я наконец забил – первый раз с сентября, но и потому, что наша команда действительно хорошо играла на «Уайт Харт Лейн», и мы заслуживали хотя бы одного очка. Однако наша ситуация в турнирной таблице была плачевная, семь очков отделяли нас от безопасной зоны, а оставалось девять игр. Мы понимали, что если продолжим играть на таком же уровне, как в матче с «Тоттенхэмом», то можем остаться в Лиге. Нужно было показывать настолько хорошую игру, какую еще не видела Премьер-лига.

Тот, кто пришел к нам в январе, смог убедить меня, что такой сценарий возможен. Это был Роберт Хут, опытный защитник Премьер-лиги, присоединившийся к нам на правах аренды из «Сток Сити». Он доказал свою потрясающую репутацию и на поле, и в раздевалке. Очень дружелюбный парень, но с несколько странным чувством юмора. Забавная у него привычка: редко отвечать «да» на вопрос. Вместо этого он отвечал что-то вроде: «Рэмбо носит нож?» Есть несколько форвардов, кто предпочел бы встретиться с Рэмбо, а не с Хути.

* * *

К 4 апреля, когда «Вест Хэм» приехал на наш стадион «Кинг Пауэр», все понимали, что у нас нет права на ошибку. Мы должны были победить в этой игре, чтобы выбраться со дна турнирной

таблицы. Оставалось всего четыре минуты до конца второго тайма, когда при счете 1:1 я получил мяч с прострела и старался обработать его. Я развернул ногу, надеясь, что так сцепление будет более сильным, но промахнулся. К счастью, мяч отскочил прямо к Кинги, который не мог не забить свой пятидесятый гол за клуб наилучшим образом. Наконец мы завоевали три очка за наши усилия, но на следующей неделе нам предстояло встретиться с «Вест Бромвичем».

Мы проигрывали 1:2 после окончания первого тайма, и тренер решил поменять расстановку, переключившись на схему 3–5—2. Этот шаг помог, во второй половине матча мы доминировали. Хути вытащил нас из поражения, а на второй минуте дополнительного времени я обокрал Гарета Маколи в центре поля. Он мог просто выбить мяч в аут или пустить его вдоль кромки поля, но решил отпасовать назад. Я прочел эту передачу, выбил у него мяч и побежал на рандеву с Джолеоном Лескоттом. Я остановил мяч левой ногой, закрутил его и ударил в нижний угол.

Одно очко превратилось в три, это был последний удар в игре, я был неудержим. Подбежал к фанатам и крикнул: «Кто забил?» – и, тыча пальцем себе в грудь, проорал: «Я!»

Не то чтобы я устроил это празднование для фанатов, я просто показал, насколько важен этот гол для меня, тем более что у меня был далеко не лучший сезон. Конечно, в ситуациях, подобных этой, я люблю быть вместе с болельщиками, прыгать и ни о чем в мире не заботиться. Весь стадион пел «Мы не сдаемся» до финального свистка.

Неделю спустя мы смогли победить третий раз кряду в игре против «Суонси» (2:0), когда Лео и Кинги сделали свое дело. Теперь мы оставались в зоне вылета лишь по разнице мячей. Также была выдающаяся победа против «Бернли», которые тоже сражались что есть мочи. Мэтти Тейлор не смог забить пенальти, я отвернулся, когда он начал разбегаться перед ударом… А через 60 секунд мяч пересек линию ворот напротив. Я забил после прекрасного навеса от Марка Олбрайтона. Мы оторвались на три очка от зоны вылета.

> Мы пропустили немало голов в играх в нашей проигрышной серии. Перед матчами мы становились в круг голова к голове.

Марк вернулся на свой уровень примерно в это время, забив первый гол в игре против «Челси» четыре дня спустя. Он спокойно завершил мой прострел и вывел нашу команду вперед. Марк был

отличным командным игроком. Один из ребят рассказал, что в «Астон Вилле» у него было прозвище Шарки, потому что его нос выглядел как плавник акулы. Вскоре эта кличка привязалась к нему и в «Лестере». Мы проиграли «Челси» (1:3), будущему чемпиону, но играли хорошо. После матча, когда я проходил мимо скамейки запасных, Жозе Моуринью остановил меня. Он взглянул на меня и спросил: «Черт тебя побери, ты когда-нибудь перестанешь бегать?» Поначалу я даже не знал, что ответить, но потом с улыбкой сказал: «Не, вот этого сделать не могу». Я ушел с мыслью, какой приятный комплимент я получил от Моуринью.

В то время как наше поражение было омрачено разговорами о самообмане, мы знали, что нужно побеждать в матче против «Ньюкасла» в субботу. Что ж, мы их переиграли абсолютно, ведя в счете 3:0 после 48 минут. Джон Карвер, тренер «Ньюкасла», обвинил одного из своих игроков в умышленном фоле против меня, за которым последовало удаление с поля. Этим игроком был Майк Уильямсон, защитник «Ньюкасла», камеры, стоящие у кромки поля, хорошо запечатлели этот момент. Я бежал так быстро, что он не успевал и снес меня. От падения я поцарапал лишь кожу на ладони, а ведь последствия могли быть плачевными.

Карвер в гневе кричал на Уильямсона: «Варди был в пяти ярдах от тебя, да и мяч тоже!» У меня в голове вертелись слова: «Не говори так».

Позже на пресс-конференции тренер «Ньюкасла» сказал: «Не могу это принять. Думаю, он хотел сфолить. Я вижу это по его лицу».

Вообще-то я видел, что мне собираются поставить подножку, но увернуться от нее я не успевал. Один только Уильямсон знает, зачем он сбил меня и был удален с поля. Но я никогда не даю других игроков в обиду, поэтому я отверг комментарии Карвера, когда меня спросили об этой ситуации. Я сказал, что, возможно, Уильямсону ударила кровь в голову, поэтому он совершил фол. Но не более того.

Несмотря на наши победы в пяти матчах из последних шести, всего одно очко отделяло нас от зоны вылета. У нас не было времени для самоуспокоения. Тем не менее настроение в наших рядах было бодрое, поэтому никто из нас не удивился, когда мы на следующей неделе обыграли «Саутгемптон» 2:0. Рияд забил оба мяча и показал, на что был способен. Второй гол он забил с моего голевого паса. В итоге за последние восемь матчей я набрал четыре передачи и три гола. В газетах писали, что Рой Ходжсон, тренер сборной Англии, хочет посмотреть мою игру.

Подобные слухи я пропускал мимо ушей. Меня больше

интересовали новости о Мэтти Джеймсе, которого на носилках унесли с поля после серьезной травмы. На следующей неделе ему диагностировали разрыв передней крестообразной связки. Я был абсолютно подавлен этой новостью. Он был не только моим хорошим товарищем, но и важным звеном в игре нашей команды в этом сезоне.

Перед двумя последними матчами от вылета в низшую лигу нас отделяло уже три очка. Наша судьба была в наших руках. Мы выехали на игру с «Сандерлендом», который был впереди нас на одно очко. Мне казалось, что ни в одной игре я не бегал так, как в этой. Матч закончился со счетом 0:0. После финального свистка я лежал на поле, смотря в ясное небо. Все ребята вокруг прыгали и обнимались. Да! Мы сделали это! Мы совершили великое спасение. Какое же это великолепное чувство, когда ты знаешь, что продолжишь выступления в Премьер-лиге.

9
«Игрокам нужно иметь с собой паспорт, костюм с эмблемой Англии не требуется»
Люди видят то, что хотят увидеть, особенно когда судят других игроков

Текстовое сообщение, казалось, не кончится. Я не знал, кто отправил его на мой телефон, и первой реакцией было, что кто-то решил поиздеваться. Я в это время в Лестере покупал вещи для отпуска вместе с Бэкки. Оставалось три дня до конца сезона. В мыслях я был уже на пляже и отдыхал со своей семьей. И вот телефон запищал. Я прочел первую строчку и застыл на месте. Оставшаяся часть сообщения больше напоминала эссе, и я уж стал задаваться вопросом, закончится ли оно когда-нибудь.

Отправлено 21 мая 2015 года, в 12.05. Читаю:

«Это сообщение подтверждает, что вы выбраны в состав национальной сборной Англии на игру против Республики Ирландия, которая состоится 7 июня в Дублине, а также на матч против Словении, который пройдет в Любляне 14 июня. Сбор команды запланирован на среду 3 июня в 12.30 в Национальном футбольном центре «Сент-Джорджес Парк». Сборная вылетает в Дублин в субботу, накануне воскресного матча. После матча с Ирландией вы вернетесь домой. Сбор команды к игре против Словении состоится в среду 10 июня в 12.30. Команда вылетит в Словению в субботу, за день до игры. После окончания матча вы сразу же вернетесь домой. Вам необходимо принести свой паспорт, костюм с эмблемой Англии не требуется. Вам также нужно взять бутсы (две пары для каждого типа поля, «стадс» – для естественного покрытия и «моулдс» – для искусственного), а также щитки и кроссовки. Пожалуйста, закажите у «Найка» национальную форму с бордовым верхом и синим низом, а также бордовое поло «Найк». Если у вас это уже имеется, возьмите с собой старый комплект. Пожалуйста, оповестите нас, если вам понадобится машина, чтобы доставить вас на собрание в среду утром. Я буду на связи, если вам понадобится транспорт».

Я передал телефон Бэкки, чтобы она прочла. Потом мы оба переглянулись и не могли произнести ни слова. Я решил позвонить Дэйву Ренни, нашему физиотерапевту в «Лестере»,

зная, что с ним связываются врачи национальной сборной Англии, чтобы узнать, в какой форме находятся игроки и об их травмах.

– Кто-то издевается надо мной, Дэйв. Кто-то хочет расстроить меня, – сказал я.

– Нет, ты в деле. Поздравляю, – ответил Дэйв, немного усмехаясь.

Десять минут спустя на всех сайтах и на экране «Скай Спортс Ньюс» появилась новость, подтверждающая, что Рой Ходжсон вызвал троих новичков в команду: меня, Чарли Остина – нападающего «Куинз Парк Рейнджерс» и Тома Хитона – вратаря «Бернли». Мы вошли в сборную на товарищескую игру против Ирландии и на квалификационный матч Евро-2016 против Словении.

Мой телефон взорвался от звонков. Я уставился обратно на текст сообщения, начал перечитывать его, чтобы полностью все понять. «Что, черт побери, происходит?» – такой вопрос был у меня в голове.

Я не ответил на сообщение, которое, как потом выяснилось, было от Мишель Фаррер, руководительницы службы операций в национальной сборной. Я не знал с чего начать, если писать ответ. Никогда не оказывался в таком положении!

Когда у моего телефона сел аккумулятор, я почувствовал облегчение, решил не заряжать его, пока не лягу спать. Я ждал, пока все утрясется. Джейми Варди играет за сборную Англии? Никак не мог осмыслить это. Всего два года назад я хотел вернуться во «Флитвуд».

На следующий день в 9.15 вечера я получил новое сообщение от Мишель. Она писала, что «пересечется со мной на следующей неделе, чтобы обсудить условия выступления за сборную. Не беспокойтесь, все будет просто». Я ответил: «Ок, спасибо Вам». Это все. Три слова в ответ на три сотни.

Я терялся в догадках в первые дни. Просто не мог поверить в то, что читаю. Наверное, я бы не поверил, даже если бы со мной связался кто-то из Футбольной ассоциации, чтобы намекнуть, что что-то может произойти. Настолько я был ошеломлен этой новостью.

В один день, когда анонсировался состав сборной, Рой дал пресс-конференцию. Он рассказывал, как смотрел на мою игру против «Киддерминстера» три года назад, в 2012 году, когда он был еще тренером «Вест Бромвича», а я играл за «Флитвуд». К счастью, он не рассказал про тот фол у кромки поля. «Он получал много хороших отзывов, и я думаю, что сейчас у него идеальная возможность показать, на что он способен, – сказал Рой. – Тогда

был холодный вечер, покрытие было ужасным, и, если честно, он не мог показать свой потенциал. Но потом, как вы видите, он его раскрыл».

«Я сам, Рэй Льюингтон и Гари Невилл начали следить за ним, – продолжил он. – Его игра в последней части сезона в “Лестере”, во время их “великого спасения”, была действительно отличной. У него есть интересные качества, и я буду рад близко познакомиться с ними».

В этот период Англия лишилась Дэниэла Старриджа из-за травмы, Дэнни Уэлбека из-за проблем с физической подготовкой и Рики Ламберта из-за недостаточного количества игровой практики. Гарри Кейн, Дэнни Ингз и Сейду Берахино были призваны в европейский чемпионат для игроков младше двадцати одного года. Поэтому решение Ходжсона вызвать меня и Чарли в команду было продиктовано небольшим пулом игроков на острие атаки, а отнюдь не нашими заслугами. Это было абсолютно ясно. Немало газет писали, что я больше никогда не попаду в сборную, потому что такая ситуация не повторится.

«Пока сказка о взлете Варди выступает поводом для его чествования, следует задаться вопросом: каково качество игроков английской сборной под руководством Ходжсона?» – писала газета «Индепендент», перечисляя имена – Майкл Рикеттс, Фрэнни Джефферс, Ньюджи, Дин Эштон, Кевин Дэвис, Джей Ботройд и Фрейзер Кэмпбелл. Все они сыграли за сборную лишь по одному разу и больше никогда не возвращались.

«Дэйли Миррор» отмечала, что в этом сезоне в «Лестере» я отдал больше передач (6), чем забил голов (4), а «Таймс» писала: «Такая трогательная история маловероятно приведет к началу выступлений за национальную сборную на длительной основе».

Все было сильно преувеличено, вот что я понимал. Честно говоря, я думал, что меня позвали лишь потому, что Кейн и Берахино уехали со сборной до двадцати одного года. Разумеется, в «Лестере» никто не собирался портить мне планы. У нас был выходной, когда окончательно был объявлен состав сборной. А приехав в пятницу на тренировку, я увидел билборды местной газеты «Лестер Меркьюри» на доске объявлений в углу улицы Банкс. Они гласили: «Англия вызывает нападающего из нашего города». Итак, это было реальностью.

Когда я вошел в тренировочный комплекс, ребята заставили меня трепетать, поздравляя и пожимая руку. Тренер также был рад, на утренней пресс-конференции он рассказал о том, как я преодолел свои проблемы. «Это прекрасное перерождение, – сказал Найджел. – Если вы внимательно присмотритесь к его

карьере, то поймете, что это – прекрасная история, которая не случалась в нескольких последних поколениях игроков».

Найджел позволил себе и некоторые подробности: «Джейми не простой персонаж, как вы, возможно, думаете по разным причинам, которые я не буду обсуждать здесь. У него было немало проблем на поле и в жизни, которые он преодолевал. Как и у всех игроков, у него была нехватка уверенности, которая совпадала с некоторыми другими аспектами его жизни, но он с этим справился. Он очень приятный парень, всегда вызывал у меня уважение. Я очень рад за него и надеюсь, он сможет насладиться опытом игры за сборную».

Я был страшно возбужден – вызов в сборную, чтобы я представлял свою страну, был для меня вершиной моей карьеры. Но в то же время я понимал, что все мои планы на лето с Бэкки не осуществятся.

Когда сезон подошел к концу, мы должны были уехать. Сестра Бэкки собиралась сыграть свадьбу, причем дата была за день до матча сборной против Ирландии. Мы заранее заказали билеты на острова Теркс и Кайкос (на Карибах), куда должны были полететь два дня спустя.

На размышлениях об этом я прямо-таки зациклился. Знаю, что может звучать безумно, но я понял, что не хочу присоединяться к сборной. Я приехал к Дэйву Ренни и спросил: «Ты можешь сказать им, что я травмирован?»

И Найджелу я сказал, что не хочу ехать со сборной. Когда говорил это, был очень серьезен. Сезон подходил к концу, и теперь, как у профессионального футболиста, у меня был единственный шанс в году отдохнуть со своей семьей и расслабиться.

Когда у нас выдавались выходные дни, я всегда проводил время дома. Я ценил свободное время, даже когда работал на фабрике четыре с половиной года, а став профессиональным футболистом, дорожил им еще больше. Отпуск – это отпуск, я был настроен отдыхать после окончания сезона. Я был истощен умственно и физически.

Некоторые ребята в клубе задавались вопросом: оправдываюсь ли я? Они думали, что я был напуган перспективой отправиться на игру за сборную, боялся выйти из зоны комфорта. Ни одно из этих предположений не являлось правдой.

Не буду врать – я нервничал. Не хотел, чтобы другие люди интерпретировали эту ситуацию в неправильном ключе. Это было главной проблемой. Мы так долго строили планы на это лето, я так ждал, что, наконец, отключусь от футбола и просто расслаблюсь. Мы с Бэкки и детьми, а также с двумя другими

семьями – Ричи де Лата и Гари Тейлор-Флетчера – собирались провести незабываемый отпуск вместе. Кроме того, мы хотели сыграть свадьбу. Но в один момент все планы разрушились.

Тренер быстро понял, что я рассказываю про обдуманное решение. Он затащил меня в свой офис и сказал: «Ты поедешь. Хватит быть идиотом. Просто езжай и покажи, на что ты способен».

Глядя на эту ситуацию сейчас, я понимаю, что тогда просто не был способен все это осознать и переварить. Не мог справиться с драматичными изменениями в моей жизни. В конце концов, я понимал, что не могу упустить шанс представлять свою страну. Я еще не знал, сколько наслаждения приносит игра за сборную Англии. Потому что, когда я вернулся из Словении, я молил господа, чтобы мне представился еще один такой шанс.

* * *

Национальный футбольный центр «Сент-Джорджес Парк» в Бертоне был громадным и производил огромное впечатление. Я принял предложение Футбольной ассоциации, и меня привезли туда на машине прямо от моего дома в Мелтон-Мобрее, поэтому у меня был шанс поразмышлять о разном, сидя на заднем сиденье автомобиля. Все это до сих пор мне казалось иллюзией.

Я провел девять лет, играя в нелиговых клубах, был фанатом Англии, который никогда не надеялся, что будет играть за национальную сборную. А с какой стати ты бы мечтал о такой игре, работая на фабрике в 24 года?

Если трансляцию игры сборной показывали по телевизору и у меня не было матчей, то я всегда смотрел выступления Англии. Иногда дома, но гораздо чаще в пабе со своими друзьями – обычно в «Олд-Блю-Болл» в Хиллсборо. Я испытывал те же эмоции, что и любой другой болельщик сборной по всей стране. Единственная разница была лишь в том, что многие люди лучше держат себя в руках, чем я.

Я был в «Олд-Блю-Болл», когда Англия проиграла Германии в чемпионате мира – 2010 в ЮАР. Тогда от удара Фрэнка Лэмпарда мяч пересек голевую линию почти на ярд, но судья не засчитал взятие ворот. Абсолютно все посетители паба были в бешенстве, возмущенные решением судьи. Я же от злости и разочарования швырнул мою пинту пива прямо в экран телевизора. Не самый лучший момент в моей истории, но он отражает, насколько я был увлечен матчами сборной.

С некоторыми из ребят, устроившими борзую вечеринку по

случаю моего перехода в «Лестер», мы смотрели игру Англия – Сан-Марино. Можно с уверенностью сказать, что никому из них и в голову не приходило, что через три года я буду одним из игроков сборной Англии.

В конце концов, у меня была пища для размышлений по пути в «Сент-Джорджес Парк». Хоть я не такой человек, который накручивает себя. Но первый день в расположении сборной выдался нервозным для меня. Разумеется, я знал всех игроков, не лично, но я их мог хотя бы узнать. С тренерским же персоналом все было иначе. Когда меня представили, то я думал, как же я запомню все эти имена.

Было лишь два аспекта, которые помогли мне чувствовать себя непринужденно. Во-первых, все члены команды были прекрасными ребятами и показали, что рады меня встретить в своих рядах. Во-вторых, мне понравился Чарли Остин, который был в таком же положении, как и я. Не только в том смысле, что он был первый раз вызван в сборную, но и в том, что его путь был похож на мой. Чарли работал на стройке и играл за «Пул Таун» в первом дивизионе Лиги Уэссекса, когда я выступал за «Стоксбридж». Мы оба пришли из нелиговых клубов, поэтому у нас были схожие чувства, когда мы стали частью сборной.

> Я был страшно возбужден – вызов в сборную, чтобы я представлял свою страну, был для меня вершиной моей карьеры.

Во многом это было похоже на первый день в новой школе. Я помню, как накладывал еду в тарелку, садился за стол и, как новичок, не знал, где пристроиться. В конце концов я опустил свою задницу и сел рядом с Джеймсом Милнером, Филом Ягелкой, Джо Хартом, Уэйном Руни, Гари Кэхиллом и Томом Хитоном.

Разумеется, ты не можешь предугадать, чего ждать в такой ситуации. В клубе ты знаешь, что кто-то из членов команды, обладающий раздутым эго, предпочитает сидеть один. Но таких индивидов не оказалось в сборной Англии. Пока мы ели, все вокруг шутили и смеялись, это было для меня приятным сюрпризом. Я думал, что все это будет происходить с большим официозом.

Некоторые из ребят сильно отличались от того, как их изображали СМИ. Особенно Милнер. Без сомнений, Милли был самым веселым парнем из всех, кого я встречал. В «Твиттере» у него был фейковый аккаунт – Скучный Джеймс Милнер. Он совсем не таков, каким его описывают, и это мне подтвердил Дэнни Дринкуотер, когда в следующем году его вызвали в

сборную. Он сидел за тем же столом с Милли, который, не переставая, шутил, пока все ели.

Милли очень смеялся над страницей «Скучного Джеймса Милнера», впрочем, как и все остальные, которые видели ее. Я был абсолютно расслаблен.

После трапезы мне вновь пришлось стать «Серьезным Питом», потому что в течение суток после прибытия в «Сент-Джорджес Парк» меня усаживали на пресс-конференции и заставляли отвечать на вопросы журналистов. Думаю, некоторые из старших членов команды не хотели, чтобы новички давали интервью, потому что они могли больше не появиться в составе сборной. Но Футбольная ассоциация решила, что я и Чарли были в одной лодке, поэтому разрешила нам сделать это.

Эти интервью были совсем другими по сравнению с теми, с которыми я сталкивался прежде. Я беседовал один на один с несколькими журналистами из национальных газет и командой «Скай Ньюс». Ты понимаешь, что на тебя смотрят более миллиона человек, а в комнате еще так много репортеров. Короче говоря, пришлось попотеть, чтобы справиться с таким вниманием прессы в первый раз. Мне приходилось давать отдельные пресс-конференции для печатных СМИ, радио и ТВ, и все это время я сидел в спортивном костюме сборной Англии. Когда я видел себя в отражении телекамеры, чувствовал себя немного странно.

Один из репортеров спросил:

– Правда ли, что та игра против «МЮ» в сентябре сформировала вас как игрока?

Я ответил:

– Да, но потом я исчез на шесть месяцев.

Задали мне и вопрос, которого я ожидал, хотя тысячу раз отвечал на него. Некоторым журналистам было просто необходимо спросить про мой приговор за драку и про электронный браслет. Не любил я этот вопрос, но понимал, почему его задают. Что сделал – то сделал, придется жить с последствиями. Поэтому я никогда не уходил от этого вопроса, когда мне его задавали.

С моей точки зрения, тут нечего было скрывать. Да, у меня была судимость. Я не горжусь этим или тем, как вел себя в ту ночь, но одновременно и не стыжусь этого, потому что такое развитие событий имело под собой основания. Объяснение, которое я дал в «Сент-Джорджес Парке», не отличалось от тех, которые я приводил ранее. Думаю, что эту историю и ее объяснение и так знали все журналисты, находящиеся в зале. Я понимал, что сейчас это вызовет больше кричащих заголовков, потому что теперь я выступал от лица сборной Англии.

Позже, вдалеке от микрофонов и камер, Рой, а также его ассистент Рэй Льюингтон поговорили со мной, чтобы мне стало более комфортно в команде. Они оба сказали мне, что были впечатлены, когда видели мою игру за «Лестер» в конце сезона. Особый упор они сделали на то, что им нравится мое движение по полю, даже когда у меня нет мяча. Я – проныра, я всегда получал мяч тем или иным путем, где бы ни находился. Они думали, что это качество может помочь сборной. Мне было приятно слышать такие комплименты, они придали мне уверенности в завтрашней игре против Ирландии.

Бэкки и я все же смогли провести отпуск вместе – спасибо «Фейс Тайму»[43]. Я был одновременно в отеле в Дублине и на свадьбе сестры Бэкки в Оксфордшире. Телефон со мной на видеосвязи передавали из рук в руки каждому в тот вечер. От Бэкки и детей – к жениху, невесте, так что я был с ними. Я разговаривал со всеми, хотя на мне не было пиджака, который я купил к свадьбе. Я ни о чем больше не беспокоился. В форме сборной Англии мне было гораздо лучше. То чувство, когда ты надеваешь футболку с тремя львами, было незабываемым.

Ньюджи написал мне перед матчем: «Выйди и покажи, на что ты способен. Мы знаем, что ты сможешь». Потом он отправил следующее сообщение: «Одна игра – один гол». Это было напоминанием о его выступлении, когда он вышел на матч против Андорры и забил на последней минуте. Никакого давления, в общем.

Рой назвал состав команды, и я оказался на скамейке запасных, как и ожидал. Я лишь надеялся, что у меня будет шанс выйти на поле вне зависимости от того, сколько останется времени до конца матча. Все предматчевое время я занимался привычными для себя вещами, чтобы мне было более комфортно. Однажды меня спросили в сборной, чем занимаются в раздевалке «Лестера» перед игрой, чтобы подготовиться к матчу. Я им рассказал, врать не было смысла. Как, впрочем, и не было бы, если бы я протащил несколько банок «Ред Булла» в отель, а потом положил к себе в сумку и пришел на матч.

По правде говоря, я не был особо доволен матчем в Дублине. Было мало голевых моментов, никто не забивал, но я не скучал лишь по одной причине – я просто хотел выйти на поле. Спустя час после начала игры Рой велел начать разминаться мне и Филу Ягелке – мы должны были выйти на поле после двойной замены. Моей первой мыслью было: «Черт, наконец-то!»

Вскоре к нам присоединились Росс Баркли и Андрос Таунсенд. Я еще немного поразминался, а за двадцать минут до конца матча мне сказали приготовиться. Я стоял у кромки поля

перед 40 000 ирландских фанатов в ожидании паузы в игре.

Знал, что буду играть в центре поля, но понятия не имел, кого заменю. Но потом на щите появилась надпись, что будет заменен Уэйн Руни. Когда Уазза[44] подошел ко мне с поля, он сказал: «Всего наилучшего». Я выбежал на поле в футболке сборной Англии под 19-м номером.

«И вот появляется на поле 28-летний Джейми Варди, – произнес Клайв Тилзли, комментирующий матч для ITV. – Ну, и история. Выгнанный клубом “Шеффилд Уэнсдей” подросток, он победил в кубке Национальной конференции три года назад с “Флитвудом”. Пять лет назад он работал на фабрике и делал медицинские шины. Его первый сезон в “Лестере” не был удачным. Но как же он расцвел с тех времен!»

Я вошел в историю «Лестера» как семнадцатый игрок клуба, который вышел на поле в форме сборной Англии. Последним был Иан Уокер, который выступал за сборную в 2004 году. У меня не было хороших моментов, их было совсем немного в такой вязкой игре, но я наслаждался каждой секундой на поле. Я просто старался быть назойливым для оппонентов. Сомневаюсь, что кто-то вообще с приятностью вспоминает ту игру с Ирландией, но для меня она была всем. Я будто бы очутился в стране исполненных желаний.

Гарет Седдон, мой старый товарищ из «Флитвуда», говорил, что не может быть ничего более почетного, чем носить форму сборной Англии, и он был абсолютно прав. Позже все члены команды подписали мою футболку, я забрал ее домой и вставил в рамку.

Джон, мой агент, отдыхал с семьей на Мальорке в это время, он был опечален, что пропускает мою первую игру за национальную сборную. Один из агентов «Кей Спортс» отправил Джону фотографию, как я выхожу на поле. Эта фотография захватила в кадр светящееся на табло время моего появления – 74:03. Это время приобрело для меня особое значение.

То, что Джон настоял на выдаче вознаграждения за выступления за национальную сборную, принесло свои плоды. В моем контракте было прописано, что мне должны заплатить 100 000 фунтов, если буду играть в стартовом составе или выйду на замену до 75-й минуты. Контракт составляется таким образом для того, чтобы клубы могли защитить себя от переплат, в случае если игрока выпустили на поле на пару минут, потому что его появление уже никак не повлияет на игру. Выплаты

вознаграждения по этому пункту позже стали камнем преткновения между мной и «Лестером».

Формально замена произошла на 75-й минуте, но если быть точным, то я выбежал на поле в 74 минуты и 3 секунды. Этот спор закончился, когда Джон прислал мне эту фотографию, которую я показал некоторым людям в клубе, в том числе Джону Рудкину, футбольному директору, отвечающему за финансы, и владельцам. В конце концов вопрос разрешился. Но то, что я вышел на поле в футболке сборной Англии, значило для меня гораздо больше, чем любая сумма денег.

Никто не критиковал меня за мою игру против Ирландии. Думаю, все понимали, что это была тяжелая игра. Но на следующий день в репортажах о матче меня не обошли стороной:

«Джейми Варди заменил Уэйна Руни в середине второго тайма. Поистине сказочный подъем от нелигового футбола до международного уровня, потрясающая история, но она, безусловно, будет короткой» – таковыми были строки в газете «Сан».

Сейчас я смотрю на все это несколько иначе. Да, изначально я понимал тех, кто предсказывал мой скорый вылет из сборной, и в некотором смысле сам подписывался под этой точкой зрения. Но после того как я сыграл против Ирландии, я кое-что увидел по-другому. Если бы я был лишь разменным номером, тогда какой смысл в том, что Рой выпустил меня на замену Руни?

Неделю спустя в Словении я был в списках на замену, но так и не вышел. В той игре Джэк Уилшир сделал дубль, а Уазза забил в крышку гроба соперника последний гвоздь, сделав счет 3:2 в нашу пользу.

После всей неразберихи вначале, я покинул тренировочный лагерь сборной с надеждой, что меня когда-то снова пригласят. Если ты хоть один раз попадаешь в такую команду, тренируешься неделю или две с лучшими игроками страны, то уходить ты уж нипочем не хочешь.

* * *

У меня оставалось несколько недель на отдых перед началом предсезонных тренировок в «Лестере», поэтому мы с Бэкки поехали на Ибицу. На самой спокойной стороне острова Бэкки как-то умудрилась сломать себе палец, но все равно смогла ходить – да на каблуках! – и мы пошли в ночной клуб «Пача» на вечеринку в стиле хиппи. Потом мы с детьми полетели на карибские острова Теркс и Кайкос. Правда, вышло это чуть позже,

чем мы планировали.

С моим возвращением из сборной я бы не сказал, что что-то изменилось. Но мои профили в соцсетях вышли совсем на другой уровень. Сотни людей писали мне и просили сфотографироваться. Причем писали люди отовсюду, а не только из Лестера – прежде такого не случалось. Я счастливо стоял и улыбался, держал в руках Софью и фотографировался. Это было единственное исключение из правил. Больше я никогда не фотографировался для фанатов.

Большинство людей относится к тебе с уважением, но некоторые индивиды начинают тебя доставать или оскорблять. «Верни ее жене», – написал один парень про фото с дочерью.

Другим проявлением известности была травля в соцсетях касательно того, что я выкладывал очень давно. Они откопали несколько старых публикаций, но главная из них состояла из четырех слов. Я запостил ее в «Фейсбуке» после матча «Флитвуд» – «Стокпорт» (4:2), когда меня выкинули на три матча и Питер Крауч был в толпе. Выражение «Chat shit, get banged»[45] стало универсальным ответом на все мои твиты во время «великого спасения» и начала выступлений за сборную. Люди кричали мне это на улице, печатали на футболках и даже делали татуировки.

Вся эта история интриговала меня, потому что я сам не понимал, к чему написал эти слова в свой статус в «Фейсбуке». Если честно, я не помню, что заставило меня написать это в Блэкпуле 28 сентября 2011 года. Я думал, что, возможно, это фраза из какого-то фильма, но все же это было не так. Напрягал мозг, пытаясь вспомнить, в каком контексте была написана такая фраза. Долго лазил по Интернету, ища хоть что-то, что может быть связано с этим выражением. Но на все запросы к фразе выдавалась лишь информация обо мне. Что же меня заставило написать это?

Возвращаясь к рассказу об отдыхе на островах Теркс и Кайкос, можно сказать, что я наслаждался временем и расслаблялся, попивая ромовый пунш, когда вдруг мне пришли сообщения от нескольких моих друзей. Вести гласили: «Что-то случилось в “Лестере”, потому что Пирсон собирает свои пожитки». Я было подумал про поездку клуба в Таиланд в конце сезона, от которой я отказался. После нее с тремя молодыми игроками, один из которых являлся сыном Найджела, были расторгнуты контракты из-за скандального секс-видео. Однако вряд ли уход Найджела связан с этим инцидентом. Но спустя час после того, как ребята мне написали, везде появились новости, что Найджел уволен. Мы точно не знали, что случилось. Со

стороны руководства клуба информация была в том смысле, что это – правильное решение. Игрокам же нужно просто принять его и работать дальше. Такова природа футбола. Но это вовсе не значит, что ты должен забыть все, что для тебя сделал этот человек.

После множества спекуляций на тему того, кто возглавит клуб, 13 июля было объявлено, что нашим новым тренером будет Клаудио Раньери. Я помнил его, когда он тренировал «Челси». Он был большим специалистом и работал с крупными клубами, так что из нас никто не знал, что ожидать от Клаудио.

Мы уже начали подготовку к предсезону, когда Клаудио был окончательно утвержден. Уолши и Шеки забрали нас на тренировки в Австрию. Клаудио приехал через пару дней и собрал нас для встречи, на которой заявил, что не думает, что клубу нужны кардинальные перестановки.

«Я пересмотрел все ваши матчи в конце сезона, и мне понравилось то, что я увидел, – сказал он нам. – Мне нравится, как вы боретесь и помогаете друг другу, это мне от вас и нужно. Я не хочу делать больших перемен, мне лишь нужно подправить мелочи».

Клаудио сказал, что не будет проводить тренировки на этой неделе. Он доверил это прежнему тренерскому штабу. Сам же наблюдал за процессом со стороны.

Мы успокоились, услышав, что Клаудио не будет разрушать старый порядок, потому что он не чувствовал необходимости в этом. Прошло всего шесть недель после нашего «великого спасения», когда мы выиграли семь из девяти последних матчей, поэтому у него было еще много времени, чтобы построить команду.

> С моим возвращением из сборной я бы не сказал, что что-то изменилось. Но мои профили в соцсетях вышли совсем на другой уровень.

Наш командный дух был крепок как никогда. Я, как обычно, вытворял забавные выходки с Ричи де Латом. Когда все спали, мы решили пробраться в комнату, где висела форма. Там мы нашли комплект Каспера Шмейхеля, аккуратно лежавший на скамейке. Наши глаза загорелись, поскольку мы знали, что Каспер – это мистер Серьезность. Он во всем любит порядок, и можно себе представить, что он почувствовал бы, если бы мы что-то сделали с его формой. Так что мы подняли ее на самый верхний этаж, открыли окно и – выкинули на улицу.

Наутро Каспер прямиком пришел ко мне.

– Моя форма, бутсы… все валяется на крыше или на земле у входа в отель, – сказал он.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – ответил я с невозмутимым лицом.

– Я знаю, что это ты, – раздраженно повторил Каспер.

– Каспер, я не понимаю, о чем речь, – снова сказал я.

Каспер продолжал настаивать. Он был взбешен, но я отрицал все обвинения. Я знал, что у него нет никаких доказательств, кроме того факта, что обычно я был исполнителем большинства таких шуток. Но вскоре стало ясно, что у нас появился новый проказник.

Кристиан Фукс, опытный игрок сборной Австрии, присоединился к нам из «Шальке». Он стал потрясающим персонажем в нашей раздевалке, а также отличным левым защитником. Я попал на его видео #NoFuchsGiven, когда мы играли в русскую рулетку с яйцами на тренировочном поле. Смысл игры: в коробке находился десяток яиц, половина из них была сварена вкрутую, а половина – сырые, игроки выбирают яйцо и бьют друг друга по голове, надеясь, что взяли правильное яйцо.

Вместе с Кристианом к нам присоединились Синдзи Окадзаки, дорого купленный у немецкого клуба «Майнц 05», и Роберт Хут, окончательно перешедший к нам из «Сток Сити». Это означало, что нам, пока мы были в Австрии, нужно немножко попеть, устроив церемонию посвящения новых игроков клуба.

Я много раз пел для ребят – каждую ночь мы ходили на караоке. Я и Каспер пели вместе некоторые классические композиции бойбендов – я особенно любил группу *Westlife*. Мы обязали новых игроков также петь.

Синдзи был просто великолепен. Он пел японскую песню, которую никто не знал, но он так прекрасно двигался и танцевал под нее, что мы скоро присоединились. Хути исполнял одну из песен DJ Ötzi. Ее название мне ничего не говорило, пока он не начал петь. Вскоре я понял, что это была песня «Hey Baby (Uhh, Ahh)». А Кристиан… скажем просто, что ребята были не очень довольны его песней. Он сказал, что посвящает ее своему сыну… и начал петь: «Твинкл, твинкл, литл стар». Страшная детская рифма.

Мы вернулись из Австрии на игры предсезона, когда Камбьяссо объявил, что уходит из клуба. Некоторые голы Эстебана были очень важными в «великом спасении», например, гол «Вест Хэму» в конце чемпионата. Однако никто из нас не жалел, услышав эту новость. Люди видят то, что хотят увидеть, особенно когда судят других игроков. Однако Эстебан все же был

важным игроком в «Лестере», он даже получил приз лучшего игрока клуба, по мнению самих игроков. Футбол не стоял на месте: Эстебан ушел, а через две недели в клуб пришел парень по имени Нголо Канте. Дело сделано.

10
В эпицентре шторма
Я был в растерянности, задавался вопросами, на которые не мог дать ответ

Большая часть из того, в чем человека обвиняли, забывается с годами. Но никогда мне не избавиться от того, что произошло ранним утром в июне 2015 года в одном из казино «Лестера». Слово «расист» навсегда останется пятном на моем имени. Это даже хуже, чем судимость.

Я сделал все, что в моих силах, чтоб возместить нанесенный ущерб, в первую очередь – пострадавшему от проявления моего «расизма» человеку, который, к счастью, мои извинения принял. Но некоторые, я знаю, меня никогда не простят. Другие поймут, что это была ужасная ошибка, которая многому меня научила. Но, что бы кто ни думал, хорошее или плохое, напоминания о том инциденте всегда остаются в моей жизни, а что еще хуже – в жизни моих детей.

Они сталкиваются с этим, когда вбивают мое имя на YouTube, а запрос выдает «Джейми Варди расист». То же и с Google. Это ужасно. Люди никогда не сочтут это вчерашней новостью, не забудут.

Некоторые из-за этого относятся ко мне предвзято, хотя мы с ними ни разу не общались. Эти люди не знают меня. Они просто посмотрели какую-то запись, прочитали статью и вынесли вердикт: Джейми Варди – расист.

Но это не обо мне. Я не знаю, как мне это сказать убедительней. Я люблю выпить и побыть плохим парнем. Я играл в футбол еще за команду паба, а в другом работал сам, в моей жизни были драки, из-за одной из которых я провел целую ночь в тюрьме. Иногда я могу громко шуметь и быть занозой в заднице. Но расистом я никогда не был и не буду. Это я и сказал в глаза тому студенту, которого я ненамеренно оскорбил. Мне нужно было, чтоб он не только услышал, но и лично увидел то, как сильно я сожалею о своем поведении. Я хотел, чтоб он понял, что мои слова в казино были проявлением глупости, а не злобы или предрассудков.

В тот момент я был зол и слишком много выпил, и это не просто оправдания. И я бы никогда не использовал слово

«япошка» (“Jap”), если бы знал, что оно расистское. И так как теперь я точно знаю, что оно значит, насколько его значение уничижительно и оскорбительно, та ситуация представляется мне хуже с каждым разом, как я о ней вспоминаю.

Не ожидаю какой бы то ни было симпатии и знаю, что жертва в этой ситуации – не я. Просто пытаюсь выразить свои переживания и подчеркнуть, что мне не все равно то, что произошло. Я – муж и отец, я футболист многонациональной команды, и в самую последнюю очередь мне хочется, чтоб меня считали расистом. Так часто я мечтал, чтобы в ту ночь мы никуда не пошли. Или чтоб мы пошли в другое место. А больше всего – чтобы сама ситуация никогда не произошла. Но прошлое свершилось, мне приходится с ним жить.

* * *

Возвращаясь к событиям того вечера, стоит начать с предсезонного товарищеского матча в Мэнсфилде в субботу 25 июля 2015 года, за две недели до открытия сезона Премьер-лиги, спустя пару дней после нашего возвращения из тренировочного лагеря в Австрии. Мы сыграли вничью 1:1, а после с Бэкки выбрались поужинать в *TGI Friday’s* в Лестере, вместе с Ньюджи и его подругой Хлоей.

Мы немного выпили и стали думать, где нам продолжить вечер: в ночном клубе или в казино, в котором должно было быть еще несколько наших приятелей. Остановились на казино. Мне всегда нравились поездки в казино – приятно время от времени поиграть в азартные игры ради удовольствия, – но еще больше меня привлекает возможность выпить и поиграть в карты, когда к тебе не подходят сфотографироваться каждые десять секунд, так как в казино правила это запрещают. Конечно, обычно я не против фотографий, но той ночью настроение было другим.

Мы добрались до Гросвенорского казино на Хайкросс-стрит в Лестере где-то между половиной одиннадцатого и одиннадцатью вечера. Начали мы с рулетки, а затем я попросил открыть покерный стол, что и было сделано в зоне неподалеку от главного зала. Андрей Крамарич, наш хорватский полузащитник, также находился в казино в тот вечер и принимал участие в турнире по покеру.

Ричи де Лат пришел некоторое время спустя вместе со своим тренером по теннису, и они присоединились к игре за столом, за которым сидели мы с Ньюджи. Бэкки сидела со мной, а Хлоя, полагаю, пошла поиграть на автоматах. У нас была партия кэш-

игры в покер, в которой вместо фишек ставят деньги, время игры не определено, а игроки могут входить и выходить из партии когда захотят.

Кроме своих с нами за столом было еще четверо игроков и дилер. Мы играли в течение какого-то времени, и все было нормально. В банке были неплохие деньги – несколько тысяч фунтов, и, так как игроков было много, все держали свои карты близко к себе, чтоб не было видно руку.

Затем один азиатский парнишка обошел вокруг всего стола, вернулся к одному из игроков напротив нас и продолжил беседовать с ним. Меня смутило его поведение, и я спросил его: «Почему ты смотрел на наши карты?» Он заявил, что не делал этого, но тут игрок, с которым он общался, сказал: «Ва-банк».

Ну, к черту. «Это бред, – сказал я. – Ты видел мои карты». Тут дилер вмешался и спросил: «В чем дело?»

Парень напротив еще больше разозлил меня, заявив: «Он видел твои карты, но мне их не раскрывал».

Я подумал, что они издеваются надо мной. Я был в ярости. Мне тогда казалось, что меня дурят, поэтому я сбросил свои карты и обвинил их в жульничестве.

Я попросил дилера позвать менеджера казино, а азиатский парнишка ушел от нашего стола в сторону другого, за которым также играли в покер. Я встал с нарастающим чувством возмущения и крикнул: «Эй, джеп[46], иди сюда».

Я повторил это трижды. Хотел, чтоб он обратил на меня внимание, потому что он вывел меня из себя.

Тогда он подошел обратно ко мне, между нами было всего несколько метров, он попросил прощения за все неудобства и за то, что смотрел в мои карты. Он сказал, что всегда так делал и никто до сих пор не имел ничего против.

Тут мне пришло сообщение от друга, в котором он писал, что кто-то оставляет в «Твиттере» комментарии насчет моего поведения и выкладывает фотографии меня за покерным столом и рассылает их в газеты и на ТВ. Мой друг отправил мне имя того, кто оставил этот твит. Тогда я выкрикнул присланное имя, и этот человек обернулся. Я начал придираться к нему из-за того, что он выкладывает мои фотографии, мы стали ругаться.

Вдруг из курилки, которая была неподалеку от стола, вышел мужчина средних лет и присоединился к перепалке. Не могу вспомнить его точные слова, но там было что-то вроде: «Думаешь, ты такой особенный, играешь за “Лестер”? Заявился сюда и строишь из себя крутого».

Неудивительно, что я начал впадать в ярость. Тот парень не

был виновен в том, что происходило дальше, насколько мне известно, он даже не видел, что происходило после его ухода. Я просто не мог терпеть дольше. Я поднялся со своего места, сшибая стаканы с напитками, и начал откровенно ругаться. Бэкки держала мои запястья, а Ричи подошел, чтобы умерить мой пыл.

Не собираюсь оправдывать свои действия, но монтаж видео на сайте новостной газеты показывал ситуацию таким образом, что выглядело, будто я матерюсь на азиатского парнишу, хотя это было не так. Разумеется, это не оправдывает мои ругательства по отношению к остальным участникам конфликта, но в тот момент меня взбесило, что кто-то посторонний вмешивается в мои дела.

Бэкки попросила Ричи забрать меня – остыть в уборной на верхнем этаже. По пути туда мы встретили того мужчину средних лет, опирающегося спиной на барную стойку и ухмыляющегося мне, так что я послал в его сторону еще пару слов. Этого мне делать также не стоило, но к этому моменту я потерял рассудок. Бэкки позвала охрану, и менеджер казино попросил фотографирующего удалиться. Его вывели и заставили удалить фотографии, так как в казино не разрешается заниматься съемкой.

Вскоре мы ушли из казино и взяли такси до Мелтон-Мобрея, путь домой занял много времени. Мне просто хотелось проснуться в своей постели и забыть обо всем, что произошло, думать, что это все просто было плохим сном. И это было еще до того, как я понял всю опасность совершенного мной.

Перед тем как мы высадились у дома, Бэкки предсказала, что вскоре мы услышим об этом инциденте. Но никто не упоминал слово «расизм». Ни за покерным столом, ни в казино, где Ньюджи и Ричи продолжили играть тем же составом, когда мы ушли. Равно как и в такси по пути домой. Я знаю, что мое поведение было неприемлемым и что я не впадал в подобный гнев уже несколько лет. Но я не знал, что провинился в расистских высказываниях.

Еще пару дней ничего не было слышно, и я пытался осмыслить сцену в казино и понять, как все так обернулось. Перекладывать вину на алкоголь не было смысла: сотни раз я выпивал раньше, но не терял контроль над собой подобным образом. У меня не было ответов, но я знал, что такое больше никогда не должно повториться.

Тишина закончилась в пятницу, 31 июля, когда новостное издание «Сан» связалось с «Лестером». Они утверждали, что я оскорбил кого-то в казино на почве расовых предрассудков и что у них есть видеозапись.

Джон Сандерс, сотрудник службы связей, вызвал меня к себе.

У него уже были Клаудио и Джон Рудкин, футбольный директор. Они включили громкую связь на телефоне и спросили меня о том, что произошло. Человек из газеты рассказал им, какое слово я использовал. На это я ответил: «Я не знал, что это оскорбление, а тем более расистское. Думал, что это все равно что назвать кого-нибудь *янки* или *бриттом*. Теперь я осознаю свою глупость».

К моменту окончания разговора мне уже полностью был понятен смысл произошедшего. Я стоял в оцепенении. Хотелось поговорить с парнем, которого я оскорбил, и извиниться перед ним. Мне было дурно от переживаний, так как я думал о том, что это означает для моей карьеры и семьи. Внезапно мне стало ясно то, о чем я размышлял на протяжении последних нескольких дней.

Из «Лестера» связались с казино. Энтони, руководитель пресс-службы клуба, пообщался также с пресс-службой университета Де Монфорт, когда выяснилось, что и парень, которого я оскорбил, и тот, который отправлял твиты, учились в этом заведении. И, разумеется, еще был диалог с газетой «Сан», у которой была готова статья по поводу произошедшего, но они откладывали ее отправку в печать.

Мы сыграли против «Сандерленда» 8 августа, в день открытия сезона, и победили 4:2. Я забил первый гол, но мои близкие уже знали, что на заголовках завтрашних газет будет не мой гол на 11-й минуте. В субботу утром Бэкки пришел звонок от моего агента, когда я уже ушел на матч, с сообщением о том, что инцидент в казино будет на первой полосе завтра утром, вместе с видеозаписью на сайте газеты. Она мне ничего не передала до матча, чтобы это не повлияло на мою игру, но, как только матч закончился, я все от нее узнал. Я был в ужасе.

Мы вернулись домой со стадиона «Кинг Пауэр» и не спали всю ночь, с тревогой ожидая, как новость будет преподнесена. Когда история была опубликована вместе с записью съемки, я был абсолютно опустошен. Слова на первой странице гласили: «Звезда английского футбола в припадке расизма».

Я был в растерянности, задавался вопросами, на которые не мог дать ответ. Как это повлияет на мою семью? Есть ли у меня будущее в клубе? Вишай, председатель (и владелец) клуба, и Топ, его сын, были очень доброжелательно настроены по отношению ко мне с момента, когда мы познакомились, и я знал, что сильно разочарую их данным инцидентом. Думал, они просто скажут мне: «Ты уволен». Я обратился к Бэкки: «Все. Моей карьере конец». Потому что, когда общество отметило тебя ярлыком расиста, тебе уже не отмыться. Кто захочет подписать контракт с расистом?

К тому моменту мы уже рассказали об этой истории Синдзи Окадзаки, игроку из Японии, который играл с нами всего шесть недель. Ситуация, конечно, была не из простых. Мы еще толком не знали друг друга, но Синдзи прекрасно вошел в мое положение.

Я был в самом центре информационной бури, и первым же заявлением в воскресное утро было переданное через «Лестер» в Ассоциацию прессы мое извинение: «Я от всего сердца прошу простить меня за нанесенное мной оскорбление. Сказанное мной было прискорбной ошибкой, за которую я принимаю свою полную ответственность. Признаю, что мое поведение не оправдало возложенных на меня надежд».

«Лестер» также опубликовал свое заявление: «Мы ожидаем, что наши игроки будут соответствовать высшим стандартам как на поле, так и за его пределами, и будут олицетворять пример ролевой модели для нашего общества. Мы учли принесенное Джейми извинение и начнем процесс расследования произошедшего инцидента немедленно. До завершения проверки комментариев больше не будет».

Публикация извинений была необходимым поступком, и я полностью поддерживал решение «Лестера». Но, на мой взгляд, напечатанные раскаяния со стороны зачастую выглядят принудительными, как будто приносящего извинения заставляют совершить социально правильный поступок. Поэтому публичные извинения иногда кажутся мне неискренними, когда я их читаю. А мне хотелось не просто совершить нечто формальное и публичное, а, скорее, кое-что личное и искреннее, так как общественное заявление ни в коей мере не очистило мою совесть и не заставило меня полагать, что можно просто забыть о произошедшем и двигаться дальше.

Я уже знал, что тот мужчина средних лет имел связи в нашем клубе и потребовал моих личных извинений. Он сказал Джону Рудкину, что у него не было намерения обращаться в прессу, но он хотел рассказать о мотивах своих действий и выслушать мою версию событий, а также получить мои извинения за случившееся. И это было меньшим, что я мог сделать для него. Но я обратился к клубу с просьбой устроить мою встречу и со студентами, с глазу на глаз. Все трое заслуживали персонального извинения, чтобы они могли понять, что я искренен в своих поступках. Извинение, не изложенное на бумаге, а высказанное прямо в глаза.

Все было готово для нашей встречи после одной из тренировок. Оба студента пришли на тренировочное поле и сели

вместе со мной и Энтони, главой пресс-службы, в офисе Джона Рудкина. Я высказал им все мое сожаление о содеянном, и мы пожали друг другу руки, все прошло по-дружески. Я также извинился перед мужчиной отдельно, настолько же искренне.

Это не означало, что данный эпизод должен был пропасть из истории или изменить мнение обо мне отдельных личностей. Но те, кого события коснулись непосредственно, теперь знали, что я на самом деле считал. Полагаю, что представители клуба также прониклись моей реакцией на данное событие, это было видно по их дальнейшим действиям. Я всегда буду благодарен им, в частности Вишаю, который теперь был на моей стороне и признавал, что люди склонны совершать ошибки.

Заявление от лица клуба было опубликовано 13 августа. В нем говорилось:

«Футбольный Клуб «Лестер» завершил расследование по поводу обвинений против Джейми Варди, которые были опубликованы в национальных средстах массовой информации на прошлой неделе. Получив полную картину инцидента, а также приняв во внимание незамедлительное извинение от лица Джейми, Клуб постановил наложить на игрока существенный штраф, а также предписал пройти тренинг-курс, направленный на осознание различий между людьми. Джейми получил напоминание о его обязанностях перед клубом, профессией и сообществом «Лестера». Штраф будет передан в местные благотворительные организации».

Я прошел два курса, один – для всего клуба, на нем присутствовали все игроки, а другой был организован лестерским офисом Футбольной ассоциации специально для меня. Курс Футбольной ассоциации проходил в «Уэмбли», и, положа руку на сердце, должен сказать, что я очень рад, что прошел его. Мы вели познавательные и открытые беседы о моих словах в том инциденте и об общении в целом.

> Перед тем как мы высадились у дома, Бэкки предсказала, что вскоре мы услышим об этом инциденте. Но никто не упоминал слово «расизм».

Преподаватели разъясняли исторический контекст, стоящий за произнесенным мной словом, и о его значении, берущем свои корни во Второй мировой войне, когда некоторые уже считали это слово оскорбительным, а другие, в частности люди старшего поколения, так не думали. Та дискуссия действительно открыла мне глаза, и, разумеется, теперь мне было еще более стыдно за произнесенное.

Три четверти размера моего штрафа были переданы в личное

распоряжение студента, которого я оскорбил, чтобы он мог перенаправить эту сумму на благотворительность по собственному усмотрению. Большая часть оставшихся денег была распределена в местные благотворительные организации, которым оказывает поддержку «Лестер».

Я понимал, что дисциплинарное взыскание «Лестера» не будет окончательным завершением инцидента. В СМИ шли дебаты относительно того, как Футбольная ассоциация должна вести себя, согласуя свои решения с английским кодексом норм поведения, может ли быть рассмотрена моя кандидатура на включение в состав сборной на квалификационные матчи Евро-2016 против команд Сан-Марино и Швейцарии, которые должны были состояться в начале сентября.

Рой Ходжсон включил меня в свою команду, и сказал мне об этом сразу, как только я прибыл в «Сент-Джорджес Парк» (я даже еще не закинул сумку в свою комнату). Он сказал, что у Дэна Ашворта, технического директора Футбольной ассоциации, будет ко мне разговор относительно моего дела, но Рой собирался включить меня в список в любом случае. Он был так дружелюбен, как только мог, и это правда было очень приятно. С Дэном я встретился в тот же день. Он попросил меня рассказать подробности произошедшего и напомнил мне о моей ответственности в качестве игрока национальной сборной – как на поле, так и за его пределами.

Я до сих пор прокручивал те моменты в моей голове, а это значило, что с прошлым еще не покончено. Об этом было так много сказано и написано, а мой дом был под постоянной осадой репортеров, что говорило о том, как сильно поменялась моя жизнь. А это, в свою очередь, значило, что мне надо поменяться вместе с ней, так как оказаться в ситуации, при которой моя карьера могла быть скомпрометирована, мне больше никогда не хотелось.

Я решил перестать выходить в свет, устроить самому себе домашний арест, почти такой, как тогда, когда я носил бирку в Малин-Бридже (хотя в той ситуации это было не добровольным решением). Так что поиск развлечений вне дома закончился, они, развлечения, стали приходить сами ко мне домой. Я оборудовал дома бар и поставил большой стол для снукера в игровой комнате. У меня были сумасшедшие ночи с укладыванием детей спать, игрой в «Call of Duty» и просмотром сериала «Родина».

Мне просто хотелось остудить голову и сконцентрироваться на футболе, ибо теперь я жил, как золотая рыбка в аквариуме, а общество наблюдало за каждым моим движением. Большинство футболистов постепенно привыкло жить в центре внимания, они

практически росли, находясь в нем. Со мной же все произошло в одно мгновение, и ничто не в состоянии подготовить человека к подобному. Это – будто ураган, пронесшийся по твоей жизни, вытаскивающий на поверхность все, что происходило в твоем прошлом, оставляя тебя в страхе перед тем, что еще может всплыть в любой момент.

* * *

Кое для кого святого ничего нет. Это я осознал через пару месяцев после инцидента в казино, когда оказался в центре еще одной медийной бури, на этот раз связанной с моей семьей. Сначала всплыло то, что я разругался с родителями, а затем, спустя две недели, газета «Воскресная почта» посчитала, что будет хорошей идеей дать мне узнать: мой «настоящий отец» – это неизвестный мне человек. И это не все: они послали его посмотреть мою игру, а затем взяли у него интервью. Если кому-то интересно, почему я уделяю так мало времени средствам массовой информации, то вот вам ответ.

Автором истории о мужчине, который бросил мою мать, когда я был совсем ребенком, и больше никогда не пытался установить контакт, был, конечно, не он сам. Ее поведала нам газета. Они выследили его, а чтобы статья была «рабочей», они устроили для него посещение моего матча, хотя он сам признал, что футбол его не интересует. Не интересовало «Воскресную почту» и то, как история отразится на людях, замешанных в ней. Их интересовала только работа и их право выставлять истории напоказ – безотносительно той боли, которую она причинит.

Узнал я об этом уже только после того, как она была опубликована. Я как раз собирался на рождественскую вечеринку с остальными игроками «Лестера», когда Джон, мой агент, позвонил мне, чтобы ошарашить новостями в очередной раз. После опубликованной пару недель назад в «Сан» другой статьи – о моем семейном конфликте – мне показалось, что все происходящее было «месяцем ударов по Джейми Варди».

«Бьющий футбольные рекорды парень – это мой сын? Да вы шутите!» – вот таким был заголовок. Под ним говорилось: «Момент изумления, когда “Воскресная почта” поведала мужчине, что он – отец футболиста-сенсации Джейми Варди». Еще они сфотографировали его на стадионе с одной поднятой рукой, а надпись гласила: «Ричард Гилл приветствует сына, которого он никогда не знал, в момент, когда Джейми Варди выходит на поле».

На самом деле этот жест адресовался фотографу-постановщику, а вовсе не мне. Да и, говоря по большому счету, это не мой отец. У меня не было планов когда-либо впускать этого человека в свою жизнь. Я быстро пробежал глазами по его интервью, в котором он, кстати, говорил, что «раньше никогда не слышал о Джейми Варди, не говоря уже о том, что и не думал, что это его сын». И что он был «потрясен и ошеломлен тем, насколько его сын популярен». Мне подумалось: «Какое ничтожество. Не хочу иметь с ним ничего общего».

Я уверен, что существует способ получше узнать о том, что мужчина, которого я всю жизнь звал отцом, на самом деле им не являлся. У меня были какие-то подозрения и раньше из-за некоторых вещей, происходивших со мной в молодости, но не более. Был случай, когда кто-то подходил ко мне на улице, заявляя: «Это твои сводные братья». В другой раз кто-то обратился ко мне в баре: «Мы знаем твоего настоящего отца». Я не задавал дальнейших вопросов, не заводил об этом разговоров и вообще ни с кем не делился произошедшим. Я не такой человек, я все держу в себе. И уж точно я не считал, что могу поднимать эту тему в разговоре с родителями. Если я не был на сто процентов уверен, то с чего бы мне верить кому-то, кого никогда раньше не видел?

Не знаю, почему родители никогда не заводили со мной данного разговора сами. Пожалуй, надо бы, я имел право знать. Но только они могут ответить, почему они решили все скрывать.

Мне известно, что Джон, мой агент, с добрыми намерениями хотел убедить Фила, отца, с которым я вырос, рассказать мне обо всем вечером субботы, когда история еще не была опубликована, но этого не произошло. Мы с отцом давно не общались, поэтому у нас не было желания вести какие-либо беседы, тем более на такую тему.

Ссоры с родителями связаны с Бэкки. Поначалу не было и намека на существование проблемы. Они познакомились с Бэкки, когда мы стали парой, и было похоже, что они поладят. Бэкки проводила время и с моей сестрой Лорен. В их общении участвовали также Тейлор и Меган.

Впервые я почувствовал, что проблема существует, когда родители навестили нас вместе с моей Эллой. Они были молчаливы и не общались с Бэкки, что порождало неуютную атмосферу, и мне было неясно, с чем это связано. Сейчас я полагаю, что все началось в тот день, когда Бэкки пришла проведать меня в пабе летом 2014 года, когда я ушел в «самоволку» от родителей на выходные. Тогда она поставила мне ультиматум, чтобы я взялся за ум. В итоге все закончилось тем,

что я вернулся к матери, и она наверняка не знала, что было в моей голове.

Ситуация накалилась, когда родилась Софья. Родители, вместо того чтобы приехать к нам, хотели, чтобы я привез Софью показать им. Но такой возможности не было. Софья была тогда грудничком, да еще сильно болела первые пять или шесть месяцев. Было невозможно представить, чтобы она тряслась в машине три или четыре часа на пути в Шеффилд. Кроме того, тогда у меня появилось предчувствие, что Бэкки не нравится моим родителям.

Все завершилось случаем, когда мой агент пытался исправить ситуацию, и мы с родителями решили встретиться 18 декабря в середине дня. Был шанс, что в этот день все закончится хорошо. Но потом выяснилось, что родители не смогли прийти на встречу в тот день. И все. Вся связь была разорвана. Что также означает, что родители мои никогда не видели Софью, и это меня, разумеется, огорчает.

Почти год спустя история с моей семейной ссорой выплыла наружу. Мы знали, что статья выйдет, так как за день до этого в дверь нашего дома в Мелтон-Моброе позвонил журналист. Открыла Бэкки, и репортер сказал ей, что он общался с моей семьей по поводу статьи, которую газета собирается напечатать, и не хотим ли мы также дать свои комментарии.

Я тут же позвонил матери с вопросом, почему они решили связаться со СМИ. Она ответила, что пресса ошивается у их дома уже несколько месяцев, отказываясь оставить их в покое, постоянно стуча в их дверь. Вот так и работают некоторые газеты. Они будут приставать к тебе до тех пор, пока ты не сдашься. И, к сожалению, мои родители сдались. С того момента журналисты «Сан» посчитали, что истории можно давать ход.

Когда я позвонил матери в ту ночь, мой дед, чью цитату также приводили в статье, взял трубку весь в слезах. Он сказал, что СМИ постоянно изматывают их, стуча в дверь даже 74-летнего старика. И дед, и мать сказали, что они просто хотели, чтоб репортеры оставили их в покое, поэтому и пообщались с ними. Причем у двери, не впуская их внутрь. Я понял, как трудно им тогда было. И все-таки, какая бы охота за ними ни велась, они не должны были говорить ни слова. То, что происходило внутри нашей семьи, имело отношение только к нам самим.

В моей жизни добавилось огорчений, и я знаю, что некоторые скажут: это – цена успеха. Приходится преодолевать черные полосы жизни. Ведь газеты в этот уик-энд могли написать подобную историю о еще двадцати тысячах жителей Англии. Семейные ссоры и разрывы происходят повсеместно, на каждом

шагу.

А ведь в том самом году, когда я еще не был футболистом национальной команды и моей целью была только лишь Премьер-лига, мои взаимоотношения с родителями были СМИ до лампочки. Но раз уж у меня все хорошо, список моих достижений пополняется, то как же не влезть в мою жизнь по уши? Кроме того, для них это был шанс сбить с олимпа того, чья карьера пошла в гору, а это почему-то нам доставляет такое удовольствие!

Если говорить о взглядах моей семьи на Бэкки, то я считаю, что родители должны поддержать любой выбор своего ребенка в вопросах личной жизни. Почему-то мои родители так не считают. Они не приняли девушку, с которой я решил связать жизнь.

Я всегда буду защищать Бэкки. О ней писали ужасные вещи в газетах, и все это очень далеко от истины. Я знаю ее настоящую, какой ее знают и наши друзья. Они видят, как она поменяла мою жизнь, как помогла мне в карьере той стабильностью, которую она мне дала. Если бы мы не встретились, то я наверняка бы вел тот же хаотичный образ жизни. И я никогда бы не познал счастья от игры в футбол, когда вся семья тебя поддерживает.

Мне ничего больше не надо от жизни, когда я обнимаю свою Софью или наблюдаю за тем, как она пинает мяч (в этом она пошла в меня). Мне нравится проводить время со всеми – моими! – детьми в моем доме. Тейлор иногда называет меня Вардсом и всегда зовет меня попрыгать вместе на батуте, а Меган быстро поняла, что от меня есть прок, когда ей нужна помощь с домашним заданием по математике – спасибо мистеру Пембертону.

> Когда я позвонил матери в ту ночь, мой дед, чью цитату также приводили в статье, взял трубку весь в слезах.

Элла живет с матерью в Шеффилде, но она – часть моей семьи в неменьшей степени, чем другие дети. Я люблю наблюдать за тем, как дети играют все вместе – она, Меган, Тейлор и Софья. Когда они собираются все, начинается настоящий бардак. К несчастью, я не вижусь с Эллой так часто, как мне хотелось бы, но в этом нет моей вины.

Я лично рассказал Эмме, маме Эллы, что Бэкки беременна, и ей это не понравилось, хотя нашему расставанию исполнилось тогда уже несколько лет. Казалось, в тот момент нам стало трудней общаться, особенно на фоне разрыва с родителями, которые раньше привозили Эллу на все домашние игры в Лестере, и она оставалась у меня ночевать.

Я слежу за тем, чтобы у Эллы было все хорошо в материальном плане, но мне также хочется видеть ее счастливой. Время, которое я могу проводить с Эллой, ограниченно, и все только усложняется, потому что в выходные не всегда есть возможность провести время вместе – из-за матчей. Если я играю в гостях или матч проходит в воскресенье, то все не так просто. Я не могу съездить в Шеффилд и обратно за день до матча – у клубов существуют правила на такие случаи, и их можно понять. Поэтому Бэкки обычно забирает Эллу, и мы пытаемся продумать как можно больше вариантов, при которых я могу побыть с ней подольше.

Мы постоянно общаемся по Фейстайму, и она всегда вызывает у меня улыбку своими выдумками. Однажды она мне сказала: «Кое-кто в школе спросил, знаменитость ли я, папочка». Я удивился, с чего вдруг такой вопрос, и она объяснила: «Они знают, что ты играешь в футбол, и они думают, что это значит, что я тоже знаменитость».

В этой фразе было столько невинности… Надеюсь, что моим детям удастся вырасти в обстановке, в которой каждое их движение не будет попадать в газетные заголовки.

Я воспринимаю ажиотаж как должное, и мне не хотелось бы ничего менять в том, как сложилась моя футбольная карьера. Но иногда создается ощущение, что это – чересчур. И тогда мне хочется вернуться во времена, когда я был настолько неизвестен, что мог сыграть матч под чужим именем, и никто бы не заметил.

11
«Да пребудет с тобой портвейн»
Мне 25, я небрит, с прической ежиком

На кухне Бэкки показала мне флешку. «Ты должен это посмотреть», – сказала она.

Я взглянул на нее с недоумением, не понимая, в чем интрига. Было 27 ноября, пятница, и я только что вернулся домой с тренировки. На следующий день мы должны были играть с «Манчестер Юнайтед», и я знал, что ко мне будут прикованы глаза всего мира: удастся ли мне побить рекорд Руда ван Нистелроя и стать первым игроком, который поразит ворота соперника в 11 матчах Премьер-лиги подряд. Я пребывал в постоянном возбуждении и в то же время испытывал опустошение. Медиаактивность достигла пика. Буквально каждый хотел расспросить меня о рекорде. Я, конечно, это понимал, но в тот момент мне казалось, что я уже нараздавал интервью на всю жизнь вперед.

Я включил ноутбук, вставил флешку и сел перед экраном, не зная, чего ждать. Запустилось видео, в начале которого были кадры, запечатлевшие меня в тот самый день, когда я подписал контракт с «Лестером». Вот я стою в центре поля на стадионе «Кинг Пауэр» с шарфом в руках, и на мне – форма из клубного магазина, которая мне великовата. На изображение наложена запись интервью, которое я дал Энтони, главе пресс-службы «Лестера», в тот майский день 2012 года, когда все для меня только начиналось: «Конечно, для меня это огромный шаг вперед, но я думаю, что справлюсь».

Затем изображение переключилось на скамейку запасных, где мы разговаривали с Энтони. Мне 25, я небрит, с прической ежиком. Мне еще предстоит сделать мои первые шаги в профессиональном футболе, и я пытаюсь рассказать, что могу дать «Лестеру». «Конечно, я хочу сделать все, что в моих силах, и надеюсь, что мы выйдем в Премьер-лигу, – говорю я. – Я всегда выкладываюсь на 110 процентов, много работаю и не останавливаюсь. Надеюсь, что голы будут».

Воспоминания нахлынули на меня. Под песню группы Kodaline «Love will set you free» я вижу себя в играх за «Лестер»: вот я бью мимо ворот, вот забиваю голы, ускоряюсь, перехватываю мяч, обнимаю одноклубников, смеюсь – маленькая

история моей жизни в клубе. Я думал, что этому будет посвящен весь ролик, но затем, к моему удивлению, перед камерой начали появляться игроки, персонал и руководство клуба – даже моя невеста и мой агент – и все они обращались ко мне.

– Джейми Варди, – сказал Джефф Шлупп и расхохотался.

– Гордись, – добавил Каспер. – Мы все поддерживаем тебя, чтобы в игре против «МЮ» ты мог побить рекорд.

– Ты уже вошел в историю, приятель, и вне зависимости от того, побьешь ли ты в субботу рекорд или нет, для нас ты уже рекордсмен, – сказал Джефф.

– Это феноменальное достижение, не только для тебя, но и для всего клуба, – сказал Шеки, Крейг Шекспир, один из помощников Клаудио. – А за тебя лично я просто счастлив.

– Если вспомнить, как ты начинал, и посмотреть, к чему пришел сейчас… мои огромные поздравления, это нереально круто, – сказал Дринки, Дэнни Дринкуотер.

– Уже не важно, что случится завтра, – сказал Энди Кинг. – Превзойти тех, кого ты обошел на пути к рекорду, и сравняться с таким выдающимся игроком, как ван Нистелрой, – это просто великолепно.

– Это потрясающее достижение, – сказал Марк Олбрайтон. – Успеха тебе в субботу. Я надеюсь, ты побьешь этот рекорд, потому что ты это заслужил.

– Если не получится, ничего страшного, – сказал Алан Берченолл, бывший игрок «Лестера», ставший послом клуба. – Ты так много сделал для нашего клуба. Это просто сказка, просто фантастика.

– Я очень надеюсь, что в субботу ты побьешь рекорд. Всего тебе наилучшего, дружище, – добавил Мэтти Джеймс.

– Желаю тебе успеха в субботу. Надеюсь, ты сделаешь это. И да пребудет с тобой портвейн, – сказал Пол Макэндрю, администратор клуба по экипировке.

– Я надеюсь, что в субботу ты забьешь. Но если назначат пенальти, его пробью я, – сказал Рияд с улыбкой.

– Не останавливайся, – сказал Уэс. – Еще один мяч до рекорда. Мы все в тебя верим. Мы все знаем, что ты можешь это сделать. Удачи!

Затем снова появился Рияд:

– Да я просто пошутил, – добавил он, смеясь.

– Поздравляю, – сказал Дэйв Ренни, физиотерапевт. – Но ты не даешь нам расслабляться с твоими запястьями, паховыми мышцами и всем остальным.

– Мы все очень гордимся тем, чего ты достиг, – сказал Ричи.

– Я знаю, что ты сделаешь все, что в твоих силах, – добавил

Джон, мой агент.

– Не важно, будет рекорд или нет, – сказал Клаудио. – Важно, чего ты уже добился.

– В Таиланде ты сказал, что отблагодаришь меня за все, что я сделал для тебя. Сегодня это уже произошло, – сказал Топ Шриваддханапрабха, вице-президент клуба.

– И не важно, что будет в эту субботу, ты вдохновляешь своих одноклубников и многих других людей, я поздравляю тебя, – улыбаясь, сказала Бэкки.

Затем пошли записи голов, входящих в серию, которая могла стать исторической, заканчивая тем, который я забил в матче против «Ньюкасла» на стадионе «Сент-Джеймс Парк» в прошлую субботу. «Джейми Варди отрывается от соперника и забивает! Он повторяет рекорд ван Нистелроя», – говорит комментатор. На последних кадрах ролика Уэс подбрасывает меня в воздух, празднуя гол.

Вау! Я был просто потрясен. Так здорово смонтировано – молодцы ребята из пресс-службы – и такая отличная идея. Я не мог понять, как им удалось все это провернуть – все эти интервью с игроками, руководителями и даже с Бэкки – так, чтобы я ничего не заподозрил.

Мне очень понравилось все видео, но один комментарий меня особенно развеселил. Это слова Пола Макэндрю «Да пребудет с тобой портвейн», которые намекали на мой зарок, который я соблюдал с начала сезона. Не могу сказать, с чего это пошло, я правда не помню. Но я решил выпивать стакан портвейна вечером накануне каждой игры в сезоне 2015/16. Мне всегда нравился портвейн, особенно хороший, как, например, 30-летний «Тони», и, хотя обычно я не слишком суеверен, с того момента, как я забил «Сандерленду» в первом матче, мне не хотелось ничего менять.

Я наполнял маленькую пластиковую бутылочку из-под воды или энергетика до половины и потихоньку прихлебывал из нее за просмотром ТВ. По вкусу портвейн напоминает мне «Рибену» – черносмородиновую шипучку, и он помогает мне переключиться и быстрее уснуть в ночь перед игрой. Я рассказал об этом Дэйву Ренни, и он сказал, что если это мне помогает и я забиваю, то он не видит в этом проблемы.

Это было не единственное изменение в моей подготовке в том сезоне. При Найджеле мы должны были приходить на стадион за полтора часа до начала домашней игры, но Клаудио хотел, чтобы перед матчем на «Кинг Пауэр» мы вместе обедали, и мы стали приходить за три с половиной часа. Никто не имел

ничего против – при условии, что у нас будет место, где мы сможем отдохнуть после еды. Так у нас появилось помещение, о котором мне нравится думать как о некой тайной комнате футболистов внутри стадиона «Кинг Пауэр».

Чтобы попасть туда, надо пройти через двойные двери из столовой. В комнате несколько телевизоров, шезлонги, угловые диваны, «Плэйстейшн», дартс и бильярдный стол. Некоторые игроки приносят с собой ноутбуки и айпады, чтобы смотреть скачанные сериалы, а другие, например Рияд, Нголо и Дэнни Симпсон, любят в это время поспать (для этого в соседнем помещении есть отдельная зона с кроватями).

Что до меня, то с банкой «Ред Булла» и двойным эспрессо внутри я не усну. В комнате я сразу направляюсь в угол, где стоит бильярдный стол и висит доска для игры в дартс. На обустройство комнаты денег не пожалели, но только не на игровую зону. Бильярдный стол перекошен – надо уметь с ним управляться – и один из киев погнут. Но настоящих мастеров такие пустяки не останавливают, мы с удовольствием беремся за игру, и время пролетает незаметно.

На неделе перед тем, как началась моя рекордная голевая серия, мы сыграли вничью 1:1 дома с «Тоттенхэмом», и мы не были удовлетворены игрой. Похоже, мы отнеслись к соперникам со слишком большим пиететом, дали им чересчур много свободы в ведении мяча. Да и сами были слишком пассивны, нам стоило больше прессинговать.

Мы были намерены исправиться в Борнмуте, но не смогли остановить Каллума Уилсона, который забил гол роскошным ударом через себя. Угроза первого поражения в сезоне неотступно маячила перед нами до тех пор, пока на 86-й минуте Стив Кук не снес меня в штрафной. Нашим штатным пенальтистом был Рияд, но его заменили во втором тайме. Следующим на очереди должен был быть Леонардо Ульоа, но он не выходил в этом матче, и в результате сложилась странная ситуация, когда все стояли вокруг меня и спрашивали, кто будет бить.

Никто не выразил желания, кроме Джо Доуду, 20-летнего выпускника футбольной академии, дебют которого в Премьер-лиге начался всего 15 минут назад. Пять баллов Джо за смелость, но я сказал, что не могу позволить ему пробить: я переживал, что, если он промахнется, на него посыплются все шишки, а это не слишком хорошо для того, чья карьера только начинается. Поэтому в отсутствие лучших вариантов я, подбадриваемый Энди Кингом, вышел вперед.

Во время короткого прямого разбега я решил со всей силы пробить в правый угол. Артур Боруц дотянулся до мяча, но удар

был слишком сильным. Забавно, что как раз накануне матча наш польский центральный полузащитник Марцин Василевский, который знает Боруца, сказал мне, что тот очень хорошо берет пенальти. Я не вспомнил об этом, когда вызвался бить, а вот позднее, когда я уже побежал праздновать гол, это в памяти всплыло. Когда мы уже садились в автобус, я не упустил возможности напомнить об этом Васу:

– Мой-то он не взял, слишком для него силен оказался, – сказал я, смеясь.

* * *

В перерыве для проведения международных встреч я дебютировал за сборную Англии в матче против Сан-Марино, который мы выиграли со счетом 6:0. Это было в день, когда Уэйн Руни сравнялся с сэром Бобби Чарльтоном по голам, забитым за сборную. Поверхность поля была чудовищной, и один из репортеров, намекая на мою карьеру вне Премьер-лиги, написал, что «если кто и может почувствовать себя как дома на тех грядках, которые в Сан-Марино выдают за футбольное поле, то только Джейми Варди». Но если честно, это поле было хуже любого, на котором я когда-либо играл за «Стоксбридж», «Галифакс» или «Флитвуд». Если бы парковку покрасили в зеленый цвет, получилось бы не хуже, было ощущение, что мы играем на гравии.

Рой поставил меня на левый фланг атаки с Гарри Кейном по центру. К моему разочарованию, забить мне так и не удалось, зато я закончил игру с двумя массивными шишками на голове. В борьбе за мяч мы с Кристианом Бролли, одним из полузащитников команды Сан-Марино, оба подпрыгнули, и вместо мяча я ударился головой в его голову. Ему даже пришлось наложить повязку. Примерно через пять минут история повторилась: другой стороной головы я попал в голову того же Бролли.

Второй вызов в сборную заставил нас с Бэкки поменять дату свадьбы. Мы планировали пожениться 4 июня 2016 года, забронировали эту дату еще в январе 2015-го, не задумавшись о том, что в это время будет проходить финальная часть чемпионата Европы. Когда меня впервые вызвали в сборную, Бэкки начала немного нервничать, но я попросил ее не переживать, и мы оставили все как есть. Когда меня снова вызвали в сборную, я начал понимать, что ее волнение небезосновательно. Мы хотели перенести свадьбу на первую

неделю после окончания регулярного чемпионата, но руководству клуба эта идея не понравилась из-за запланированных мероприятий, в частности – ежегодной поездки в Таиланд. Поэтому мы остановились на 25 мая, других окон больше не было.

Хотя я потихоньку начал осваиваться в сборной, я, конечно, не принимал ничего как должное. Я знал, что мне нужно продолжать забивать за клуб. Мне удалось сделать это 13 сентября в матче против «Астон Виллы», который мы выиграли со счетом 3:2, хотя по ходу встречи проигрывали 0:2. Нам удалось отыграться менее чем за полчаса до конца встречи, и наша беспроигрышная серия с начала сезона продолжилась. Если какой матч и продемонстрировал все самое лучшее в команде «Лестера», то это именно матч против «Виллы». Какие бы препятствия ни стояли перед нами, мы всегда будем бороться до конца. «Лисы никогда не сдаются» – это наш девиз, который написан над выходом из раздевалки на стадионе «Кинг Пауэр», и мы в точности следовали ему.

Сначала Ричи сократил отставание в счете. А затем, когда через 10 минут Дринки сделал прострел с правого фланга, не было силы, которая могла бы остановить меня на пути к мячу. Я увидел пространство за спиной Джолеона Лескотта, и, когда Леандро Бакуна попытался меня заблокировать, я не отрывал глаз от мяча. В итоге Бакуна повалился на траву, я обыграл вратаря Брэда Гузана и упал на колени, празднуя успех. Это был момент, который переломил ход матча. Победную точку поставил Натан Дайер, взятый в аренду из «Суонси» и проводивший свой первый матч за «Лестер».

Единственной вещью, подпортившей мне впечатление от матча, была травма, которую я получил в первом тайме, когда Майка Ричардс пошел на перехват. Мяч достался ему, а я упал и в падении повредил запястье. В тот момент я не понял, что именно произошло, но почувствовал, что что-то не так. В перерыве я подошел к Дэйву Ренни и сказал, что моя рука не в порядке, но что я ни в коем случае не намерен уходить с поля. Он наложил мне плотную повязку, чтобы максимально стабилизировать запястье.

На следующий день я позвонил Дэйву и сказал, что, возможно, с рукой у меня что-то серьезное. Мне сделали рентген и выяснилось, что в двух костях запястья – ладьевидной и трехгранной – трещины. Мне порекомендовали немедленную операцию, но это означало бы перерыв в игре на шесть-восемь недель, к чему я не был готов, особенно теперь, когда меня во второй раз вызвали в сборную и мои дела в «Лестере» шли так

хорошо. Поэтому мне наложили лангету, и консультант сказал, что с ней я могу играть. Однако он предупредил, что, если кости не срастутся, операции избежать не удастся.

К тому времени Клаудио руководил командой уже пару месяцев и неплохо узнал нас – как людей и как игроков. Однажды, когда я по своему обыкновению болтал всякую ерунду в раздевалке, он велел мне выключить радио. Я посмотрел на него в недоумении, и Клаудио сказал: «Ты, ты все время трещишь. Ты – как дебильное радио. Ты – дятел!» Так появилось мое новое прозвище.

Позднее в том сезоне Уэс сказал журналистам, что «отношения между боссом и Варди самые распрекрасные – куча ругани, оба стараются как могут». Я попросил Андреа Аззалина, фитнес-тренера, которого Клаудио привел с собой, научить меня нескольким выражениям по-итальянски, но я не использую их все в разговоре с тренером. Я могу сказать *«bastardo»* в ответ на свое прозвище, и мы оба можем посмеяться, но я не захожу слишком далеко. В конце концов, он – босс.

Мы, игроки, оценили Клаудио и как человека, и как тренера. Он возглавлял несколько топ-клубов, насчет его опыта не поспоришь. Но он также умеет посмеяться над собой, например когда ищет нужное слово по-английски – иногда с помощью одного из игроков, – или выдает одну из своих фирменных фразочек. «Дилли-динг, дилли-донг» – в начале сезона он звонил в воображаемый колокольчик всякий раз, когда ему казалось, что один из игроков его не слушает, и вслед за ним мы все стали это повторять. Иногда не поймешь, шутит Клаудио или нет, как, например, во время разминки, когда мы растягиваем паховые мышцы. Клаудио стоит, смотрит, а потом может внезапно закричать: «Тяните-тяните. Свой пах, не мой!» Ты не можешь не улыбнуться и думаешь, где он, черт возьми, этого набрался.

В гостевом матче со «Сток Сити» мне трудно было избавиться от чувства дежавю, когда игра против «Астон Виллы» была еще так свежа в памяти. По ходу матча нам опять пришлось отыгрываться. За 20 минут мы пропустили два безответных гола, и не всякая команда смогла бы выкарабкаться из такой ситуации на стадионе «Британия». Но Рияд поправил положение точным ударом с одиннадцатиметровой отметки, а затем самым невероятным образом организовал для меня гол, который сравнял счет. После длинной передачи я побежал вперед, надеясь, что Рияд сумеет выиграть игру головой – хотя это не самая сильная его сторона. Оба центральных полузащитника оттянулись к мячу, а Рияду удалось вытолкнуть его на меня, и это дало мне

пространство для маневра. Своей больной рукой я придержал Эрика Питерса и послал мяч мимо Джека Батленда в ворота «Сток Сити».

Для меня это был третий гол в трех матчах и четвертый за первые шесть игр, но все, о чем я мог думать, так это о том, как хорошо начался сезон для клуба. Мы были четвертыми в таблице и оставались единственной командой в лиге, которая не потерпела ни одного поражения. Но никто не терял головы от успехов. В начале сезона Клаудио сказал, что он хочет, чтобы мы как можно скорее попали в зону безопасности (а это – 40 очков), и именно это было нашей единственной целью.

Удивительным образом мы не слишком переживали перед домашней игрой против «Арсенала» в следующем туре, потому что никто не ожидает от вас победы в таких матчах. «Арсенал» побил нас тем же оружием, которое мы использовали против других команд, – контратаками. Алексис Санчес сделал хет-трик, и мы проиграли со счетом 2:5, но счет мог бы быть и 5:6.

Я забил дважды. Первый – после короткого и изящного выхода из глубокого тыла, потому что я играл против Пера Мертезакера и знал, что столкновение с ним к добру не приведет. Дринки отдал мне пас на выход, в выбранную им точку – подобное вы еще не раз прочитаете, – я кивнул, и мяч полетел точно через все поле. Рядом со мной не было никого, я принял мяч, обработал и положил в дальний угол. Но к тому моменту, как на 89-й минуте я забил второй гол, «Арсенал» был уже недосягаем.

Важно было, как мы отреагируем на это поражение, потому что все хорошо помнили, как пошли у нас дела на этой же стадии в прошлом сезоне. Победа со счетом 2:1 над «Норвич Сити» 3 октября подтвердила нашу силу духа, и я забил в пятом матче подряд – с пенальти, назначенного за толчок Себастьяна Бассонга мне в спину. Рияда не было на поле, и я снова вызвался пробить.

В разборе игры соперников, который составляют для нас аналитики клуба, показывается, куда обычно пробивает пенальтист. Я предположил, что в «Норвич Сити» тоже, скорее всего, делают такой анализ. Поэтому решил несильно пробить в угол, противоположный тому, куда я вколотил мяч в Борнмуте. Джон Радди, вратарь «Норвича», не угадал с направлением удара, и мы повели в счете.

> Мы, игроки, оценили Клаудио и как человека, и как тренера. Он возглавлял несколько топ-клубов, насчет его опыта не поспоришь.

Разбору игры соперников в «Лестере» всегда придавалось большое значение, но дотошность Клаудио не знает границ. Он знает все о команде, против которой нам предстоит играть, вплоть до того, сколько раз их правый нападающий забил правой ногой и сколько левой. Мы разбираем материал в комнате для собраний на тренировочной базе не менее двух раз на неделе перед игрой. Всю информацию можно загрузить на айпад за два дня до матча, в анализ включены сведения о каждом игроке команды соперников, о том, как они разыграли свои 20 последних угловых, плюс разбор пробитых пенальти для Каспера.

В итоге мы обыграли «Норвич» со счетом 2:1, Джефф Шлупп забил второй мяч сразу после перерыва. Но в игре был ужасный момент, когда я подумал, что мой сезон завершен. Я прыгнул на мяч и, приземлившись, здорово ударился коленом. Медики занимались мной в течение нескольких минут, и я боялся, что повредил крестообразную связку. К счастью, с ней все было в порядке, и после матча Клаудио подтвердил, что я смогу присоединиться к сборной на отборочные матчи европейского первенства против Эстонии и Литвы.

* * *

В матче с Эстонией я впервые попал на «Уэмбли» после того, как в 1993 году, в переигровке финала Кубка Англии, наблюдал здесь за тем, как «Шеффилд Уэнсдей» проигрывает «Арсеналу». Правда, с тех пор стадион порядком изменился. Меня выпустили на поле только на 83-й минуте, но почти сразу мне удалось организовать гол – отличное чувство. Возможно, я мог бы пробить и сам, но у Рахима Стерлинга позиция была лучше, в такой ситуации я всегда отдаю пас. Между прочим, горжусь своими голевыми передачами не меньше, чем голами.

Три дня спустя меня включили в стартовый состав в матче против Литвы, игра проводилась на искусственном покрытии. Это напомнило мне мой просмотр в «Кру». Я протолкнул мяч мимо защитника и – не смог его догнать. Рой поставил меня на фланг, и позднее в прессе обсуждалось, не разумней ли мне было играть через центр. Меня это не беспокоило – я просто получал удовольствие от игры. Мне вроде не в чем было себя винить, однако я не мог полностью избавиться от неприятного чувства, что сыграл уже четыре матча за сборную и ни разу не забил.

В играх за клуб такой проблемы не было. Гостевой матч против «Саутгемптона» 17 октября пошел по знакомому сценарию: мы проигрывали 0:2 и, отыграв два мяча, заработали

очко. Я забил оба гола, первый – ударом головой на ближнюю штангу после отличного навеса Натана Дайера, который вышел на замену после перерыва вместе с Риядом. Упустив один хороший момент, чтобы сравнять счет, я не собирался упускать второй, когда на 90-й минуте Рияд вывел меня на ударную позицию. К счастью, правый защитник не сумел меня остановить, я довел мяч до штрафной, и счет стал 2:2. К тому моменту моя уверенность в себе зашкаливала, а то, как мы отыгрывались, – а мы уже заработали семь очков, проигрывая по ходу матчей, – укрепляло нашу репутацию как команды, которая никогда не сдается.

Для Нголо Канте́ который начал этот сезон на скамейке запасных, матч против «Саутгемптона» был пятым выходом на поле в Премьер-лиге. К тому времени мы все уже увидели, что он – особенный игрок и отличный парень. Мы ясно поняли, что представляет собой Нголо как человек, вскоре после того, как он подписал контракт с клубом. Клуб возлагает на игроков контроль за системой штрафов, и штраф за опоздание составляет 100 фунтов. Если игрок опаздывает дважды в течение недели, штраф удваивается. Когда мы начали объяснять Нголо, что он должен заплатить за опоздания – это заняло у нас некоторое время, потому что его английский был тогда не слишком хорош, – он повернулся к нам и сказал: «Как я могу платить штраф, когда люди в Африке голодают?» И в этом весь Нголо. Он охотней отдаст эти 100 фунтов тому, кто в них действительно нуждается. И что мы могли ему на это ответить?

Он очень скромный человек. После подписания контракта он сначала решил, что машина ему не потребуется. Сказал, что будет ходить на тренировки пешком. Но потом он купил себе «Мини», и эта машина стала его любимой игрушкой. Каждый день он заходил с улыбкой во весь рот, говорил всем: «Доброе утро», пожимал каждому руку и приступал к своим занятиям.

На поле Нголо никогда не останавливается. Я уверен, что после окончания матча он может пробегать еще 90 минут. Не похоже, что он когда-нибудь устает. Но дело не в расстоянии, которое он пробегает, сильная сторона Нголо – это большое число резких пробежек на большой скорости в борьбе за мяч. На тренировках мы часто играем в «сохрани мяч», когда одиннадцать игроков окружают двоих, и мне кажется, что Нголо часто добровольно отдает мяч, потому что ему гораздо больше нравится самому отнимать его у противника.

Мы отлично начали сезон, лучше, чем кто-либо мог ожидать. Если нам чего и не хватало, так это победы с сухим счетом. В матче против «Пэласа», который мы выиграли 1:0, мы исправили

это упущение, и Клаудио сдержал свое обещание – в награду отвести нас в пиццерию. Только он приготовил нам не совсем то, чего мы ожидали. В пиццерии «У Питера» в центре города нам предстояло приготовить свои собственные пиццы от начала и до конца, так что вы можете себе представить, во что вскоре превратилась кухня. Все вокруг было заляпано тестом. Мы здорово повеселились, это было полезно для нас как команды. А для меня стало отличной заменой доставке пиццы из «Домино», которая некогда составляла мой основной рацион.

Мой гол в ворота «Кристал Пэлас» состоялся благодаря ошибке Бреде Хангеланда, который мог отдать пас в любом направлении, но подарил его Рияду. На предыдущей неделе, когда «Пэлас» играл дома против «Вест Хэма», я смотрел репортаж о матче в программе «Матч дня» и видел, как игрок «Вест Хэма» Димитри Пайет повел себя, выйдя к воротам соперника. Он сделал обманное движение, вратарь «Пэласа» Уэйн Хеннесси упал на газон, и Пайет просто пробил выше вратаря. Так что, когда я вышел один на один с Хеннесси после отличного паса Рияда, я сделал то же, что и Пайет. Но, вместо того чтобы сразу пробить, я перекинул мяч через Хеннесси, и, поскольку Скотт Данн был уже совсем рядом, я последовал за мячом и со всей силы вколотил его в сетку. Это был мой десятый гол в Премьер-лиге за сезон, и, празднуя его, я поднял вверх обе руки и пересчитал каждый палец, показывая, что я удвоил свой результат, заработанный в сезоне, когда мы вышли в Премьер-лигу.

Журналисты подсчитали, что я стал всего лишь пятым английским игроком, который забивал в семи играх Премьер-лиги подряд, но лишь неделю спустя, во время игры с «Вест Бромом», до меня начали доходить разговоры об индивидуальном рекорде. Прозвучало имя Руда ван Нистелроя, а я до того момента и не знал, что именно он установил рекорд Премьер-лиги, поразив ворота в десяти матчах подряд. Мне было немного странно, что, к примеру, у Алана Ширера не было более длинной серии, учитывая то, сколько у него мячей на счету.

Когда до конца встречи с «Вест Бромвичем» оставалось уже меньше 15 минут, я начал думать, что, наверное, это не мой день. Мы вели в счете 2:1 благодаря паре голов Рияда, который был в ударе. А у меня оставалось все меньше времени, чтобы забить самому. Но тут мы организовали контратаку. Я передал мяч Дринки, одновременно обгоняя Джонни Эванса, и получил обратный пас. До ворот еще было довольно далеко, но казалось, что на плечах у защитников «Вест Брома» тяжелый груз – на такой скорости я пронесся мимо них. Я буквально протолкнул мяч в

сетку. Для меня это был гол в восьмом матче подряд. А после финального свистка я стоял на поле и слушал, как фанаты «Лестера» поют: «Джейми Варди забивает, когда хочет». Вот это момент! И какой контраст по сравнению с прошлым годом, когда я сумел забить всего один мяч!

В послематчевых интервью обо мне начали говорить как о члене элитного клуба, куда входили Дэниел Старридж и ван Нистелрой, забивавшие в восьми матчах Премьер-лиги подряд. Но в тот момент меня больше волновало, что мне вечером надеть. Был Хеллоуин, и я обещал детям отправиться в костюмированный рейд «trick-or-treating» – «сладость или пакость».

Сэм Бейли, победительница телевизионного проекта «Х-Фактор», пригласила нас к себе – она большой фанат «Лестера», и мы с ней были хорошо знакомы – и предложила мне на выбор костюмы «Смерть с косой» (фишка хеви-метал-группы *Grim Reaper*) и клоуна. Я остановился на Grim Reaper. Однако в маске было слишком жарко, я не мог находиться в ней постоянно, так что некоторые люди узнавали меня, когда мы стучались к ним в дверь.

Кое-кого разочаровало, что я не захотел позировать для фото у них на крыльце, и они написали об этом в соцсетях, что меня, честно говоря, сильно разозлило. Иногда, когда я развлекаюсь с детьми и делаю то же, что и другие родители по всей стране, я хочу быть просто отцом. В тот вечер я не был лучшим бомбардиром Премьер-лиги. Я был просто парнем 28 лет, который вместе со своими детьми клянчит конфеты на Хеллоуин. Поймите меня правильно, я всегда даю автограф и улыбаюсь для фото, когда у меня есть возможность. Ведь и сам я был футбольным фанатом и хорошо понимаю, что это значит для болельщика. Но есть моменты, особенно когда я с семьей, в которые мне, как любому человеку, нужно личное пространство. Я не хочу, чтобы мои дети росли с отцом, бросающим все, чем он занимается с ними, чтобы дать себя сфотографировать.

* * *

На поле я был счастлив. Я играл с такой уверенностью в себе, что мне казалось, я забью всякий раз, когда выйду на поле. Нашим следующим соперником был «Уотфорд», и я надеялся, что в этой игре мне выпадет хотя бы один стопроцентный шанс. Мы вели 1:0 благодаря удару Нголо с носка, когда Эурелио Гомес, вратарь «Уотфорда», снес меня в штрафной. В этот раз Рияд был

на поле, но я надеялся, что он уступит мне право пробить. Я попросил его об этом, напомнив, что мы в любом случае выигрываем, но Рияд хотел бить сам, и я смирился. Но тут вдруг толпа на стадионе начала гудеть. Рияд повернулся и отдал мне мяч. Я не раздумывал долго – просто выстрелил в центр ворот. Первое, что я сделал сразу после этого – показал на Рияда и обнял его, потому что я был ему очень признателен за то, что он для меня сделал.

Моя голевая серия теперь составляла девять игр подряд. Но возникла проблема. В концовке матча с «Уотфордом» меня обеспокоила резкая боль в области паха. Томограмма ничего не показала, поэтому в ноябре я отправился в сборную на товарищеские игры против Испании и Франции, хотя Футбольная ассоциация была проинформирована о моей травме. Перед игрой с Испанией я начал тренироваться, но выдержал только пять минут, навязчивая боль не отступала. Я остался в Испании и посмотрел матч, а затем вернулся в Лестер, мне хотелось поскорее разобраться с этой проблемой.

Мы обратились к Дэвиду Ллойду, хирургу-консультанту, который лечил меня в сезоне перед выходом в Премьер-лигу. Он установил, что основная зона дискомфорта находится в области паховой связки, и это больше похоже на грыжу, чем на рецидив моих прежних проблем. Мне была рекомендована операция, но я наотрез отказался. Тогда Дэвид предложил однократную инъекцию кортизона непосредственно в связку, которая обычно начинает действовать через семь-десять дней. Мне нужно было, чтоб моя подействовала через четыре дня. Я ни в коем случае не хотел пропустить матч против «Ньюкасла». Если нужно, я бы согласился отрезать свою ногу и играть на костылях – ничто не могло помешать мне выйти на поле.

Хочу выразить огромную благодарность Дэйву Ренни, который сумел привести меня в состояние, более-менее пригодное для игры, потому что, когда я вернулся из Испании, это казалось весьма маловероятным. Очень помогла и камера для криотерапии, установленная на базе «Лестера»: я пользовался ею ежедневно дважды в день во время подготовки к матчу с «Ньюкаслом». Это аппарат длиной семь метров, который обошелся клубу в 150 тысяч фунтов, и обработал каждый потраченный на него пенни, помогая игрокам восстановиться после травм.

Внутри камеры ты должен быть в шортах, гольфах, термотапочках, защитных варежках, повязке, прикрывающей уши, респираторной маске и с тугими бандажами на коленях и локтях (где самая тонкая кожа). Сначала ты заходишь в некий

предбанник, где температура установлена от минус 65 до минус 70 ºС, и примерно через 30 секунд загорается зеленая лампочка. Тогда ты переходишь в другой отсек, где температура доходит уже до минус 135 ºС. Там ты находишься от трех до пяти минут, не больше, и я обычно убивал это время, распевая вслух какие-нибудь рок-баллады вместе с другими парнями. Дэнни Симпсон, Марк Олбрайтон и я обычно пели аэросмитовскую *«I Don't Want to Miss a Thing»*. Хорошо, что уши у нас были закрыты.

К концу недели я почувствовал себя намного лучше, а сообщение, полученное накануне матча с «Ньюкаслом», придало мне дополнительный стимул. Руд ван Нистелрой написал у себя в «Инстаграме»: «Рекорды существуют для того, чтобы их побивать… Вперед, @vardy7, всего тебе лучшего и удачи!».

В 2003 году ван Нистелрой установил свой рекорд именно на стадионе «Сент-Джеймс Парк», поэтому все говорили, что мне на роду написано повторить его здесь. И, честно говоря, я думаю, что мои товарищи по команде так сильно хотели, чтоб я это сделал, что они пытались играть на меня при любом удобном случае. И вот перед самым перерывом все сложилось. Я принял мяч на левом фланге и перевел его в центр на Лео. Фабрисио Колоччини не последовал за мной, и Лео отдал мне искусный пас. Я обошел Муссу Сиссоко и сделал обманное движение, чтобы запутать Роба Эллиота, вратаря «Ньюкасла», а сам ударил в ближний угол. Ба-бах! Мяч просвистел мимо штанги и – свершилось, я догнал ван Нистелроя! Я помчался по полю, посылая воздушные поцелуи фанатам «Лестера» за воротами и наслаждаясь этим мгновением, а затем ко мне подбежал Уэс и поднял меня на руки.

В той игре был очень приятный момент, когда за 13 минут до конца матча меня заменили, и болельщики «Ньюкасла» проводили меня аплодисментами. Они не обязаны были это делать. В тот момент их команда проигрывала 0:2, и настроение у них, наверное, было не очень, но они в тот день продемонстрировали высокий класс, настоящую любовь к футболу, и я никогда этого не забуду.

Во время своей пресс-конференции Клаудио поблагодарил фанатов «Ньюкасла», а незадолго до этого в раздевалке он попросил меня произнести речь. Команда похлопала мне, я встал и попытался сообразить, что же сказать.

«Спасибо, ребята, – сказал я. – Без вас у меня ничего бы не получилось. Кстати, босс только что сказал мне, что он ставит нам всем пиво». И, к чести Клаудио, он действительно разрешил нам выпить по пинте по пути домой.

Я уехал с матча с мячом под мышкой, что обычно происходит

только тогда, когда ты делаешь хет-трик. После финального свистка я вернулся на поле, чтобы пожать руки соперникам, и Майк Джонс, главный арбитр матча, попросил меня заглянуть к нему по пути в раздевалку: обещал отдать мне мяч в честь повторения рекорда. Я был ему очень благодарен за это и попросил всех игроков расписаться на мяче.

Хотя во всех заголовках было мое имя, я ощущал себя лишь главой в большой истории, которая писалась на наших глазах. Победа со счетом 3:0 над «Ньюкаслом» подняла нас на самый верх турнирной таблицы, и вся наша команда почувствовала уверенность в своих силах. Атмосфера была расслабленной, мы наслаждались всем происходящим, и даже Каспер, всегда такой целеустремленный и сосредоточенный, смеялся и шутил.

Однако в настоящий момент все внимание СМИ было приковано ко мне, и то обстоятельство, что следующей была игра с «Юнайтед», – борьба в верхней части таблицы против бывшего клуба ван Нистелроя, – только подогревало ажиотаж.

«Найк» предложил мне по такому случаю выйти на поле в золотых бутсах. Обычно мне требуется неделя, чтобы разносить новую пару, прежде чем в ней играть. Я надеваю новые бутсы и принимаю в них ванну, чтобы они сели точно по ноге, а затем тренируюсь в них не меньше четырех дней перед игрой. Но золотые бутсы мне доставили только в четверг, что было, конечно, поздновато.

В преддверии матча у меня было такое чувство, что все так сильно хотели, чтоб я побил этот рекорд, что загодя начали волноваться, как я перенесу, если этого не произойдет. Вечером накануне матча с «Юнайтед» мне позвонил мой агент.

– Не переживай, если не забьешь, – сказал мне Джон.

– Не переживай, я забью, – ответил я ему.

Это не было бахвальством. Просто когда ты зашел так далеко и приблизился к точке, где переписывается история, ты ожидаешь, что это случится. Сомнения не принесут тебе пользы.

К тому же я выпил свой стакан портвейна, так что волноваться было не о чем.

Мне вкололи обезболивающее в область паха, так что я был застрахован от боли на время игры. Я знал, что моим самым трудным соперником будет Крис Смоллинг, с которым мы вместе играли за сборную. Он быстрый, как молния, и везде следует за тобой, от него не оторваться. Если ты получаешь мяч, он всегда будет рядом, и часто единственное направление, куда ты можешь отдать пас, это назад.

Мне нужно было найти способ избавиться от Криса, и, к счастью, «Юнайтед» предоставил мне такую возможность. На 24-й

минуте они заработали угловой, и Крис пошел к нашим воротам, чтобы попытаться забить. Я был единственным игроком «Лестера», не ушедшим в защиту, и занял позицию на левом фланге. Каспер поймал мяч и перекатил его Кристиану Фуксу, который повел мяч по правому флангу с нашей половины поля. Когда Кристиан пошел вперед, я понял, что мне нужно пробежать на ударную позицию через все поле. Эшли Янг придержал меня за руку, когда я мчался мимо него, но это меня не остановило. Почувствовав, что у меня появился шанс прорваться к воротам, я показал, куда отдать мне мяч, за спину Маттео Дармиана, и Кристиан выдал невероятный пас, идеально выверенный.

И вот я снова был один на один против Давида де Хеа, как 14 месяцев назад во время той сумасшедшей игры на «Кинг Пауэр», которую мы выиграли со счетом 5:3. У меня не было времени на воспоминания, но удивительно, сколько картинок может пронестись в твоей голове за долю секунды. Я снова видел ту странную позу де Хеа перед моим ударом, и единственное, о чем я думал, было: «Только не промахнись».

Одним касанием я обработал мяч, а затем ударом правой ноги – с золотой бутсой на ней – я переиграл де Хеа и установил новый рекорд. Шум на стадионе «Кинг Пауэр» был оглушающим, выброс адреналина был таким мощным, что я не мог остановиться и носился по кромке поля, мимо фанатов «Юнайтед», которые, не переставая, пели имя ван Нистелроя. «Мой, мой, рекорд теперь мой», – кричал я, пробегая мимо них и тыча себе пальцем в грудь. В такие минуты ты не владеешь собой. Это ведь не постановка – чистые эмоции.

Когда я пересматриваю этот гол, мне особенно приятно видеть, что он значил для всей нашей команды. Это было не обычное празднование гола. Игроки сбежались отовсюду – не забывайте, что несколько секунд назад нам пробивали угловой, – а Клаудио ликовал на боковой линии. Вокруг меня сгрудилась вся команда – ну, почти вся. Хут решил не бежать через все поле, вместо этого он подошел к скамейке и выпил воды.

Вечером я включил телевизор, и Бастиан Швайнштайгер упомянул меня в одном ряду с Мирославом Клозе, знаменитым немецким голеадором, – это было просто безумие. Мой телефон вибрировал не переставая, но я начал читать сообщения только на следующее утро. Один из твитов был от Дэнни Кэра, который играл со мной в «Шеффилде» за команду юношей до 15 лет, но потом сменил футбол на регби и теперь является полузащитником «Харлекуинс» и сборной Англии – удивительная история. «Я научил его всему, что он умеет», – приписал Дэнни под нашим с ним фото. Мы с ним поддерживаем связь и

частенько посмеиваемся над тем, как у нас все сложилось, потому что Дэнни, как и мне, в «Шеффилде» сказали, что он слишком маленького роста.

Самое важное сообщение я получил от Руда ван Нистелроя: «Отлично сработано, @vardy7! Теперь ты номер один, и ты это заслужил #11inarow.» Прочесть такое от человека, которого я видел в «Матче дня» еще в те времена, когда играл во Второй лиге, было невероятно.

Что до Клаудио, то он тоже был безмерно счастлив и несколько дней спустя на тренировке вручил мне именную футболку «Лестера». Я перевернул ее, чтобы взглянуть на надпись на спине. Там было написано: «9. Дятел».

12
«Вся команда – Цезарь»
Футбольные болельщики со всей страны были поражены успехами «Лестера»

Мы согласились встретиться в отеле на ресепшн в 11 часов утра. Но *Бэтмену, Ассасину* из «Кредо убийцы», желтенькому *Бананамену* и белому *Могучему рейнджеру* – то есть Роберту Хуту, Ричи де Лату, Синдзи Окадзаки и Джейми Варди – пришлось ждать остальных, и мы уже начали немного изводиться.

То была наша рождественская вечеринка в Копенгагене, а тематикой были персонажи из компьютерных игр. Мы пообещали сохранить наши костюмы в тайне, поэтому в воздухе витало чувство предвкушения, когда все по очереди начали собираться на первом этаже отеля. Приз зрительских симпатий достался нашему капитану, Уэсу, который был одет в костюм гигантского *Пакмана*.

Андрей Крамарич был в костюме *Баузера*, Дэнни Симпсон нарядился *Человеком-Пауком*, Каспер Шмейхель пришел в костюме *мистера Исключительного* из «Суперсемейки», Джефф Шлупп был черным *Могучим рейнджером*, а Натан Дайер – *Железным Человеком*. Мэтти Джеймс, Энди Кинг, Бен Хамер и Дэнни Дринкуотер пришли в костюмах *Черепашек-ниндзя*, но в их выборе был обнаружен существенный недостаток – чтобы выпить, им каждый раз приходилось снимать свои головы. Впрочем, в этот воскресный вечер каждый из нас нашел способ опрокинуть по несколько пинт «Гиннесса».

Ночью до этого я делал подтягивания в зале, Синдзи не сходил с танцпола, а остальная команда наслаждалась победой, которая подняла нас на вершину таблицы Премьер-лиги.

Клаудио согласился дать нам отгул в воскресенье и понедельник, после того как наш «комитет» – Уэс, Каспер и Кинги – высказал желание команды выйти куда-нибудь на праздник. Время от времени меня тоже включали в состав «комитета», обычно когда им нужно было, чтобы кто-то честно описал ситуацию.

К несчастью, наши надежды на свободный отдых в Копенгагене – без внимания СМИ – рухнули после того, как

Андрей без задней мысли решил выложить нашу фотографию в «Инстаграм». К тому моменту, как мы сели поужинать в парке аттракционов «Winter Wonderland», который находится в парке Тиволи, где наши наряды заставили посетителей считать, что мы просто здесь работаем, фотографы уже ожидали нас за каждым углом.

В итоге нас начали выводить через тоннели, затем к подъемнику, на котором некоторые из нас застряли, потом мы спустились и поднялись пару раз через лестничные площадки и вышли к чему-то, напоминающему бункер. Оттуда мы внезапно попали на главную улицу, где нас уже ждало такси. К нашему небольшому разочарованию, это был не Бэтмобиль.

Спустя несколько часов я уже садился на частный самолет до аэропорта «Ист-Мидлендс» в Лестершире – все из-за истории о моем «настоящем отце». Бэкки и мой агент Джон посчитали, что СМИ могут найти меня и превратить ситуацию в шоу, и есть смысл избавить остальную команду от этого фарса. О моем раннем отбытии я узнал от Ричи, который был моим соседом по комнате. Он разбудил меня в нашем номере, где я заснул в воскресенье вечером.

– Вставай, мы собираемся, – сказал он, укладывая наши вещи.

– Куда? – спросил я.

– В аэропорт. Нас ждет самолет до дома, – ответил Ричи, которого посвятили в ситуацию.

Вот и весь разговор. Джон Сандерс, сотрудник клуба по связи с игроками, усадил нас в такси, и мы доехали до черного хода в аэропорт Копенгагена, откуда, уплатив самую высокую в моей жизни цену за билет – 20 тысяч фунтов, – мы вернулись в Лестер, пока остальные ребята продолжили развлекаться в Дании. Перед взлетом я отправил им сообщение: «Наслаждайтесь Рождеством, парни, я не могу позволить этим газетам заявиться и испортить веселье всей команде». Затем я узнал, что, пока я отсыпался в своей кровати в Мелтон-Мобрее, Синдзи снова устроил потрясное выступление на танцполе в Копенгагене.

* * *

Уик-энд, проведенный в Уэльсе и Дании, только подтвердил то, что мы уже знали о наших командных способностях. Мы играли с комбинацией уверенности в своих силах и непревзойденным командным духом – залогами победы на любом уровне.

Моя рекордная серия голов закончилась в Суонси, где Рияд сделал хет-трик. Но были и положительные стороны – мне больше не пришлось давать интервью, выдавая однотипные фразы по одному и тому же поводу. Да и всем уже должен был надоесть звук моего голоса, поэтому я почувствовал облегчение, когда газеты пообещали оставить меня на месяц в покое.

Через девять дней после матча в Суонси я снова был в числе забивающих, на этот раз в матче против «Челси» на нашем стадионе «Кинг Пауэр», где во время матча зрителям раздавали *«Соленые Чипсы Варди»*. В этой ситуации мне только и остается, что качать головой, вздыхая от безумия, происходящего вокруг.

Перед матчем я был весь в предвкушении, отчасти от комментариев Бранислава Ивановича, которые тот сделал накануне игры. Он говорил, что остановит мой прорыв к воротам пинком. Когда я их читал, то думал: «Удачи, друг. Но чтобы пнуть меня, тебе придется сначала меня догнать».

Мне хотелось поиграть против Ивановича, но вместо этого пришлось столкнуться лицом к лицу с Диего Костой, после того как я его зацепил и сбил. Коста катался по полю, держась за локоть, как будто бы его подстрелили. Затем вскочил и подбежал ко мне вплотную, думая, что я отступлю, оказавшись с ним лицом к лицу. Как бы не так.

В перерыве я подошел к Уэсу и Хуту и сказал: «Пообщайтесь с ним. А то он совсем потеряет голову». Коста из тех игроков, которые выглядят как будто могут совершить сальто прямо с места. Я сам играю агрессивно, но никогда не позволяю кому бы то ни было сбить меня с толку или угрожать мне физически.

К перерыву мы уже вели в счете, когда я забил с передачи Рияда, а во втором тайме уже он сам удвоил счет, забив феноменальный гол. Рияд обвел Сесара Аспиликуэту три или четыре раза до того, как отправил мяч в верхний угол ворот. В итоге мы победили со счетом 2:1. Как потом выяснилось, это был последний матч для Жозе Моуринью в качестве менеджера «Челси». В этот раз он не стал поздравлять меня в коридоре после матча.

Когда в следующем матче мы выиграли 3:2 в гостях у «Эвертона» в субботу, обеспечив себе верхушку таблицы к Рождеству, кто-то сказал, что в пяти из шести предыдущих сезонов команда, лидирующая к Рождеству, становилась в конце сезона чемпионом. Но мы отнеслись к этому заявлению спокойно. Никто не заговаривал о титуле в раздевалке. Клаудио говорил команде то же, что и публике: «Наша цель набрать 40 очков, об

остальном не думайте».

Впрочем, менеджер оценил наши старания. Он позвал нас всех в комнату для собраний на тренировочном поле перед Рождеством и сказал, что купил нам всем подарки. Каждому игроку и членам персонала он раздал по колокольчику, на котором было выгравировано имя «Клаудио», что нам вначале показалось странным. Но потом мы вспомнили его коронное «Дилли-динг, дилли-донг». Задумка была потрясающа.

Следующие две встречи были трудными и не добавили праздничного настроения. Мы проиграли 0:1 в Ливерпуле во время «боксинг-дэй». Этот матч я вынужден был пропустить. Я поймал инфекцию и провел все утро перед игрой в парилке, безуспешно пытаясь от нее избавиться. Затем мы сыграли вничью 0:0 с «Манчестер Сити» у себя дома, где я играл в закрашенных бутсах, так как у нас с «Найк» были разногласия по поводу нового контракта.

Вкратце, «Найк» заявлял, что я не заслуживаю больших денег, так как не играю за «большие клубы», хотя их бутсы были во всех газетах уже несколько недель из-за моего голевого рекорда, а наша команда была наверху таблицы. Да и сам я теперь играл еще и на международных турнирах.

Долгое время я был у «Найк» на мизерном контракте, мне платили 1000 фунтов за матч и 1000 фунтов за гол. Это крохи по сравнению с тем, что получают другие игроки, особенно те, которые играют в так называемых *клубах категории «А»* по классификации «Найк». Моему агенту это не нравилось, особенно с учетом того, что мы получили письмо от «Найк», в котором говорилось, что они готовы пересмотреть мой контракт, если меня вызовут в сборную. В конце концов все решилось, но, как и во всех финансовых вопросах в моей карьере, пришлось бороться за каждую копейку.

* * *

В конце года существовал риск, что я временно не буду носить никаких бутс из-за проблем с травмой паха. Я почти не тренировался с ноябрьской игры с «Уотфордом», проводя матчи под обезболивающими уколами. После того как Дэйву Ренни не удалось быстро меня вылечить, мы решили возобновить лечение с Дэвидом Ллойдом, хирургом-консультантом, который смотрел за моим здоровьем во время моей рекордной серии. Дэвид разработал нечто, что он назвал «курсом исцеления Ллойда», суть которого была в лапароскопической операции. Что самое важное

– он обещал, что я смогу играть уже через две недели.

2 января я сыграл в нулевой ничьей в гостях против «Борнмута», а затем мы решили, что сейчас самое лучшее время для операции, пока на горизонте был третий этап матчей Кубка Англии. Я с радостью согласился, ожидая, что это избавит меня от боли на весь оставшийся сезон.

Процесс операции включал в себя надрез на обеих паховых мышцах, чтобы снять напряжение с лобковой кости, в которой я испытывал дискомфорт, а затем вставлялась сетка для поддержания области паха.

Операция прошла менее чем через сутки после игры с «Борнмутом». Когда я проснулся, Дэйв Ренни сказал мне, что разрыв в связке, в которую мне делали инъекцию кортизона, был огромным. Хотя всю ночь я провел в госпитале в Лестере, утром первым же делом отправился на тренировочное поле для небольшой разминки, чтобы мышцы не потеряли гибкость.

В матче с «Борнмутом» мы достигли цели в 40 очков, так что все дальнейшие игры не вызывали у команды опасений. Было странно вспоминать, как в начале сезона мы с командой обсуждали расписание матчей на год, отмечая особенно трудные периоды. В нашем представлении Рождество должно было быть трудным периодом, и нам нужно было обезопасить себя до последних трех матчей – против «МЮ», «Эвертона» и «Челси», так как это должна была быть истощающая череда матчей под конец сезона. Но поскольку опасность вылета из Премьер-лиги исчезла уже за 18 матчей до конца сезона, то и давление прошло. Мы могли расслабиться в оставшихся матчах, начиная с нашей игры в «Уайт Харт Лейн»[47] 13 января.

То был только десятый день после моей операции, и меня поставили в стартовый состав. Кажется невероятным, но я отыграл 71 минуту и чувствовал себя прекрасно. Но еще лучше стал чувствовать себя, увидев, как Хут изогнул свою шею и забил мяч в верхний угол, обеспечив нам победу со счетом 1:0. После игры он написал в «Твиттере»: «Не так часто квадратная голова оказывается полезной».

Он снова оказался в сердце медийной бури после следующей игры, в которой мы победили «Сток Сити» со счетом 3:0, а он отличился своим штрафным. Из-за некоторого недопонимания он чуть было не врезался в Дринки при его розыгрыше, а затем криво пнул мяч в аут. «Девять раз из десяти они залетают в девятку… правда», – написал он позже в «Твиттере».

Я забил свой первый гол за семь матчей в игре против «Сток Сити» – до операции проблемы с пахом определенно сказывались

на моей игре. А к следующему матчу с «Ливерпулем» 2 февраля я согласился подписать новый контракт. В январе пошли разговоры, что во мне заинтересованы еще несколько клубов, но мне хотелось остаться в «Лестере». Мой агент пытался ускорить переговоры, но в некотором роде мы зашли в тупик, поэтому в дело вмешался Вишай, владелец «Лестера», и попросил меня встретиться с ним на стадионе.

У него был личный кабинет, в котором я никогда раньше не был, там мы и поговорили о моей ситуации. Я понимал, что клубу надо оставаться в рамках бюджета, так что при переговорах помнил об этой стороне вопроса. Вишай сказал, как много я значу для «Лестера», делая акцент на том, что не хочет лишаться меня в команде. В конце концов я получил прибавку к контракту, заключенному в августе 2014 года, но условия были не такими хорошими, каких ожидал мой агент, учитывая, что теперь я был игроком сборной. Клуб в конечном итоге согласился включить в контракт в качестве компромисса пункт об освобождении от обязательств перед клубом в 22 миллиона фунтов.

Следующие три игры предстояли сложными: матч с «Ливерпулем» дома и два матча в гостях – с «Манчестер Сити» и «Арсеналом». Адриан Бучарт, кинопродюсер и сценарист, решивший снять историю моей жизни после моего рекордного гола в матче с «Манчестер Юнайтед», пришел посмотреть на мою игру вживую на матч против «Ливерпуля». У нас была возможность кратко познакомиться до матча. Когда ему показывали стадион, я столкнулся с ним при выходе из раздевалки.

Пару часов спустя мне представилась возможность познакомить его с моей игрой – он увидел один из лучших голов, которые я когда-либо забивал. В первом тайме я заметил, что Симон Миньоле, вратарь «Ливерпуля», часто выходит далеко за линию вратарской площадки, а затем не спешит возвращаться к воротам. Когда я выходил на поле во втором тайме вместе с Риядом, то сказал ему: «Если переведешь мяч за половину поля, то сразу бей, так как вратарь стоит слишком далеко от ворот».

Это я и держал в голове в тот момент, когда Рияд дал мне мяч на правую половину поля. Я быстро оглянулся. И увидел, что Миньоле стоит почти на краю штрафной в тот момент, когда я получил мяч. Тогда я решил пробить сразу. И, слава богу, я это сделал. На расстоянии в 25 метров до ворот мяч пулей отскочил от моей ноги и пролетел через Миньоле. Наш «Кинг Пауэр» взорвался, на фанатских трибунах творилось безумие. Я подбежал к угловому флажку, не зная, как мне праздновать забитый мяч, так как не верил в то, что только что произошло. Такие голы я

забивал нечасто, и если вы посмотрите на выражение моего лица в момент, когда Дэнни Симпсон подбежал ко мне, то увидите, что на нем написано: «Что, черт возьми, я только что сделал?»

Тот матч мы завершили со счетом 2:0, и второй гол также забил я, мой 18-й гол в Премьер-лиге в этом сезоне, прекрасное завершение вечера. Клаудио, должно быть, выпил после игры, так как он все пытался сравнить мой гол с мячом Марко ван Бастена за команду Нидерландов на чемпионате Европы 1988 года. Даже Юрген Клопп, главный тренер «Ливерпуля», выглядел слегка впечатленным. «Здорово быть на стадионе, где Джейми Варди забил гол месяца, только вот не тогда, когда ты являешься менеджером команды-соперника», – сказал он.

* * *

На следующий день после матча я встретился с Адрианом, чтобы обсудить с ним фильм. С тех самых пор, как эту новость сообщил мне мой агент, я все не мог свыкнуться с идеей, что сценарист из Лос-Анджелеса хочет снять обо мне кино для Голливуда. Да и зачем мне понимать это все? Я всего лишь парнишка из Шеффилда, который забил несколько голов.

Еще больше было разговоров в газетах о том, кто сыграет меня в этом фильме. Среди актеров упоминались Зак Эфрон и Луи Томлинсон, и, честно говоря, создавалось ощущение, что мир свихнулся. Но после того как я поговорил с Адрианом в «Стейплфорд Парке», местном отеле, находившемся неподалеку от нашего дома в Мелтон-Моббрее, Бэкки и я поняли, что он очень серьезен насчет фильма. Особенно после того, как он сказал нам, что собирается провести с каждым из нас по отдельности вечер для подготовки к написанию сценария.

> Долгое время я был у «Найк» на мизерном контракте, мне платили 1000 фунтов за матч и 1000 фунтов за гол.

Впрочем, шумиху вокруг поднимала не только моя история. Футбольные болельщики со всей страны были поражены успехами «Лестера». Когда я просматривал социальные сети, создавалось ощущение, что все вокруг желали нам победы, радуясь тому, как так называемый маленький клуб играет без страха против громких имен и даже утирает им нос. Таков был и наш настрой в раздевалке. Мы просто выходили на поле и наслаждались игрой, грубо говоря не парясь тем, кто против нас играет.

Это мы и показали на «Этихад Стэдиум» – домашней арене

«Манчестер Сити» – через четыре дня после победы над «Ливерпулем». Мы отправились в Манчестер на игру с одним из крупнейших клубов Премьер-лиги и показали им уровень. Мы покинули стадион, преисполненные чувством гордости, и, хоть мы никогда об этом тогда не говорили, было ощущение, что команда может творить чудеса. Все, что мы делали на поле против «Манчестера», было к месту. Они не могли справиться с нашими контратаками, Рияда невозможно было обыграть, а Хут забил еще два мяча. Какое приятное чувство было, когда мы смотрели на болельщиков «Лестера» на трибунах, начинающих закипать.

Единственным разочарованием дня был допинг-тест, который проходил после матча, когда мне нужно было бежать на помолвку. Проблема в том, что, когда тебе нужно сдать мочу после матча, ты зачастую не хочешь писать. Помню, как мы сидели в комнате для сдачи анализов с Марком Олбрайтоном (по прозвищу, если помните, *Шарки* – из-за носа, похожего на плавник акулы) и Синдзи, размышляя о том, что этот процесс может здорово затянуться. Тогда я заказал пива, чтобы ускорить процесс. Рахим Стерлинг, Фабиан Делф и Яя Туре́ игроки «Манчестер Сити», также сидели с нами, но они вежливо отказались от пива, когда нам доставили бутылки. Ну а Синдзи, Шарки и я праздновали победу, пока ожидали своей готовности сдать анализ. Я вроде бы был седьмым в очереди на баночку для анализа.

Был у меня раньше в этом же сезоне забавный случай с допинг-контролем. Кто-то заявился к нам домой в девять часов вечера. Мы услышали звонок и подумали, что это – очередной розыгрыш, так как нам часто звонили в дверь и убегали. Но человек за дверью сказал, что он из допинг-контроля и пришел для прохождения выборочного теста.

Что ж, дело понятное, но – не хотелось мне в туалет! О чем я ему и сказал. Строгий проверяющий, естественно, настаивал, так что я сказал, что пойду-ка возьму пивка в баре. Человек из контроля, должно быть, подумал, что я имею в виду местный паб, куда отпустить меня одного он, конечно же, не мог, так что пошел было за плащом. Я уточнил, что у меня дома есть собственный бар. Решил выпить сидр «Коппарберг» и в ожидании результата включил «Плэйстейшн».

Два часа он наблюдал за мной, пьющим сидр и играющим в «Call of Duty», пока наконец не получил то, за чем пришел. До сих пор помню, что из дома он ушел в половине двенадцатого. Сев в свою машину, он по какой-то причине вместо того, чтобы выехать из моего двора спиной во двор соседа напротив (откуда он смог

бы развернуться), решил совершить разворот на месте. А так как места было мало, он поворачивал вперед и назад 37 раз. И это напомнило мне, как Остин Пауэрс пытался вырулить с базы Доктора Зла. Что ж, он получил то, что хотел, а я смог пару часов поиграть в «Call of Duty», поэтому никто не был в обиде.

* * *

Клаудио собрал нас всех для обычного послематчевого разбора после победы над «Манчестер Сити». То был детальный анализ, который все слушали очень внимательно, тем более что Клаудио умел скрасить работу капелькой юмора. Это не только разбавляло атмосферу, но и создавало ощущение, что игроки и персонал находятся на одной волне – одновременно и трудимся, и хорошо проводим время.

Рияд забил отличный гол в том матче, но празднование гола получилось не самым эффектным, так как он застрял коленом в газоне, когда пытался проскользить мимо наших фанатов, к тому же он мог повредить колено. Поэтому Клаудио показал нам запись этого момента и без каких-либо подсказок спросил Рияда:

– Стоп, стоп. Рияд, тебе нравится так праздновать забитый мяч?

Рияд ответил:

– Нет, нет.

Клаудио переспросил:

– Ты уверен?

Мы стояли в удивлении, особенно Рияд. Тогда Клаудио сказал Энди Блейку, аналитику, чтобы тот показал другую запись, где Рияд забил гол за сборную Алжира, казалось бы, на самом сухом газоне планеты. После этого он устроил точно такое же празднование, как в матче против «Манчестер Сити», и вся наша команда стала смеяться.

Нечто подобное случилось в матче с «Ньюкаслом» на их стадионе «Сент-Джеймс Парк» в ноябре, когда Синдзи забил забавный мяч. Он подпрыгнул во вратарской площадке для удара головой, но промахнулся, не рассчитав высоту прыжка, однако мяч, отскочив от газона, попал Синдзи в лоб и – залетел в ворота. Когда мы смотрели этот момент в общей комнате, то смеялись не столько над голом, сколько над реакцией Синдзи. Праздновал гол он с самой широкой улыбкой, которую я когда-либо видел на его лице.

Затем у нас было свидание с «Арсеналом» на День всех влюбленных. Игра была важной, хоть мы и избегали всякого

ажиотажа вокруг гонки за первым местом. И тут мы получили возможность пробить пенальти после того, как Начо Монреаль сбил меня. Я поставил мяч на точку и ждал свистка. Проходивший мимо Оливье Жиру сказал: «Попадешь в дерьмо». Я пробил точно в ворота мимо Петра Чеха и подошел прямо к Жиру. «Ну, и кто в дерьме?» – сказал я ему.

Честно говоря, я вовсе не против подобных вещей. Это неотъемлемая часть игры, и я сказал бы сопернику то же самое, если бы считал, что он занервничает и промахнется. Но лично меня подобные фразы только раскаляют.

К несчастью, мы остались вдесятером после второй желтой карточки Дэнни Симпсону в начале второго тайма, и, когда Тео Уолкотт сравнял счет за двадцать минут до конца, пришлось перейти в глухую оборону. Мы держались – Нголо играл в тот день блестяще, мало кто сможет столько бегать, но в пятую минуту добавленного времени Дэнни Уэлбек забил еще один мяч. Мы были сокрушены и опустошены таким поворотом судьбы. Так долго сражались, а ушли ни с чем!

После матча в раздевалке Дэнни поднял руку и извинился перед командой за то, что его удалили. Мы ответили, что извиняться тут не за что. Купленный из «Куинз Парк Рейнджерс» в начале предыдущего сезона, Дэнни стал незаменимым игроком на правом фланге команды где-то с октября, и он как никто лучше понимал этику нашей команды. В любом случае мы не стали бы винить кого-то одного. Мы были в этом матче все вместе. Мы побеждаем командой и командой же проигрываем. Именно так нам удалось достичь такой сплоченной команды.

Поражение было ударом, и нам скорее хотелось выбросить его из головы. К сожалению, игр не предвиделось еще 13 дней, так как в конце недели играли тур Кубка Англии, а мы из него уже вылетели. Так что впереди были длинные пара недель.

И тут последовал пример блестящего менеджмента от Клаудио. Он отвел Уэса на секунду и перекинулся с ним парой слов, а затем во всеуслышание заявил: «Вы играли восхитительно. Я не могу вас винить в том, что сегодня произошло. Вы боролись до самого конца, и мне жаль, что матч так закончился. Я только что поговорил с вашим капитаном, и – у вас есть неделя отдыха».

Мы думали, что нам придется пробыть на тренировочном стадионе до среды, но теперь могли насладиться полноценным перерывом, забыть об «Арсенале» и вернуться со свежими силами. Я с детьми и Бэкки отправился в Дубай. Кстати, Джефф Шлупп, Дэнни, Хут, Лиам Мур, Дринки и Мэтти – все также полетели туда со своими подругами и семьями. Так что вместо тренировочной площадки у нас образовался, можно сказать,

лагерь отдыха «Лестер Сити».

Между прочим, и команда «Сандерленда» была в Дубае, в той же гостинице, но, должно быть, они бронировали билеты у другого туроператора, их расписание было другим. Было так: они бегают туда-сюда по пляжу, а я делаю глоток «Короны», приспускаю шезлонг на пару прорезей и закрываю глаза. Мне уже однозначно лучше.

* * *

Мы вернулись к тренировкам на следующей неделе, выбросив Эмираты из головы. Мы были готовы проделать то же, что сделали ранее в этом сезоне, после нашего первого поражения от «Арсенала». В этот раз нашим соперником был «Норвич», который также томился в ожидании до 27 февраля. Было похоже, что наш день не задался, но Лео вышел на замену и принес команде победу на 89-й минуте матча, сразу после того, как наш с Шарки розыгрыш не удался.

К моменту, когда нам предстояло помериться силами с «Ньюкаслом» в домашнем матче 14 марта, мы уже взяли четыре очка в матчах против «Вест Бромвича» и «Уотфорда», и по-прежнему на оставшиеся девять матчей были наверху. Клаудио не любил говорить по мелочам и не любил, когда его команда показывает второстепенную игру. И единственный раз, когда он сорвался на нас, был в перерыве после первого тайма против «Ньюкасла». Синдзи забил превосходный мяч через себя – самая заразительная улыбка во всем футбольном мире снова засияла, но «Ньюкасл» встал стеной. То был первый их матч под предводительством Рафаэля Бенитеса, и мы не смогли пробиться через эту стену. Клаудио был разочарован той игрой, что он увидел. Он сказал, что это был не тот «Лестер», который он знает, – слова, которыми мы, честно говоря, и так обменялись друг с другом во время перерыва.

Между таймами игроки обсуждают каждую игру. Обычно в перерыве Клаудио проходил мимо нас, чтобы обсудить игру с персоналом, пока сами игроки также обсуждали ход матча. Спустя пару минут Клаудио подходил пообщаться с командой и, если мы до сих пор обсуждали, слушал наши мнения и делился своим.

Когда в раздевалке у команды есть люди с сильным характером, а игроки друг друга уважают, то такой подход к обсуждению вполне работает. Оно не опускается до взаимных

оскорблений и придирок. Мы обсуждаем игру, потому что нам небезразлична не только своя собственная игра, но судьба команды, и каждый игрок может вставить свое слово, а уж тем более такие старички, как Уэс, Каспер, Хут, Кристиан Фукс, Дринки, да и я.

Мы додержали победный счет против «Ньюкасла» в том матче, а большего в тот период игрового сезона и не надо было. Таким образом, мы были впереди «Тоттенхэма» на пять очков. Спустя пять дней мы победили в гостях «Кристал Пэлас», и стало очевидно, что вырисовывается гонка за главный титул. Это заметили и фанаты. Один из сотрудников нашей пресс-службы зашел в раздевалку после матча на стадионе «Селхерст Парк» и сказал: «Фанаты до сих пор здесь. Они не собираются уходить».

Я встал и пошел проверить из-за угла, так ли это. Да, наши, лестерские, болельщики до сих пор не ушли, их было несколько тысяч, и они пели. «Мы выиграем лигу» – звучало снова и снова. Это было нечто. Их преданность тронула меня. Ведь я и сам был болельщиком, ездил по стране за командой, стоял в течение всего матча, поддерживая команду и надеясь, что игроки узнают тебя в лицо, когда будут идти в раздевалку после финального свистка. Те болельщики «Лестера», которых в итоге вежливо попросили покинуть стадион по системе оповещения, возможно, проживали один из лучших моментов их жизни, действительно веря, что немыслимое может произойти. Пожалуй, и мы, игроки, также начинали верить в это.

После матча в раздевалке Дэнни поднял руку и извинился перед командой за то, что его удалили. Мы ответили, что извиняться тут не за что.

* * *

За два дня до игры с «Пэлас» во время тренировки произошел один приятный момент, когда Дэйв, наш физиотерапевт, подошел к команде, чтобы объявить новость. Нголо впервые вызвали во Францию в национальную сборную, а Дринки был объявлен в составе английской команды. Тренировка остановилась, все начали поздравлять парней, обмениваясь рукопожатиями и давая пять.

– Боже, Нголо, я почтен, – сказал Дринки. – Я играю вместе с игроком французской сборной!

– Постой, Дринки, – встрял я. – Нголо сам играет вместе с игроком английской сборной.

Дринки посмотрел на меня.

– Ну да, с тобой, – ответил он, явно еще не осознавая, что теперь он сам – игрок национальной команды.

Тем днем позднее мне надо было отправиться на «Уэмбли» на ланч, посвященный запуску нового набора для Англии от «Найк». Мне не слишком хотелось сидеть весь вечер в пробке, поэтому я стал искать Вишая и Топа – вдруг они смогут подбросить меня на своем вертолете. Я спросил Пучонга Масаявани, клубного секретаря из Тайваня, который регулярно общается с владельцем клуба, существует ли возможность одолжить на время вертолет. К моему приятному удивлению, такая возможность была. И прямо с тренировочного поля вместе с двумя пилотами я долетел до воздушной базы в Лондоне, неподалеку от «Уэмбли», уже через 40 минут.

Помимо презентации найковского набора на ланче представилась возможность дать пару интервью, одно из которых было насчет товарищеского матча против Германии в субботу. Мне заранее дали несколько вопросов для подготовки, один из которых был насчет моих воспоминаний об играх Англии против Германии. Я сказал Джону, моему агенту, что помню, как в 2010 году в пабе запустил пустую кружку в телевизор после того, как гол Лэмпарда на чемпионате мира не засчитали. Но мы оба согласились, что это в интервью говорить не стоит.

Товарищеский матч в Берлине затем оказался одним из величайших дней в моей карьере. Накануне матча мне пришло несколько сообщений о том, что Йоахим Лев, немецкий тренер, описывал меня как «захватывающего игрока» и сказал, чтобы игроки Германии искали способы остановить меня в атаке. Звучало ужасающе, но я отчаянно желал забить свой первый гол за сборную.

Когда до конца матча оставалось 19 минут, спустя пару минут после того, как Гарри Кейн забил свой блестящий гол, вернувший нас в игру, меня выпустили вместо Дэнни Уэлбека. Через три минуты Натаниэл Клайн на огромной скорости обошел защитника, и когда он высматривал, кому отдать пас, я тут же забежал за спину Антонио Рюдигера. Мяч собирался приземлиться прямо за моей спиной, и единственное, что я мог сделать в такой позиции – это пнуть его пяткой в полете. Я не мог попасть по мячу лучше, и вот – мяч уже в ближнем углу ворот Мануэля Нойера.

Успех! Я наконец-то сделал это. Мой первый гол за сборную, да еще и против чемпионов мира, команды Германии, когда на воротах стоит Нойер – это требует немалых усилий. Празднование гола вышло немного сдержанным, скорее всего я

был в состоянии шока. Я надул шеки, поднял руку вверх и побежал в сторону Клайна, пока полностью не скрылся в толпе красных футболок. Ощущение было непередаваемым, совершенно иное, нежели когда я забил свой рекордный мяч в игре против «Манчестер Юнайтед», когда все было более предсказуемым. Забив гол в ворота Германии, я больше всего чувствовал именно гордость, хотя долго еще не совсем осознавал, что случилось. После матча я просматривал сообщения на телефоне и отправил Джону вопрос: «Что только что произошло?»

Позднее появился фотограф, показавший мне снимок, на котором в 2013 году мы вместе с Гарри Кейном сидим на скамейке запасных на стадионе «Викаридж Роуд» во время полуфинального поражения против «Уотфорда». В то время ни один из нас не мог попасть в стартовый состав, как не мог и Дринки, который также был на фото. А менее трех лет спустя мы все – в составе сборной. Удивительно, как в футболе все может измениться.

Второй мой гол за сборную долго ждать себя не заставил. Я забил его спустя три дня в матче против Нидерландов, который мы проиграли 1:2. Руд ван Нистелрой был там в качестве ассистента тренера голландцев, и с его стороны было приятным жестом, когда он зашел в раздевалку английской сборной, чтобы поздравить меня с побитием его голевого рекорда в Премьер-лиге.

Менеджер по экипировке сообщил мне после матча, что нападающий «Шальке 04» (игрок сборной Нидерландов) Клаас Ян Хюнтелар попросил мою футболку, которую я с радостью отдал. Бастиан Швайнштайгер попросил мой свитер после игры с Германией, а Руни ночью после матча с Голландией был на ТВ-шоу, где сказал, что его сын хотел футболку с надписью «Варди». Моя жизнь становилась все более и более сюрреалистичной.

Хоть и было приятно забить еще один гол, особенно учитывая, что это был мой первый гол на стадионе «Уэмбли», мне было приятней всего за Дринки, которого после первой же игры за сборную назвали игроком матча. Во время подготовки к встрече с Германией мы с ним вместе давали интервью для СМИ, и в одном из них я назвал его «кукловодом», коим он, по моему мнению, и являлся, так как именно он тянул за все нити в центре поля.

Я надеялся, что мои два гола за сборную придадут мне сил в играх лиги, так как я не забивал уже с того пенальти в ворота «Арсенала». Однако и в матче против «Саутгемптона» победу (1:0) нам принес гол Уэса. Матч был накануне дня рождения Вишая, и владелец клуба подарил каждому болельщику бесплатное пиво и

пончик. В раздевалке мы спели ему поздравительную песню, а три победных очка казались лучшим подарком. Ничья «Тоттенхэма» в матче против «Ливерпуля», случившаяся днем раньше, делала нас лидерами таблицы с семью очками отрыва, а до конца сезона оставалось шесть игр. Титул чемпионов Премьер-лиги занимал все наши мысли, но говорить о нем мы не смели.

На той неделе Кристиану Фуксу исполнялось 30, и его жена Ралука, проживающая в Нью-Йорке, организовала праздничную вечеринку в ресторане в Лестере. До назначенного дня мы и не знали, что Клаудио перепутал даты и пришел в ресторан на день раньше, только чтобы обнаружить, что никакой вечеринки нет. Вину на себя взял Джон Сандерс, сотрудник по связи, но всем было ясно, что Клаудио сам все перепутал. Но я спрошу: а сколько тренеров футбольных команд вы знаете, которые приходят на дни рождения своих игроков хотя бы раз? Клаудио пришел уже во второй. Кроме того, он с радостью выдал небольшую праздничную речь, когда Кристиан попросил его объяснить, что случилось.

Да, настроение в команде было тогда веселым и расслабленным. А вот мой собственный настрой в день перед матчем с «Сандерлендом» в воскресенье я бы назвал отрицательным. В среду мы играли круговой турнир по мини-футболу, и у меня все шло наперекосяк. Казалось, что я подвожу команду и с меня хватит. Мне нужно было побыть одному, поэтому я отправился в зал побегать по дорожке. Я понимал, что сейчас это – не самое верное занятие, поэтому, когда успокоился, нашел Клаудио, который шел в сторону офиса, и напросился на разговор.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, просто сегодня я отстойно показал себя на тренировке, – ответил я. – Я подумал, что лучше не мешать другим заниматься.

– Понимаю, но ты не можешь просто уйти с тренировки, – сказал Клаудио. – Первым делом я стану думать, что ты получил травму.

– Нет, ничего такого, просто у меня был плохой тренировочный день, и я чувствую себя подавленным. Извините, – сказал я.

Клаудио все понял и не стал делать из этого проблему. Но сказал, чтобы впредь я шел к нему, если что-то подобное случится. А затем он отправил меня обратно на тренировку, чтобы я не выглядел расстроенным ребенком, разбрасывающим свои игрушки. Откровенно говоря, это был единичный случай, и я знал, что подобное больше не повторится.

Позднее на неделе я бросался уже не игрушками, а носками, это стало считаться у нас хорошим знамением. Мы часто играли в эту игру с командой: брали носок, мочили его в ванной, а затем кидались им друг в друга. В субботу утром Кристиан Фукс смотрел на меня боковым зрением, остерегаясь, не кину ли я носком в него. «Не бойся. Сейчас брошу его в мусорное ведро отсюда, а если попаду, то завтра обязательно забью». Цель была невелика и находилась на другой стороне комнаты, но бросок был точным, я попал.

На моей стороне были мокрый носок и стакан портвейна, что могло пойти не так в игре против «Сандерленда»? Но первый тайм на «Стэдиум оф Лайт» шел не по плану. Я делал все, что и обычно, но несколько пасов не достигали цели, и я начал волноваться. «Черт, сегодня не наш день», – подумал я.

Возможно, Клаудио посчитал так же, потому что во время перерыва он подошел ко мне и обратился с такой интонацией, что я просто не мог подвести его. Он сказал: «Ну, давай же, Джейми. Сделай что-нибудь».

В середине второго тайма все наладилось. Дринки совершил прекрасную сквозную передачу, и я побежал за ней через Юнеса Кабула. Когда мяч оказался у меня, была всего одна точка, в которую я мог его послать. Как только я открылся для удара, тут же отправил мяч в дальний угол – в лучших традициях Тьерри Анри. Я снова нашел свою игру, и пока «Сандерленд» искал шансы отыграться, я забил еще один мяч – в добавленное время. Демарай Грей, присоединившийся к команде в январе, доставил мне очень удобный мяч в контролируемую зону. Я остался один на один с левым защитником Патриком ван Анхолтом и просто промчался мимо него с мячом, обвел Вито Манноне, вратаря «Сандерленда», и долю секунды размышлял, а не ударить ли по пустым воротам со всей дури. Но вместо этого я легким касанием закатил свой 21-й мяч в Премьер-лиге в ворота соперника. Игра закончилась, а на другой половине стадиона фанаты «Лестера» праздновали очередную победу, приблизившую нас к титулу.

Затем говорили, что я первый игрок «Лестера», забивший более двадцати голов за сезон со времен Гари Линекера сезона 1984/84, но я знал, что мои товарищи по команде на другой половине поля заслуживают не меньше похвал. Это был наш пятый подряд матч без пропущенных голов, и четверка нашего тыла – Симпсон, Уэс, Хут и Кристиан, а с ними вратарь Каспер были героями в тени.

Клаудио после финального свистка был очень эмоционален.

Я не сразу заметил это, так как общался с мальчишкой, который выбежал на поле, чтобы попросить мою футболку. Он напомнил меня в его возрасте, но, к несчастью, я уже обещал футболку кому-то другому. «Можно тебя тогда хотя бы обнять?» – спросил он. Я его обнял, а затем со знанием дела посоветовал: «А теперь беги с поля, пока не угодил в неприятности».

Вечером того же дня «Тоттенхэм» также выиграл свой матч, и разрыв между нами остался в семь очков. Однако эта новость не смогла испортить нам настроение, когда мы вечером приземлились в «Ист-Мидлендсе». Я был на втором этаже автобуса, везущего нас из аэропорта, когда Клаудио подозвал меня к себе. Он показал мне сообщение от известного итальянского актера, сценариста и режиссера Карло Вердоне. Оно гласило: «Скажи Джейми Варди, что в Риме его все очень любят, называют его Лестерским Цезарем». Тогда Клаудио дал мне телефон, чтобы я написал ответ. Я напечатал: «Благодарю. Но я не Цезарь. Вся команда – Цезарь». Я отдал Клаудио его телефон. Он прочел сообщение и качнул головой.

13
Чемпионы!
Наш дом сотрясался от взрыва эйфории игроков, которые достигли невозможного

Я ворвался в раздевалку, скинул с себя футболку и включил телевизор. Я был возбужден, не мог даже присесть. Напротив меня стоял стул, я держался за его спинку, сжав пальцы так сильно, что они побелели.

Когда телевизор заработал, по нему как раз шел повтор эпизода с моим нарушением, за которое меня удалили с поля. Оно было снято на камеру, стоявшую на противоположном конце стадиона. Рефери матча Джон Мосс находился в 40 ярдах от места нарушения, у него не было хорошей точки обзора, но он все равно решил, что я нырнул. Он просто поскорее хотел вытащить карточку. Джон сделал это без раздумий.

Я услышал, как открылась дверь, и подумал, что это кто-то из персонала. Но в комнату вошла Бэкки. Она опасалась, что из-за неудачи я переверну всю раздевалку вверх дном. Принимая в расчет мое состояние, ее предчувствие было обоснованным. Это была моя первая красная карточка за все игры на профессиональном уровне, и она была мне показана, когда оставалось лишь четыре матча до конца чемпионата, когда на кону стоял кубок Премьер-лиги. Хуже времени для удаления с поля просто не было.

Я не задумывался об этом раньше. Чувство несправедливости сжигало меня изнутри, когда я смотрел, как наши ребята выбиваются из сил, чтобы удержать счет 1:0 в матче с «Вест Хэмом». До конца игры оставалось более получаса.

Казалось, что мы выстоим, но за шесть минут до конца матча Мосс решил, что нужно еще больше экшена. Он назначил пенальти за нарушение, совершенное Уэсом против Уинстона Рида. Да, Уэс прихватывал Рида за плечи, но защитник «Вест Хэма» исхитрился рухнуть на землю как подкошенный. Энди Кэрролл сравнял счет, сведя на нет гол, забитый мною в первом тайме, а через две минуты Аарон Крессуэлл потрясающим ударом левой ноги сделал счет 2:1. Когда мяч пролетел над головой Каспера и вонзился в девятку, я схватился за голову, чувствуя себя беспомощным. Если бы я был на поле, то цеплялся бы за

каждый шанс, прорывался бы к вражеским воротам, заставлял бы защитников совершать ошибки, бросался бы в атаку. Но я мог лишь смотреть матч дальше – в раздевалке, по телевизору.

Когда матч перешел в дополнительное время, Бэкки ушла, оставив меня один на один со своими мыслями. Я знал, что если мы проиграем, то все воспримут это как пощечину «Лестеру». Я все еще не мог смириться с поражением, как и ребята на поле, которые продолжали бороться. Мы каждый раз доказывали, что никогда не сдаемся, проигрывая. Несмотря на то что команда играла вдесятером, я все еще верил, что у нас есть шанс.

> Я его обнял, а затем со знанием дела посоветовал: «А теперь беги с поля, пока не угодил в неприятности».

Верил, но поверить в то, что Мосс примет еще одно противоречивое решение, сразу не смог. Ранее он не дал нам железобетонное пенальти, когда Анджело Огбонна схватил за шею Хутти. Эта ситуация была поострее, чем инцидент с Уэсом и Ридом. Зато сейчас, вот-вот, сейчас, судья назначает пенальти за фол Кэрролла на Джеффе, который был совсем незначительным. Это выглядело так, будто он хочет принять хотя бы одно верное решение в компенсацию двух ошибок. Теперь я уже не сомневался, Лео показал, что у него железные яйца, и реализовал пенальти. От радости я начал прыгать по раздевалке, как и все фанаты «Лестера», шум которых я слышал после гола.

Все случилось неожиданно, но было похоже, что мы завоевали одно очко. Когда парни вернулись в раздевалку, они были в негодовании от решений судьи. Он явно не справился с уровнем этого матча. Однако завоевание ничьей в таком непростом матче подняло нам всем настроение.

Сидя дома этим вечером, я думал об этой игре. Не только о своей красной карточке, но и о том, что буду отстранен в матче против «Суонси» в следующее воскресенье. Мне казалось, что я подвел парней. Ведь я пропускал такую важную игру сезона. Я схватил свой телефон и написал в чат игроков в WhatsApp: «Простите, ребята. Я убит горем, что не смогу сражаться с вами на следующей неделе».

Ответы пришли моментально. Каждый говорил, что мне не за что извиняться. Матч с «Вест Хэмом» сделал нас сильнее, а не уязвил нашу решимость. Ребята обещали разгромить «Суонси».

Но вскоре выяснилось, что я могу пропустить не только игру против «Суонси». После получения красной карточки я очень много спорил. Появились видеозаписи, где я тычу пальцем в Мосса, с предположением, что я его оскорблял. Все это могло

привести к тому, что мое отстранение могло быть продлено и еще на один матч. А это значило пропустить еще и игру на «Олд Траффорд», которая была на следующей неделе после встречи с «Суонси».

Честно говоря, я не помню, что сказал Моссу, так я и ответил, когда меня спросили об этом инциденте в клубе. Знал только, что, хотя и был в бешенстве, я не назвал судью продажным, что является самым скверным оскорблением для рефери. Но когда я смотрел повторы момента, мне не понадобились навыки чтения по губам, чтобы понять, что я употребил, по крайней мере, два матерных слова в его адрес.

Я понимал, что это было плохим примером. Знал, что дети смотрят на меня, что я являюсь образцом для подражания, поэтому никак не мог выкинуть из головы всю эту ситуацию. Конечно, я хотел бы реагировать на такие ситуации по-другому, но иногда ты попросту не можешь себя контролировать на поле. Если вы не были в такой ситуации, вам тяжело понять, какие испытываешь эмоции. Все происходит так быстро. Ты можешь быть спокоен, а уже через секунду в тебе закипает кровь. Нереалистично мнение, что ты можешь успокоиться и следить за своими словами, особенно когда в отношении тебя приняли несправедливое решение, которое создаст множество проблем для твоей команды. Именно так я себя чувствовал в матче против «Вест Хэма». По-моему, я был удален с поля несправедливо.

Когда я услышал свисток, первой моей мыслью было, что Мосс назначил пенальти за фол на мне. Но потом он показал рукой на меня и начал доставать желтую карточку. Люди имеют право сказать, что они думают. Я всегда разделял эту мысль. Но я начал долго спорить, что я не нырял в попытке заработать пенальти. Я бы посмотрел на того, кто устоял бы на ногах, когда его толкают и дергают. Это невозможно. Я пересмотрел множество повторов с разных ракурсов. Сначала Огбонна тянул меня назад. Каждого нападающего на раннем этапе карьеры обучают, как правильно занимать позицию между защитником и мячом. Я сделал это так, что, когда мы бежали, моя правая нога попала между его двух. У нас просто запутались ноги – это никакое не нарушение с моей стороны и уж тем более не нырок.

Точно такая ситуация у меня раньше была. Второго ноября в домашнем матче против «Борнмута» мы вот так же переплелись с Дэном Гослингом. В тот вечер судьей был Андре Марринер, один из двоих самых лучших рефери, на мой взгляд, наряду с Марком Клаттенбургом. Андре назначил удар от ворот, что было правильным решением.

Но меня взбесила не только моя вторая карточка от Мосса. В

первом тайме он дал мне «горчичник» за нарушение на Шейху Куяте́ полузащитнике «Вест Хэма». Этот фол также не заслуживал желтой карточки. На следующий день люди говорили, что, показав первую карточку, Мосс хотел предупредить меня на случай возможных стыков в дальнейшем. Это полный бред.

Даже некоторые ребята из «Вест Хэма» ободряли меня, когда я был удален с поля. Марк Нобл, капитан «Вест Хэма», подошел ко мне, приобнял и сказал, что я не заслужил такого удаления. Потом Майкл Антонио, другой игрок «Вест Хэма», сказал мне: «Просто уйди. Не попади в еще большее дерьмо».

Но я уже высказал все судье. В понедельник по телевизору сказали, что, возможно, я буду наказан Футбольной ассоциацией за неподобающее поведение. Помимо всего этого, «Тоттенхэм» выиграл 4:0 у «Сток Сити». После нашей ничьей с «Вест Хэмом» Гарри Кейн запостил в «Инстаграм» картинку с четырьмя львами, которые охотились за добычей.

Эта неделя должна была выдаться долгой. Не только потому, что я переживал, что «Шпоры» нагонят нас, но и из-за своего пропуска игр. Я знал, что умру, если буду смотреть за игрой ребят, сидя на трибуне. Я выходил в 45 играх Премьер-лиги подряд. Я играл со сломанной кистью, с болью в ноге и на болеутоляющих, я даже выдержал операцию. Но теперь я выбыл из игры. Уже было не важно, что я так хотел выйти на поле. Не имело больше значения, как много раз я напевал песенки, пока сидел в кабинете криотерапии, или как часто я упрашивал Дэйва Ренни сделать еще одну инъекцию анестетика.

* * *

События игры с «Вест Хэмом» заняли много места в колонках газет. Я получил множество сообщений от людей, которые поддерживали меня. Среди них был и Рой Ходжсон, что я очень ценил.

Но ко вторнику мы поняли, что у нас нет другого выбора, кроме как принять наказание Футбольной ассоциации за неподобающее поведение. Единственным моим шансом избежать наказания была подача просьбы о проведении слушаний по моему делу, чтобы я мог объяснить, почему повел себя так. Мы согласовали, что пойдем по этому пути. Заседание было назначено на понедельник, поэтому все могли сконцентрироваться на матче с «Суонси».

Многие авторы в газетах отмечали, что мое отсутствие

сильно ослабит команду. Я не понимал, почему они так пишут. На этой стадии успех «Лестера» был построен на костяке игроков, выходивших на игру против «Суонси». Всегда надежный Лео, который играл на моей позиции, забил дважды. Потом со скамейки вышел Шарки и забил четвертый гол. Наши фанаты пели: «4:0 для команды из одного игрока». Это вызвало у меня улыбку.

Теперь мы были в пяти очках от победы в Премьер-лиге, но отдыхать было рано. Сразу же после матча мы помчались в отель Grosvenor House в Лондоне на праздничный ужин в честь награждения от Профессиональной футбольной ассоциации (ПФА). Так как наша игра закончилась в шесть вечера, мы не успевали на церемонию, поэтому за нами прилетели вертолеты, которые должны были доставить нас из Лестера в Лондон. По пути мы веселились.

Я был в вертолете с Клаудио, Дринки, Каспером и одним из управляющих. Мы пролетали над Лондоном, когда вдруг Клаудио показал пальцем, где он живет.

– Это здесь, недалеко от парка, – сказал он, заставив нас прильнуть к стеклу и таращиться вниз.

Я спросил:

– Босс, вы чувствуете, что от вас чем-то пахнет?

– Чем? – сконфузившись, спросил Клаудио.

– Деньгами, – ответил я.

Он взглянул на меня и рассмеялся.

Этот вечер выдался очень приятным: мы отдыхали, много смеялись, выпили пару пинт пива, познакомились с другими игроками. Четверо членов нашей команды были номинированы на звание игрока года по версии ПФА: я, Рияд, Уэс, Нголо. Но я бы с легкостью мог назвать больше имен. Джон Терри запостил фотографию, на которой мы стояли всемером, когда жюри выбирало обладателя награды.

Рияд был назван игроком года по версии ПФА, что было абсолютно заслуженно. Я получил специальную награду от Гордона Тейлора, исполнительного директора ПФА, как игрок, впервые забивший в 11 матчах Премьер-лиги подряд. На сцене я сказал, что благодарен Рияду за его вклад в матче с «Борнмутом», потому что тогда я забил гол с пенальти, который положил начало моей голевой серии. Да и вообще, без него у меня не получилось бы достичь такого результата.

* * *

На следующий день состоялись слушания по моему делу в Уэмбли. Комиссия состояла из трех специалистов, возглавлял ее Стюарт Рипли, бывший игрок «Блэкберн Роверс». Мне сказали, что меня еще не судили за мои слова в адрес рефери.

Джон Рудкин, футбольный директор «Лестера», был со мной на слушаниях. Мы сказали свое слово, а потом были удалены из зала на десять минут до вынесения вердикта. Мне назначили дисквалификацию еще на одну игру, а также я был оштрафован на 10 000 фунтов, 500 из которых отдал перед самими слушаниями. А в конце этого бессмысленного мероприятия, чтобы посыпать мне соль на рану, один из членов комиссии добавил: «Спасибо, что пришли. Надеюсь, впредь вы будете справляться с эмоциями».

Все это означало, что я пропущу игру, которая стала еще важней после того как «Тоттенхэм» сыграл с «Вест Бромвичем» на своем стадионе «Уайт Харт Лейн».

Я решил, что, вместо того чтобы смотреть этот матч полностью, буду играть в «Call of Duty» на «Плэйстейшн» и слушать матч фоном. Бэкки же следила за матчем пристальнее меня и была возбуждена его ходом.

– Я не могу смотреть его, слишком сильно нервничаю, – сказала, наконец, она.

– Расслабься, не переживай. Все зависит от нас, – ответил я, играя в «Call of Duty».

Именно так я себя чувствовал. Я не видел ни единой причины, почему мы неспособны завоевать необходимые очки для выигрыша в Премьер-лиге, не озираясь на результаты «Тоттенхэма».

«Шпоры» доминировали в первой половине матча против «Вест Брома». Крейг Доусон забил автогол, что побудило нас ложиться спать, так как мы устали после поездки в Лондон. Спустя некоторое время я переставил телевизор на кровать и включил, чтобы посмотреть, изменилось ли что-нибудь. Бэкки уже заснула, и вдруг Доусон сравнял счет. Я не мог в это поверить.

«Черт, “Вест Бром” заколотил!» – закричал я, разбудив Бэкки. «Шпоры» так и не смогли забить победный мяч и потеряли два очка, что внесло большие коррективы в наши перспективы. Мы были в одном матче от чемпионства в Премьер-лиге. Это были хорошие новости. Плохие же заключались в том, что по решению слушаний я был дисквалифицирован на матч с «Манчестер Юнайтед» на «Олд Траффорд».

Отстранение от предстоящей игры было болезненным для меня. Так как я мог сыграть только предпоследнюю игру сезона, я полностью вложил все силы на тренировке. Я занимался так

усердно, что после тренировки Клаудио позвал меня и спросил:

– Ты тренировался очень усердно. Почему ты не делаешь так каждый раз?

– Я берегу свои ноги, чтобы они не сильно устали и были готовы к матчу на 100 %, – ответил я.

– Все дело у тебя голове, – сказал Клаудио.

– Нет, я просто знаю из предыдущего опыта, что мне нужно делать, чтобы я был в хорошей форме, – объяснил я.

Клаудио улыбнулся.

Если бы я каждый раз тренировался, как сейчас, то на матч я бы выходил совсем без сил. Обычно я берег силы на тренировке, чтобы потом, во время игры, рвать и метать.

На стадионе «Олд Траффорд» я сидел в VIP-ложе с Мэтти Джеймсом, проходившим курс восстановления от травмы ноги, которую он получил год назад. Мы не знали, как себя вести в таком месте, и можно ли вообще праздновать, если забила твоя команда. Но мы оба вскочили, когда Уэс забил головой и сравнял счет. Ничья 1:1 означала, что нам нужно еще два очка, чтобы гарантированно выиграть Лигу. Если же «Тоттенхэм» не сможет выиграть у «Челси», то титул становился нашим сразу после окончания их игры.

В раздевалке я предложил ребятам посмотреть игру «Шпор» у меня дома. У нас было много места, к тому же многие члены команды приходили ко мне в гости на вечеринку 14 месяцев назад, когда мы были на дне турнирной таблицы и нуждались в победах. Сейчас все изменилось.

Каждый был доволен этой идеей. Мы договорились, что не будем афишировать встречу, чтобы об этом не прознали медиа.

Понедельник Банковских каникул начался хорошо: Ассоциация футбольных журналистов объявила меня игроком года по собственной версии. Мое имя с титулом появилось на страницах множества газет, я был рад прочитать, что в конце недели получу такую престижную награду. День должен был стать еще лучше.

> Я решил, что, вместо того, чтобы смотреть этот матч полностью, буду играть в «Call of Duty» на «Плэйстейшн» и слушать матч фонном.

* * *

Семь часов боли – и последняя татуировка в моей коллекции была готова. Татуировки покрывали мою спину, плечи и живот.

Эскиз тату был таким: тележка из американских горок с датой рождения моей дочери Софьи, наполненная розами. У меня уже было четыре татуировки, включая *Carpe Diem* – «Лови момент», которые отражали мое отношение к жизни.

Кристиан Фук и Хутти забрали меня из тату-салона и повезли домой на просмотр игры «Шпор». Когда мы доехали до моего дома в Мелтон-Мобрее, я удивился. Неужели я пригласил весь Лестер? Новость «Джейми Варди устраивает вечеринку» разнеслась будто пожар. Фанаты, журналисты, фотографы, телевизионные съемочные группы толпились на обочине дороги. Когда мы заехали во двор, засверкали вспышки фотокамер. Я сидел на заднем сиденье и пригнул голову, думая о том, что я тайно проникаю на свою же вечеринку.

Зайдя внутрь, мы были готовы к гонкам на американских горках. Поначалу все были расслаблены, но потом мы начали заводиться от игры. Обсуждали каждый удар по мячу, каждое столкновение, судачили о решениях судьи. Создавалось впечатление, что мы играли сами. Фол «Шпор», который максимум вызывал бы устное предупреждение от судьи, был встречен общим нашим криком: «Красную карточку Дефо!» Копилка негодования переполнилась, когда Гарри Кейн вывел «Тоттенхэм» вперед на 35-й минуте. А после того как счет стал 2:0, казалось, что вечеринка закончена. Ну, или хотя бы отложена на пять дней. Некоторые ребята пытались найти положительные моменты и уверяли всех, что все равно дело в наших руках – мы всего лишь должны победить «Эвертон» в субботу. Казалось, что от такого сценария никуда не деться: вечером все сильно загрустили.

Но потом это случилось.

Мой соратник по сборной Англии Гари Кэхилл вернул «Челси» в игру, забив гол. «Ты гребаная легенда!» – такой была моя реакция на этот момент. Я отправил ему те же три слова в смс на следующий день. Игра вновь приобрела интригу, обе команды хотели победить.

Это была 83-я минута, когда форвард «Челси» Эден Азар, вышедший на поле во втором тайме, отнял мяч у Кайла Уокера и передал Диего Косте, который отдал пас Тоби Алдервейрелду, вернувшему мяч снова Азару. Мяч летел немного ниже его ноги и… невозможно! Он сотворил настоящую магию, закрутив мяч в дальнюю девятку. Комната взорвалась от воплей и поздравлений, многие начали выполнять акробатические трюки. Мы праздновали гол, как будто были на поле.

Матч еще не был окончен. Но, когда было добавлено шесть

минут, они тянулись целую вечность. Однако «Шпоры» так и не смогли забить. Игроки «Челси» сломили их. Марк Клаттенбург дал финальный свисток и потом…

«“Лестер Сити” – чемпионы Премьер-лиги. Эта величайшая история счастливо окончилась для Клаудио Раньери и его игроков», – сказал комментатор «Скай Спортс» Мартин Тайлер.

Но у нас никто не слышал его слов, потому что мы кричали: «Чемпионы! Чемпионы! Оле! Оле! Оле!» Наш дом сотрясался от взрыва эйфории игроков, которые достигли невозможного. *Мы сделали это!* Наверное, это из разряда великих историй, а для меня это – самое большое чувство из всех, что я испытывал. Я стал чемпионом Премьер-лиги – с ребятами, которые могли сделать все друг для друга.

Мы достали шампанское и подумали, что настало время повеселиться в соцсетях. После того как Гарри Кейн запостил ту картинку с догоняющими львами, я выжидал. Не то чтобы я хотел ему отомстить – я знал, что картинка Гарри – это подкол, ведь я с ним очень хорошо ладил. Мой ответ ему был таким же стебным.

Сейчас было самое время запостить что-то такое. Все результаты были уже определены. Это были итоги всего сезона, а не одной игры, как у «Арсенала», который победил нас в Эмиратах в феврале, а потом его игроки сделали торжественное селфи в раздевалке.

Некоторое время я размышлял, каким же будет мой ответ Кейну. Сначала я думал, что выложу стаю гиен, если мы выиграем чемпионат, – но это было не смешно. Просто если вы понаблюдаете за гиенами, вы поймете, что они нападают на крупных хищников, например на львов, сбиваясь в большие стаи. Гиены – команда, а львы – одиночки. Но потом кто-то из Лестера прислал мне картинку из мультика «Король Лев».

Муфаса падал со скалы. Как только я увидел эту картинку, я понял, что она – та самая. Я сразу же ее выложил.

Снаружи мы слышали пение у дороги, но в комнате после бурного празднования наступило некоторое затишье. Тяжело описать, но это подобно тишине после бури. Все успокоились, как будто реальность произошедшего только осенила всех людей в этом доме. Один из парней начал трясти головой, он не верил в происходящее и будто бы пытался проснуться.

Еще несколько других ребят, которые смотрели игру у себя дома, были уже на пути к нам. Шарки ехал из Бирмингема, Каспер – из Манчестера, с Беном Чилуэллом и Дэниелом Амарти на борту. К концу ночи все были у меня дома.

* * *

Потом многие парни уехали в город и заказали себе номера в отеле, чтобы утром явиться на тренировку. Я остался дома, было уже 4.30. Не помню, что я пил в конце, но помню, что провел много времени, смотря на таблицу Лиги и на надпись «Лестер Сити» в золотой рамочке. Я удивлялся, сколько всего мы прошли и чего добились.

Джон Сандерс, отвечающий в клубе за связь с игроками, забрал меня с утра на тренировку. Он сказал, что ему также нужно забрать некоторых ребят из отеля. Потом он вдруг сказал, что мне не нужно быть на стадионе в 10.30, так как тренировка была отложена на час. Я поверить не мог. У меня было похмелье, а я приехал так рано. Если бы я все еще работал на фабрике, то сказал бы, что заболел.

Когда я пришел на тренировочное поле, еще никого не было. Я поднялся в комнату персонала клуба. Уолши и Шеки были там, а Клаудио приехал через десять минут. Войдя в дверь, он взглянул на меня.

– Ты когда-нибудь отвечаешь на звонки? – спросил он.

Я не понял, что он имеет в виду.

– Я звал тебя вчера на вечеринку, – продолжал он.

– Нет, вы мне не звонили, – ответил я.

Потом я посмотрел в свой телефон и увидел несколько пропущенных звонков от незнакомых номеров.

– Давай-ка я позвоню тебе сейчас, – сказал Клаудио.

И тут пошел звонок от того же незнакомого номера. Получается, что я пропускал звонки от тренера!

– Сохрани его, – сказал Клаудио, улыбаясь.

Некоторым может казаться странным, что у меня не было номера главного тренера, но мы всегда могли поговорить с ним на футбольном поле. Если же нам нужно было что-нибудь согласовать, мы всегда могли связаться через Джона Сандерса.

Когда игроки пришли, Клаудио собрал всех вместе и спросил, хотим ли мы придерживаться графика тренировок, по которому следующий день у нас был выходной, или нам лучше взять выходной сейчас, чтобы восстановиться от ночного празднования чемпионства. Все согласились с тем, что, раз уж мы пришли, стоит придерживаться графика и пройти тренировку.

Остальная часть персонала вышла из комнаты, а нам сказали немного отдохнуть, прежде чем идти в тренажерный зал, где все, пришедшие-приехавшие на тренировочное поле, ждут нас, чтобы встретить овациями. Как только мы там показались, зал взорвался. Клаудио и Уэс сказали небольшие очень приятные

речи.

Когда началась тренировка, она напоминала собой больше фотосессию, а не занятие физподготовкой. Я был доволен этим, учитывая наше состояние. Вишай хотел нас повести на обед в «Сан Карло», ресторан в Лестере, где нас встречала толпа народу, чтобы поздравить. К сожалению, я только мельком смог посетить эту встречу, потому что ранее у меня было запланировано спонсорское мероприятие для сборной Англии в Манчестере.

Запрыгнув в вертолет, я выглядел, мягко говоря, растрепанным. Обычно я ненавижу находиться в гримерке, но сегодня гример был необходим. Как только я приехал на телевизионную студию, сразу спросил: «Могли бы вы избавить меня от этих (пощупав щеки) сумок?» Робби Фоулер был там в этот день и очень смеялся над моим состоянием. Потом он сказал, что если бы был на моем месте, то не вылезал бы из паба всю неделю.

* * *

Надвигалась церемония чествования в Премьер-лиге, а через три недели должна была состояться наша с Бэкки свадьба. Еще впереди, через месяц, было начало Евро-2016. Меня номинировали на несколько индивидуальных наград. В итоге в пятницу я был назван игроком года, а за день до этого я поехал с Бэкки в Лондон, чтобы забрать награду от Ассоциации футбольных журналистов. Это была огромная честь для меня.

У нас были некоторые стычки с медиа, которые обычно освещались в околоспортивных изданиях. Я несколько раз подчеркивал это в своей речи в ту ночь:

– Мне говорили, что нужно отличать футбольных репортеров от тех, кому нет дела до игры… Я даже сейчас несколько в замешательстве, учитывая, что большинство людей в этой комнате уверяли, что «Лестер» вылетит из Лиги в этом году.

Это мероприятие прошло так, что все в зале были довольны. Ассоциация футбольных журналистов пристально следила за нами весь сезон, и было незабываемо приятно получить награду от них. Особенно ты был горд, когда смотрел на список предыдущих обладателей: сэр Стэнли Мэтьюз, Бобби Мур, Джордж Бест, Эрик Кантона, Деннис Бергкамп, Криштиану Роналду. Не верилось, что мое имя теперь тоже в этом списке.

Из Лондона мы уехали поздно ночью, мне не терпелось вернуться на поле. Я уже не играл более трех недель, поэтому время до игры с «Эвертоном» в субботу тянулось долго. На ней

нам должны были вручить кубок Премьер-лиги.

Это был последний домашний матч сезона, поэтому все проводилось по высшему разряду. Церемония начиналась с выступления итальянского тенора Андреа Бочелли. Перед началом игры он зашел в раздевалку, и Клаудио познакомил его с каждым. Я пожал руку Андреа, и он мне сказал: «О, мистер Варди, вы – легенда в Италии». Мне было приятно слышать такие слова, я улыбался. После матча я сфотографировался с Андреа и его сыном.

Мы не смогли послушать пение Андреа на поле, потому что, как только он вышел, у нас началась разминка. Но мы все равно слышали его из раздевалки. Это было великолепно. Обычно ты не любишь, когда что-то задерживает матч, но сегодня это было очень душевно. Я пересмотрел его выступление пару дней спустя, потому что просто хотел посмотреть, как он поет. Он стоял без волнения на сцене с микрофоном перед огромным стадионом. Мне понравилось, как он изменил строчку «Пора сказать до свидания» на «Пора снова побеждать». Клаудио смотрел на него и улыбался, тренер был так горд!

Я не чувствовал груза ответственности, когда вышел на поле. Титул вдохновлял нас, мы играли по-чемпионски. Для Кинги, который был единственным игроком команды, игравшим со времен выхода из Первой лиги, этот день был выдающимся. Он ассистировал мне при первом голе, а потом забил и второй. В итоге он был назван игроком матча. Это был типичный Кинги – он никогда не подводил тебя.

Потом я забил свой второй гол в матче, ставший двадцать четвертым в сезоне. Я стоял у точки пенальти, когда Хоэль Роблес, голкипер «Эвертона», попытался смутить меня. «Ты пробьешь в центр», – сказал он мне, когда я ставил мяч на точку. Я вспомнил, как уже разговаривал с вратарями перед пенальти несколько лет назад, когда играл в «Стоксбридже». Хоэлю я сказал, что не промахнусь, и пробил вправо от него, убедившись, что он останется стоять на месте. Но столь же умным я не выглядел, когда бил следующий пенальти. Я врезал по мячу так, будто пытался разорвать сетку ворот в честь того, что оформляю свой первый хет-трик в Премьер-лиге, но в итоге чуть не попал в вертолет, который летал над стадионом.

Все фанаты пели песню для Каспера Шмейхеля, когда я бил пенальти. Я не понял почему. После матча я поговорил с Петером Шмейхелем, легендарным голкипером «Манчестер Юнайтед», который был отцом нашего Каспера. Он рассказал, что, будучи вратарем, забил единственный гол в Премьер-лиге против «Эвертона». Вот тогда я пожалел, что не дал Касперу пробить

пенальти, он бы справился лучше, чем я.

Мы обыграли «Эвертон» по всем статьям, победив 3:1. После финального свистка мы ждали начала церемонии награждения в раздевалке. Мне хотелось, чтобы это произошло скорее. Я смотрел по телевизору такие церемонии, когда был маленьким. В те времена трофей каждый раз доставался «Манчестер Юнайтед». На экране были легенды футбола, которые завоевывали титул чемпиона из года в год. Но теперь была наша очередь. Чемпионом стал «Лестер Сити», и никто не может сказать, что мы не заслужили этот титул.

Мы выходили на поле по очереди, включая персонал клуба, и становились на правую сторону поля рядом с Вишаем. Потом мы пожимали руки друг другу перед вручением наград. Этот момент был замечательным: фанаты махали флагами и пели: «Чемпионы!»

Каждый получил медаль. Я прыгал на помосте, держась за плечи Клаудио, пока мы ждали кубок. Он повернулся, чтобы посмотреть, кто это. Но, думаю, он и так знал, что это я.

Уэс встал впереди команды вместе с Клаудио, чтобы получить трофей. Это был незабываемый момент. Секунду-другую Уэс смотрел в небо. Думаю, он хотел насладиться этим моментом. А потом началась вакханалия, как на вечеринке в моем доме, но на этот раз чувство восторга разделяли более 30 000 болельщиков на стадионе.

Это казалось нереальным, будто мы все еще пребываем во сне. Все, кроме Хутти, который выигрывал титул уже дважды, будучи молодым игроком в «Челси». Не думаю, что кто-то из нас в своих представлениях видел себя на месте победителей Премьер-лиги с медалями на шее.

Почти все из нас были когда-то отвергнуты на той или иной стадии, немало ребят играли в низших дивизионах. Честно говоря, мало кто предполагал, что такие клубы, как «Лестер», способны завоевать титул. Думаю, что наша история может сослужить людям хорошую службу, стать вдохновляющей. Не только по отношению к футболу, но в целом – к жизни. Эта история показывает, что в твоей жизни может осуществиться все, если тебя окружают прекрасные люди.

Мне было 29. До этого момента я десять лет провел в нелиговых клубах и вот – держу кубок Премьер-лиги над головой. Это доказывает, что ты можешь достигнуть всего, если у тебя будет правильный настрой.

Бэкки и дети радовались, как и «переростки», которые приехали из Шеффилда, чтобы стать частью этого грандиозного события. Они его даже не могли себе представить, когда садились

в автобус до Галифакса или Флитвуда, чтобы посмотреть мои игры.

Каждый получил медаль. Я прыгал на помосте, держась за плечи Клаудио, пока мы ждали кубок.

Этот день принес так много улыбок людям, мой телефон был полон поздравительных сообщений. Одно из них было от Сержио Пиццорно, гитариста из рок-группы *Kasabian*, который всю жизнь был фанатом «Лестера» и хорошо меня знал. Он просто написал: «Спасибо за этот день, брат!»

У нас все еще оставалась одна игра. Мы поехали на «Стэмфорд Бридж» на матч с «Челси». Их игроки выстроились в два ряда, чтобы поздравить нас. Но один из нас заслужил этого больше, чем все другие. Это был Клаудио Раньери, который появился на стадионе своего бывшего клуба. Он получил невообразимую порцию оваций от всех игроков и фанатов «Челси». Он был почти так же популярен, как Эден Азар у наших болельщиков. «Эден Азар, он один из нас» – пели приехавшие из Лестера болельщики, которые до сих пор пребывали в состоянии непрекращающейся вечеринки.

Я не забил гола, чтобы поравняться с Гарри Кейном и получить золотую бутсу, но это меня не беспокоило. Мы стали чемпионами Премьер-лиги – вот что было важно. Мы закончили сезон на мажорной ноте: Дринки забил мяч с двадцати пяти ярдов.

Двадцать четыре часа спустя мы вернулись из Лондона в Лестер на парад на крыше автобуса. Это был очередной необыкновенный день. Наши болельщики были потрясающими весь сезон, но я не ожидал увидеть столько людей – их было 250 тысяч. Они принадлежали к разным поколениям. Автобус был окружен толпой по всему маршруту своего следования. Это подчеркивало значимость нашего достижения для жителей города.

Фанаты прижимались к стеклам автобуса, держа на вытянутой руке свои телефоны, забирались по стенкам автобуса. Один парень даже облил нас шампанским. Кто-то кидал на крышу автобуса банки с пивом, которое мы потом выпили. Я держал в руках футболку с надписью *«Chat Shit, Get Banged»*. Я даже надел ее на несколько минут, думая, что это единственное подходящее время для такой выходки, ведь потом бы меня осудили.

Нейл Пламб, наш фотограф, допустил огромную ошибку, когда оставил свою камеру без присмотра. Я взял ее и сделал

несколько снимков того, что происходило вокруг.

Этот яркий момент навсегда останется у меня в памяти. Мы вышли из автобуса в парке Виктория, где прошествовали на сцену. Никто из нас не был готов к тому, как нас встретит такая масса болельщиков: десятки тысяч бело-голубых футболок и флагов развевались вокруг нас вплоть до горизонта. Эта картина поразила меня. Я наконец осознал, что мы сотворили историю, которую и болельщики, и город, и футбольный клуб, и мы сами будем вспоминать всю жизнь.

Эпилог

Прошло шесть недель после того потрясающего вечера в парке Виктория. На стадионе в Ницце, во Франции, мы попали в настоящий кошмар. Даже у счастливых историй бывают свои неприятные моменты.

Некоторые неудачи принять гораздо тяжелее. Финал Евро-2016 прошел без нас. Я вышел на замену в игре против Уэльса и забил гол. Это должно было стать триумфом моей истории: забить гол за свою страну в крупном турнире – это мечта многих игроков с детства.

Однако это событие было омрачено нашим вылетом на первом этапе плей-офф. Мне тяжело вспоминать, что случилось тогда во Франции. Матч против Исландии был просто ужасным – это худшее, что случалось со мной в футболе. После финального свистка я чувствовал себя абсолютно опустошенным. Мое сердце болело, как и у каждого фаната сборной Англии. Я сам болельщик и всегда им останусь – вне зависимости от того, играю я за сборную или нет.

Не могу найти ответ на вопрос, что пошло не так. Единственное, что могу сказать: сидеть в раздевалке после этого матча было невыносимо. Мы понимали, что подвели всех. Рой, который подарил мне шанс сыграть за национальную сборную, сказал, что покинет пост главного тренера.

* * *

В целом эти три недели были бурными, поскольку «Арсенал» захотел перекупить меня у «Лестера» накануне чемпионата Европы. Мне пришлось принимать ответственное решение. Нужно было хорошенько поразмышлять, я сопоставлял все «за» и «против».

Такие люди, как Алексис Санчес и Месут Озил, создают моменты, «Арсенал» считал, что я могу помочь их клубу. Мне, в свою очередь, такие хорошие ассистенты тоже бы помогли. Я понимал это, но – имелся и тактический аспект. Посмотрите, как играет «Арсенал»: они не передают мяч быстро вперед, как в «Лестере», где я мог на контратаках просочиться через защиту соперников.

Еще один аспект, который отталкивал от этой идеи, заключался в том, что в «Арсенале» я не буду «главным игроком». Каждый раз, переходя в другой клуб, я сталкивался с множеством

проблем. Переход в «Арсенал» стал казаться мне все более нежелательным.

Это показывает, насколько серьезно я взвешивал плюсы и минусы. Нам с Бэкки пришлось бы искать новую школу для детей. Также я чувствовал, что душой хочу остаться в «Лестере». Это решение никак не связано с чувством верности или привязанности к одноклубникам. Это – футбол, игроки приходят и уходят. Я решил остаться, потому что клуб хотел развиваться дальше на основе нашего чемпионства. Я хотел быть частью этого развития, поэтому подписал новый контракт, который принесет четыре года спокойствия мне и моей семье. Рад, что все вышло именно так. «Мечта продолжается», – написал мне Клаудио, когда я согласился остаться. Именно так я себя чувствовал.

* * *

Я, даже по моим стандартам, жал на акселератор летом 2016 года, играя в полную мощь. Иногда мне казалось, что я вообще не могу идти по среднему пути, не принимаю полумер. Все или ничего – такое у меня видение жизни.

В одних случаях такое отношение помогает, а в других служит помехой. Я знаю, что совершил немало ошибок за свою жизнь, как и все люди. Но осознал, что я достаточно хорош для профессионального футбола. У меня был потенциал, который другие зачастую не видели.

Мое сердце было разбито, когда меня выгнали из «Уэнсдей». Но я бы не хотел вернуться назад и изменить прошлое. Многие люди быстрый путь предпочитают тернистому. Я был игроком в нелиговых клубах: «Стоксбридже», «Галифаксе» и «Флитвуде». Но я никогда не предавал свою мечту, хотя и не преследовал ее тоже. Когда я работал на фабрике, я не мог даже представить, что однажды буду играть в Премьер-лиге и выступать за национальную сборную. Долгое время я просто надеялся, что кто-то принесет мяч и в перерыве мы поиграем. Так было даже когда мне исполнилось 24.

Пять лет спустя я стал чемпионом Премьер-лиги с медалью на шее. Руд ван Нистелрой качнул мне головой на входе в раздевалку сборной Англии, чтобы поздороваться. Сценарист сидел напротив и обсуждал голивудский фильм, а на камине стояла моя персональная награда от Профессиональной футбольной ассоциации. Этим трофеем в три предыдущих сезона владели Эден Азар, Луис Суарес и Гарет Бэйл. С ума сойти! – мне понадобилось много времени, чтобы осознать, что все случилось

именно так.

Способности были у меня всегда, но мне не хватало самоотверженности, особенно после исключения из «Уэнсдей», когда я сбился со своего пути. Но игра в нелиговых клубах помогла мне снова обрести уверенность. Подписание контракта с «Лестером» раскрыло во мне профессионального игрока. Конечно, у меня были проблемы и там. Я всегда вспоминаю тот разговор с Найджелом Пирсоном, Стивом Уолшем и Крейгом Шекспиром после окончания первого сезона в «Лестере». Эта беседа была определяющей в моей карьере, ведь я был готов уйти. Но Найджел и его тренерский штаб заставили меня поверить в то, что я могу играть на этом уровне.

Бэкки была человеком, который принес спокойствие в мою хаотичную жизнь. Это помогло мне поменять положение дел – как на поле, так и в жизни. Ее поддержка помогла мне сфокусироваться на футболе как никогда ранее.

Не поймите меня неправильно, я не превратился в один момент в милого ангелочка. Я все еще выпивал пиво, шумел в раздевалке, но все же… Я определенно стал спокойнее.

Мы сыграли свадьбу в Пекфортонском замке, пригласив много друзей. Меня даже пробило на эмоции, когда в церкви наша дочь Софья шла впереди Бэкки между рядами скамеек. Я взглянул на ее личико – и прослезился. Вот как много стала для меня значить семейная жизнь.

Наличие детей помогало мне строить планы на будущее, что позволяло справляться со всеми неурядицами в футболе. Я не мог этого сделать несколько лет назад, когда после окончания каждой игры напивался скиттлс-водкой или чем-то покрепче.

Летом мы поехали в Португалию, я сидел в маленькой рыбацкой лодке с детьми, наслаждался солнечными лучами и думал о скором рождении нового ребенка. Я не мог быть счастливее, чем в этот момент.

* * *

Я доволен новым этапом в моей карьере. Мне должно исполниться 29, но я играю в профессиональный футбол лишь четыре года, поэтому у меня еще много сил.

Кроме того, летом 2016 года я открыл футбольную академию V9. Хочу помочь игрокам, оказавшимся в той же ситуации, что и я, когда играл в нелиговых клубах. Хочу проводить ежегодные пятидневные занятия в Манчестере, где игроки из низших

эшелонов английского футбола смогут показать себя перед профессиональными клубами. Будет замечательно, если мы дадим хотя бы нескольким парням возможность пробиться в Футбольную лигу и пройти по моему пути.

Пробиться на профессиональный уровень очень тяжело, особенно если твою уверенность растоптали словами о том, что ты не справишься. Я-то знаю, каково испытывать такие чувства. Но вдвойне тяжелее принять такие слова за истину, когда ты годы своей жизни посвящаешь занятиям любимым делом. Я чувствовал, что потерял свое детство и любимый футбольный клуб.

Но все же я доказал, что те люди были не правы. Это не было главным мотивом, я просто любил гонять мяч, и «Стоксбридж» дал мне такой шанс. Тогда я был ужасно далеко от места, где хотел находиться. Но все равно не хотел менять свой путь. Тот голод, рвение и желание, с которым я выхожу на поле, – следствие моей истории. Я надеюсь, что мой опыт сможет вдохновить других и убедить в том, что, если путь начался плохо, это еще далеко не конец путешествия.

Благодарность

Работая над этой книгой, я осознал, как далеко был от исполнения своей мечты и какое удивительное путешествие я совершил. Да, понадобилось немало времени, чтобы соединить все пазлы воедино, но я рад такому опыту. Работа над книгой освежила столько воспоминаний! Иногда мне помогали друзья. Например, Эшли Кросс, с которым я работал в «Трулайфе», Бретт Ловелл – мой старый одноклубник в «Стоксбридже». Я обещаю, что проставлюсь по пиву за вашу помощь.

В футбольном мире люди приходят и уходят, все меняется так быстро. Но я всегда буду помнить многих своих тренеров: Гэри Морроу из «Стоксбридж Парк Стилс», Нила Аспина, который подписал меня в «Галифакс», Микки Меллона из «Флитвуда» и, конечно, Найджела Пирсона и Клаудио Раньери из «Лестера». Все вы верили в меня, и я благодарен всем и каждому из вас.

Если вспоминать об игроках, с которыми я любил проводить время на поле и вне его, то я могу перечислить множество имен. Но особенно я благодарен ребятам из «Лестера», тем, кто вписал свои имена в историю, выиграв титул чемпиона Премьер-лиги. Я понимаю, что не достиг бы такого успеха без помощи этих ребят.

Я также хочу выразить благодарность Дэйву Ренни, физиотерапевту «Лестера». Он лечил меня после травм, а также корректировал некоторые главы этой книги, касающиеся травм. Признателен я и другим членам персонала «Лестера», особенно Крейгу Шекспиру, помощнику Клаудио, и Стиву Уолшу, который сейчас переехал.

Мой агент Джон Моррис работал со мной с 2011 года, когда я играл в непрофессиональном клубе. Он поддерживал меня и давал советы на протяжении многих лет. Я благодарен Джону и его коллегам из «Кей Спортс».

Приближаясь к точке в этой книге, хочу поблагодарить Стюарта Джеймса за его упорный труд и самоотверженность. Сотрудникам издательского подразделения *Ebury* я также признателен за помощь, особенно Эндрю Гудфеллоу и Лауре Хорсли, которые были в восторге от моей истории.

Но больше всего я благодарен моей жене Бэкки и детям. Ваши любовь и поддержка для меня очень важны. Все, что я делаю на поле, посвящено вам.

notes

Примечания

1

Праздник в странах Британского содружества.

2

«КПР» – футбольный клуб «Куинз Парк Рейнджерс».

3

Город в графстве Лестершир.

4

«Шпоры» – прозвище команды «Тоттенхэм Хотспур».

5

Малин-Бридж – предместье Шеффилда.

6

Стадион клуба «Шеффилд Уэнсдей».

7

Городок на восточном побережье в 300 км от Шеффилда.

8

Вдвое меньший, чем Грейт-Ярмут, городок на восточном побережье в 160 км от Шеффилда.

9

Район Шеффилда.

10

Педагог-наставник, нечто близкое к российскому классному руководителю.

11

Меня зовут Джейми Варди.

12

Ныне – игрок сборной Англии по регби.

13

Транспортная компания в Шеффилде.

14

Парень Джек (Jack the Lad) – так называют самоуверенных и легкомысленных молодых людей, которые ведут себя как хотят, не обращая внимания на мнение окружающих.

15

Идентифика́тор, ID (*англ.* data name, identifier – опознаватель) – уникальный признак объекта, позволяющий отличать его от других объектов. Аналог паспорта.

16

Район Ливерпуля.

17

Термин «нелиговый» употребляется автором неоднократно. Он, как правило, означает, что речь идет о клубе или игроке, играющем ниже четвертого уровня структуры английского футбола. Верхние четыре – это Премьер-лига, Чемпионат футбольной лиги (Чемпионшип), Первая и Вторая футбольные лиги. На этих уровнях находится профессиональный футбол, на нелиговых уровнях – футбол полупрофессиональный или даже любительский.

18

В Англии, США так называется специальная служба, контролирующая исполнение условного наказания.

19

Английская идиома, которую можно перевести на русский язык примерно так: «Болтаешь дерьмо, получишь хук справа». Фраза сделалась в англоязычных странах популярной среди футбольных болельщиков именно после опубликования ее Джейми Варди.

20

«Моссли Хилл» – ливерпульский футбольный клуб.

21

Северная Конференция – один из двух вторых дивизионов Футбольной конференции Англии, находящихся уровнем ниже Национальной конференции – низшего общенационального дивизиона. Таким образом, Северная конференция вместе с Южной конференцией располагаются на шестом уровне системы футбольных лиг Англии.

22

В структуре английского футбола – третья по значимости лига, после Премьер-лиги и Чемпионшипа.

23

Эмблема клуба «Шеффилд Уэнсдей» – на белом фоне голубые очертания совы.

24

KFC – КейЭфСи, «Жареный цыпленок из Кентукки», международная сеть предприятий быстрого питания.

25

Энтони «Ant» Макпартлин и Деклан «Dec» Доннелли – популярный дуэт ведущих развлекательных телепрограмм.

26

Loose Canon – идиома: неконтролирующий свое поведение, непредсказуемый человек, который может навредить даже своим товарищам.

27

Автор шутит по поводу роста Крауча – за 2 метра, один из самых высоких игроков, когда-либо выступавших в Премьер-лиге.

28

Умпа-лумпа – сказочный персонаж книги Роальда Даля «Чарли и Шоколадная фабрика».

29

На английском сленге – организованные болельщики.

30

Стадион клуба «Лутон Таун».

31

Мовембер (Movember) – прямо переводя на русский – Усабрь. В английском здесь слияние двух слов: moustache – «усы» и november – ноябрь). Так обозначают вид фандрайзинга, зародившегося в Австралии, при котором мужчины ежегодно в ноябре отращивают усы и в течение месяца делают пожертвования на изучение и борьбу с раком простаты и другими мужскими болезнями.

32

Прозвище игроков клуба «Вулверхэмптон Уондерерс».

33

Тренировочное поле «Лестера» находится неподалеку от красивого готического замка «Бельвуар Касл», попавшего во многие фильмы.

34

Домашний стадион «Лестера».

35

Дэвид Ньюджент.

36

Прозвище игроков «Лестер Сити» – *Лисы*.

37

Накануне одного из манчестерских дерби Марио Балотелли, игрок сборной Италии, проводил время дома в компании друзей. Компания отыскала в доме запасы фейерверков и принялась запускать их из окна ванной комнаты.

38

Стив Уолш и Крейг Шекспир.

39

Дэниел Дринкуотер.

40

Так Варди называет Кевина Филлипса.

41

Персонаж из комиксов «Рой из “Роверс”».

42

Шпоры – прозвище клуба «Тоттенхэм Хотспур».

43

Программа видеосвязи на всех устройствах от Apple.

44

Прозвище Уэйна Руни.

45

См. примечание 19.

46

Слово «Jap» представляет собой сокращение от слова «Japanese», ставшее оскорбительным во время Второй мировой войны. Аналог в русском языке – «япошка».

47

Домашний стадион клуба «Тоттенхэм Хотспур» в Лондоне.